ОТБЛЕСКИ НАШИХ КОСТРОВ

Посвящается нашим
ушедшим навсегда
друзьям-археологам

ОТБЛЕСКИ НАШИХ КОСТРОВ

Очарованные археологией

Археологическая лаборатория
Челябинского государственного педагогического
института / университета представляет:
Творчество, посвященное науке...

Челябинск 2020

УДК 902.6
ББК 63.4
О 80

О 80 **Отблески наших костров: Очарованный археологией** [Электронное издание]/ сост. Н.Б. Виноградов. – Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного педагогического университета, 2020. – 164 с.: илл.

ISBN 978-5-907210-96-7

Публикуемая подборка составлена из плодов творчества нескольких поколений «лабораторцев», благо самой лаборатории в 2019 году исполнилось 45 лет. При подготовке издания были использованы материалы личных архивов С.В. Маркова, Г.Л. Туфленковой, Л.В. Туфленкова, А.А. Зайцева, С.Г. Боталова, В.П. Костюкова; материалы из фондов Объединенного Государственного архива Челябинской области, Музея истории народного образования Челябинской области при ЮУрГГПУ.

Было решено использовать проверенный веками историко-хронологический принцип в сочетании с персональным подходом. Содержание сгруппировано по авторам. Это стихи и проза, посвященные археологии и лаборатории, а также разнообразно выполненные образы: от штрихового рисунка до скульптуры. Каждой авторской коллекции предшествует небольшое вводное слово. Оно зачастую необходимо для объяснения появления того или иного сюжета в этом издании.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 902.6
ББК 63.4

Работа рекомендована РИС ЮУрГГПУ. Протокол № 20, 2020 г.
Издательство ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

Редактор *О.Э. Карпенко*
Обложка *М.В. Садковой*
Фото *С.Б. Баязитова, Н.Б. Виноградова, С.В. Маркова, Н.Н. Пашковой, В.Г. Швеммера*

Подписано в печать 17.03.2020 г.
Уч. изд. л. 8,97. Усл. п.л. 19,53. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$
Тираж 100 экз. Заказ № 145

ISBN 978-5-907210-96-7

© Н.Б. Виноградов, составление, 2020
© Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2020

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом – даль, за каждой далью – вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах – как бесконечно мал...!

Шарль Бодлер

АРХЕОЛОГИЯ КАК КОСМОС

Археология как таинственный магнит всегда притягивала к себе творческих, талантливых, ищущих людей.

«Славянская» серия картин Н. Рериха, появилась не в последнюю очередь как следствие его интереса к археологии. Поэты В. Брюсов, И. Бунин также не смогли избегнуть обращения к древним и даже археологическим сюжетам! «Я исчерпал до дна тебя, земная слава! / И вот стою один, величьем упоен, / Я, вождь земных царей и царь – Ассаргадон...» (В. Брюсов); «Курган разрыт. В тяжелом саркофаге / Он спит, как страж. / Железный меч в руке...» (И. Бунин). Удивительно глубокие и проникновенные строки посвятили археологии поэт Тудор Аргези – «Археология» («Моя душа хранит с минувшим связь, / Я вижу прошлое за слоем пыли .../ Во мне веков останки опочили / Меня об этом не спросясь...), «Слава» («Бесформенных развалин дымящаяся груда. / Здесь город был. А ныне бежала тень отсюда...), Бертольд Брехт («Изо всех вещей» «Развалины зданий / Вновь обретают контур незавершенных строений:/ Словно набросок вчерне – их силуэты / Уже угадываются; но от нас это требует / Мысли...»).

Перечисление великих имен можно продолжать долго. Тезис об археологии как побудительном творческом начале справедлив и для уровня нашей «отдельно взятой» археологической лаборатории в глубоко провинциальном Челябинске.

Лаборатория археологических исследований и школьного археологического краеведения ЧГПИ / ЧГПУ / ЮУрГГПУ за сорок пять лет своей истории стала вторым домом для целой плеяды по-разному талантливых людей. И не счесть тех, кто подходил на свет далекой звезды по имени «Археология» к нашим вечерним кострам и надолго, а порой и на всю жизнь оставался «сочувствующим» этой чудесной, возвышающей все, вся и всех науке.

Вечерний костер на раскопках Синташтинского могильника. Лето 1974 года

Поклонение дивной науке о далеком прошлом принимало самую разнообразную форму. Оно могло притвориться в различной степени научным докладом на конференции, на том же УПАСК, статьей в сборнике. Иногда эта потребность в собственной археологической идентификации отражалась в самом что ни на есть художественном творчестве. В этом случае было совсем не важно, что в руках – карандаш, кисть с красками, перьевая ручка с тушью или, наконец, простецкая ручка шариковая или спусковая кнопка кинокамеры. Сознание и желание самовыразиться рождали образы – образы Археологии.

К сожалению, не все жанры творчества «лабораторцев», запечатлевшие археологию, нашли отражение в этом издании. Великолепная серия уникальных документальных фильмов, рассказывающих об археологических исследованиях нашей лаборатории, о детской археологии, талантливо созданных Сергеем Мазовым с 1984 по 1995 год, не представлена здесь по техническим условиям размещения и требует отдельного издания.

Публикуемая подборка составлена из плодов творчества нескольких поколений «лабораторцев», благо самой лаборатории в 2019 году исполнилось 45 лет. При подготовке издания были использованы материалы личных архивов С.В. Маркова, Г.Л. Туфленковой, Л.В. Туфленкова, А.А. Зайцева, С.Г. Боталова, В.П. Костюкова; материалы из фондов Объединенного Государственного архива Челябинской области, Музея истории народного образования Челябинской области при ЮУрГГПУ.

Было решено использовать проверенный веками историко-хронологический принцип в сочетании с персональным подходом. Содержание сгруппировано по авторам. Это стихи и проза, посвященные археологии и лаборатории, а также разнообразно выполненные образы: от штрихового рисунка до скульптуры. Каждой авторской коллекции предшествует небольшое вводное слово. Оно зачастую необходимо для объяснения появления того или иного сюжета в этом издании.

Представленная подборка не претендует на исключительную полноту и может быть дополнена. Благо, электронный формат издания это легко позволяет сделать.

С уважением, Н.Б. Виноградов

И как Шлиман откапывал Трою,
Взяв на веру слепого Гомера,
По стихам твоим внуки откроют
Наши муки и нашу веру.

А. Вознесенский

Больно возвращаться назад,
Ибо опять окажешься на перекрёстке дорог,
И опять надо выбирать свой путь,
И опять сомнения. Тот ли ты выбрал?

(Мысли вслух)

Археологическая песня, особый культурный пласт в каждой нашей экспедиции. Я не знаю ни одной из них, где не пелись бы известные песни у костра, не рождались новые. И это не случайно! Песня у костра, это не только определённый ритуал, это сохранение традиций, это воспитание, определение самоидентичности, группы людей, занятых одним очень важным и любимым делом.

Я думаю, что и наши предки также собирались кругом у костра и пели. И взрывали тишину степей, лесов, гор эпические песни-повествования, едкие скоморошины, романтические баллады. Человек всегда во все времена любил и ненавидел, стремился к мечте, и песня синтезировала те нравственные принципы, которые лежали в основе духа народа.

Археологическую песню нельзя выделить как определённый жанр, хотя в своей основе это интеллектуальная (бардовская) песня, и, наверное, многие авторы были бы удивлены увидев в сборнике археологических песен свои произведения. Но в этом и состоит суть археологической песни, когда мы говорим, что это «наши песни», мы присваиваем те ценности, которые они несут, которые нам близки и понятны.

Я не ретроград, но невольно сравниваю поколение 1980-х,1990-х с нынешними студентами и не понимаю, какие ценности может нести подвывание у костра «О-о-и-я-и-ё батарейка». О какой судьбе-злодейке, так сокрушаются молодые люди?

Я благодарен судьбе, что в наши студенческие годы нам сделал прививку хорошей поэзии Николай Борисович Виноградов, именно он с баяном у костра, сумел сплотить нас в единый коллектив не только через археологию как «стиль жизни», но и через поэзию Булата Окуджавы, Александра Городницкого, Юрия Визбора, Юлия Кима, Александра Дольского и многих других талантливых поэтов, поющих свои стихи. Этими песнями, казалось, снимается всё наносное, чтобы выйти на «материк», на то, что составит стержень будущих педагогов.

Лаборатория притягивала к себе талантливых, творческих, ищущих людей.

Случайные люди уходили быстро, но те, кто был рядом, в экспедиции, в разведке, у костра, ныне живущие или, к сожалению, навсегда ушедшие, остаются в сердце.

И если мне трудно, на сердце тревога,
Я спрашивать буду совет не у Бога.
Спрошу я у них, как спросил бы когда-то.
Что скажете вы, дорогие ребята?

Эти строчки из песни, посвящённой нашим товарищам – Сергею Мазову и Василию Никифорову, погибшим в автокатастрофе при возвращении из экспедиции, их же можно отнести и к рано ушедшим от нас замечательным людям и археологам, которые составляли и составляют основу замечательной истории лаборатории археологических исследований ЧГПИ.

Песни, рождённые в экспедиции, имеют особый статус; они далеки от высокой поэзии. Это зарисовки, наблюдения, шаржи, описывающие быт, настроения, традиции конкретной археологической экспедиции, и потому понятной только определённому кругу участников событий, хотя есть и исключения из правил. Такое точное попадание вне времени и пространстве я вижу в песнях Тани Чуриной, Сергея Боталова. Их песни переживут не одно поколение археологов, потому что каждый куплет точен по своему содержанию, отражая быт студента, романтику археологического поиска. Они лишены «псевдогражданственности», но они о Родине, об ощущении себя в едином археологическом сообществе, наполнены размышлениями о своём месте в археологии.

То же самое мы можем сказать о песне Любы Загвоздиной «Звон степей».

Посмотрите, какие удивительные строки!

Солнце встаёт над раскопом,
В лагере слышен гонга звон,
Ждёт нас сегодня работа
Мы расчищаем прах времён.
Ну а ночью нам будут сниться
Звон степей, звон степей
Древние колесницы,
И у костра лица друзей.

Бесхитростная мелодия песен, в большинстве случаев заимствованная и узнаваемая, позволяла каждому войти в песенный круг, не имея иногда ни слуха, ни голоса.

Перелистывая страницы сборника, я слышу голоса друзей и воспитанников, собравшихся у костра, и благодарен жизни за годы экспедиций.

С уважением, Л.В. Туфленков

ТВОРЧЕСТВО, ПОСВЯЩЕННОЕ НАУКЕ

ТАНЯ ЧУРИНА

Самый ранний пример творчества, связанного с археологией, для нашей лаборатории, явила Таня Чурина – студентка тогда еще историко-педагогического факультета ЧГПИ. Помню ее разносторонне образованной. Среди интересов Тани в ту пору было и творение стихов. Впервые в жизни встретившись с археологией после первого курса летом 1976 года на раскопках Синташтинского поселения бронзового века в Брединском районе, она была «обожжена» экспедиционной романтикой и всем строем экспедиционной жизни, столь необычным для домашнего ребенка, впервые оставившего дом и семью. В результате появилось несколько ее талантливо выполненных «археологических» стихов, которые она наложила на мелодии известных песен тех лет. На протяжении нескольких десятилетий студенты-археологи пели ее песни у вечерних экспедиционных костров.

Н.Б. Виноградов

Куплеты

А запрягай-ка, тятька, лошадь – серую, лохматую,
Я дом родной сегодня брошу, вооружась лопатою.

Припев: *Не кормите хлебом, дайте степь да небо,*
Макароны расхвалю!
Полюблю закаты, и свою лопату,
И «сахема» полюблю!

Про степи в книжках я читала – от зноя в трещинах земля…
Я всё прекрасно рассчитала и одеяло не взяла.
Мне не страшна любая стужа, меня на полюс можно брать:
Была у нас в палатке лужа – я в ней всю ночь могла проспать.

Припев: *Не кормите хлебом, дайте степь да небо,*
Макароны расхвалю!
Полюблю закаты, и свою лопату,
И «сахема» полюблю!

Не будем каши есть перловой и, наплевав на этикет,
Давайте сварим Шиховского, устроим праздничный обед.
Науке вовсе он не нужен: работал день один всего.
Давайте слопаем на ужин стальные мускулы его!

Припев: *Не кормите хлебом, дайте степь да небо,*
Макароны расхвалю!
Полюблю закаты, и свою лопату,
И «сахема» полюблю!

Кто там идёт в сиянье взгляда? Любовь одна, одна по гроб –
Таким бывает Виноградов, вдали завидя свой раскоп.
Кто там идёт в сиянье взгляда? Он весь – восторг, он весь – порыв!
Таким бывает Виноградов, когда идёт на перерыв.

Припев: *Не кормите хлебом, дайте степь да небо,*
Макароны расхвалю!
Полюблю закаты, и свою лопату,
И «сахема» полюблю!

Мы причесались в это утро, и каждый третий был умыт.
Но свердловчанам почему-то мы не понравились на вид.

Припев: *Не кормите хлебом, дайте степь да небо,*
Макароны расхвалю!
Полюблю закаты, и свою лопату,
И «сахема» полюблю!

Науки лучше не найдёте, археологию открыв!
Я начала с любви к работе, к концу любила перерыв.
Я не забуду лагерь милый, но, чтоб продлилась жизнь моя,
Любимый возглас: «По могилам!» – должна утрами слышать я.

Припев: *Не кормите хлебом, дайте степь да небо,*
Макароны расхвалю!
Полюблю закаты, и свою лопату,
И «сахема» полюблю!

1976 г.

Археологическая лирическая

Зарытый в землю по уши, и весь покрытый пылью
Скажите, землю роющий, чего Вы здесь забыли?

Припев: А может быть, отыщется, что скрыли Вы, пыля,
Ваше Величество, Родная Земля.

Техническим открытиям махнув больной рукой,
Скажи, зачем же рыть её лопатою простой?

Припев: А может быть, отыщется, что скрыли Вы, пыля,
Ваше Величество, Родная Земля.

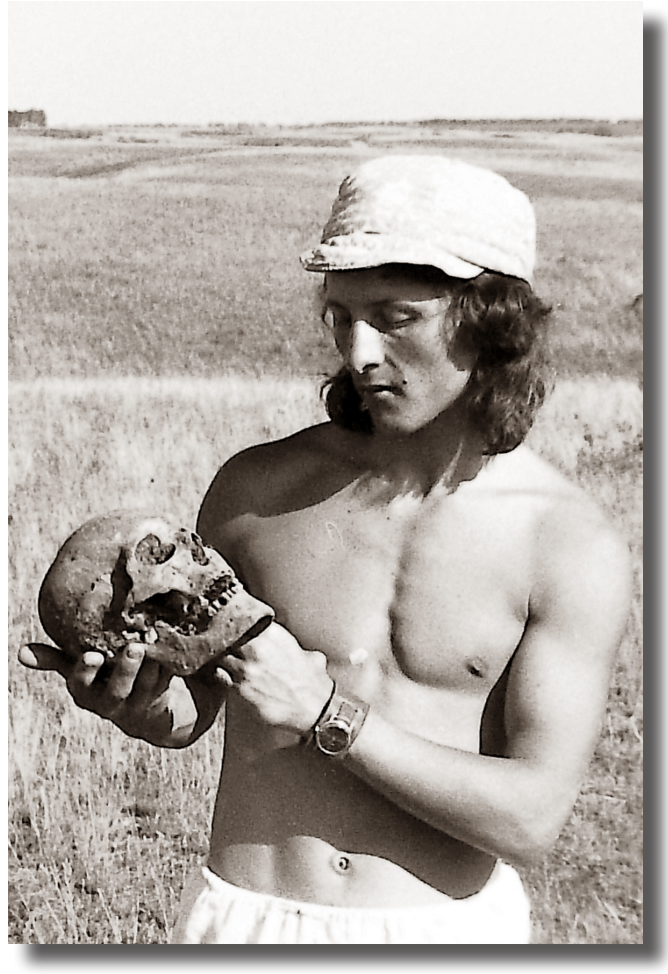
Зачем с утра с лопатою встречать в степи восход?..
Сокровище запрятано, а кто его найдёт?

.

Припев: А может быть, отыщется, что скрыли Вы, пыля,
Ваше Величество, Родная Земля.

1976 г.

СЕРГЕЙ БОТАЛОВ



Говорят, что талантливый человек талантлив во всем. Эти слова в полной мере можно отнести к Сергею Боталову. Выпускник историко-педагогического факультета ЧГПИ, получивший фундаментальную подготовку не только по историческим наукам, но и по науке человеческих отношений, он всю жизнь посвятил... учебе. За его плечами полный курс археологического образования в двух лабораториях – ЧГПИ и ЧелГУ, защита двух диссертаций, библиография созданных им монографий и научных статей, многолетнее успешное руководство деятельностью первого в Южном Зауралье хоздоговорного археологического образования – Археологического Научного Центра и... трепетная любовь к науке, стремление воспеть ее светлый образ. Эта часть жизненного спектра отразилась в творчестве, образцы которого представлены в этом издании.

Н.Б. Виноградов

Проза и стихи

И мы уносим солнце в рюкзаках

Наш разведочный отрядик, разбившись на две группы, идет вдоль степной речушки, которая прерывается время от времени, образуя вереницу небольших, но глубоких, прозрачных озерец. На карте они напоминают вязку голубого бисера, брошенную к подножию крутых отрогов южноуральских гор. Это Сухая. Очевидно, именована так потому, что речкой становится лишь в снеготал да дождевое время. Моя первая разведка.

Замысловатые задачки пойменного ландшафта заставляют нас беспрестанно брать лопату в руки — шурфовать едва заметные мысы и сглаженные останцы пойменных террас и прикидывать на свой манер: «Удобно. Я бы здесь поселился». Увы! Наши древние земляки так не считали. Шурф за шурфом. И ни следочка их обитания. Тогда, в далекой студенческой молодости, нам было еще невдомек, что земля, как и люди, изменчива и древнее русло петляет в стороне в виде едва заметной ложбинки в широкой долине далеко от современного. А потому и следы древних поселений скрыты там, в ландшафтной неразберихе, а чаще же всего безвозвратно разрушены, стерты с лица земли пашнями, оврагами и дорогами. Да и курганы насчет местоположения не проявляют постоянства. То они гордо седлают высокие кряжи-сырты, как их называют в этих местах, то прячутся в глубоких седловинах, то спускаются к самой воде по пологим языкам береговых террас.

Кто скажет, сколько археологических памятников мы тогда не обнаружили, однако то, что нашли, было только наше, потому что нами открыто. Каждый памятник имеет «лица необщее выраженье» и интересен по-своему. Вот глубокие, плавно заплывшие впадины жилищ скотоводов бронзового века. Обильное содержание золы в почве, которой были засыпаны крыши жилья, пережжённые кости и обломки горшков — керамика со специфическим «геометрическим» орнаментом, безошибочно указывает на время и культурную (племенную) принадлежность здешних поселенцев. А вот в дорожной колее, прорезавшей крутой мыс, запестрели изящно сколотые пластинки и отщепы. Наша, южноуральская яшма — все цвета и оттенки. Она очень тверда, почти не уступает алмазу — булат каменного века, по-башкирски так и именуется — «таш-булат», но на удивление легко скалываются с нее вот эти чешуйки-микролиты, острые, как бритва. За что и особо ценилась яшма мастерами каменного века, потому и стремились они в наш край. А вот стоянка древних охотников и рыболовов, остановившихся здесь, вблизи тогда широкого плёса, на время весеннего, обильного рыбой, паводка. Было это (невозможно представить!) десятки тысяч лет назад, а на берегу до сих пор из-под дёрна выступают кольцевые каменные очажные подставки под остродонные горшки.

Мы тормозим. Необходимо фотографирование, шурфовка, снятие плана. Скрупулезно, до мельчайшей детали отмечаем всё, что рисует облик кратковременного посёлка, и словно возвращаем этой когда-то обжитой земле её хозяев. И сами мы, разводя костер, возводя брезентовое временное палаточное жилье, оживляем степь. И, сидя у костра на краю мыска на мягком ковре гусиной травки-подорожника, не можем отделаться от ощущения присутствия некой другой жизни, какого-то «параллельного» мира, невообразимо далекого и вместе с тем — вот он, рядом, рукой подать, и ты сам чуть ли не в нем самом.

А вот ты ступаешь на поверхность древнего некрополя. Ощущение будто входишь в храм. Не стоит удивляться, ведь каждый курган и был храмом для древних, освященным прахом столь чтимых родичей почти богов, да кое в каких племенах и богов. Еще

в середине II тысячелетия до н.э. индоарии сооружали вокруг захоронений грунтовые и каменные ограды, выравнивали в них и покрывали глиной площадки, перекрывали могилы плахами и возводили на них купола — толосы, строили деревянные склепы и воздвигали на них земляные многоступенчатые пирамиды. Какие совершались обряды, какие молитвы произносились в этих храмах, мы никогда не узнаем. Нам суждено ощутить отзвук былой священности лишь воображением и чувствами. И не однажды мы были потрясены мощностью их проявления.

Помню, какое яркое впечатление испытал, когда поднялся на высокий береговой кряж неподалеку от поселка Городищенского. Каменные шапки курганов буквально усеяли плоское навершие возвышенности. На краю располагалось казахское родовое кладбище. Сколько же столетий здесь хоронили! Мы долго петляли между курганами, пока не выбрались к подножию самого большого. К нему с севера и юга прилепились два маленьких курганчика. Сразу обратили внимание на две каменные гряды, отходящие от маленьких курганов на восток почти на 200 метров. На концах их были выложены своеобразные кольцевые вымостки-площадки. Это был так называемый курган «с усами» — степная обсерватория, храм и усыпальница. Так мы открыли первый подобный курган на Южном Урале. В большом количестве ранее такие были обнаружены в Центральном Казахстане. В основном в насыпях курганов находили остатки кострищ и керамику. Вблизи, как правило, располагались могильники саков середины I тысячелетия до нашей эры, потому и курганы с «усами» первоначально принято было связывать с их эпохой — ранним железным веком.

Это был мой первый приметный археологический памятник. Войдя на полузамкнутую каменными грядами площадку, мы пытались найти хоть какие-то следы воздействия человеческих рук. Но ровная степная гладь, заросшая нежными султанчиками ковыля, не давала ни малейшей зацепки. Как выглядел этот степной памятник многие века назад, сказать сложно. Может быть, здесь были установлены столбы, олицетворявшие символическое дерево мира. На них вешали жертвенные приношения, таким образом, отдавая дань уважения усопшим. Сейчас же всё обезмолвил безответный степной покой. Помню, как старательно зарисовывал каждый камень «усов» и был уверен, что однажды ещё вернусь в этот храм и обязательно открою его тайны. То неосознанное нечто уже будило и будоражило меня.

Прошло много времени, и встреча действительно состоялась. Легко и просто случилось новое открытие. Правда, ему надо было посвятить почти два десятилетия полевых скитаний и исследований памятников кочевников. Почти два десятилетия бдений над книгами, из которых буквально по слову, по намеку извлекались скудные сведения арабских, персидских, китайских и европейских путешественников о неведомых для них далёких землях, на которых обитали легендарные, полуфантастические, в их понимании, племена. О походах великих каганов и ханов, о могучих степных державах, которые разом вдруг возникали вроде бы на пустом месте и столь же стремительно исчезали, как зыбкие миражи на степном горизонте. Уже было определено, что курганы с «усами» представляли собой грандиозные наземные астрономические приборы, с помощью которых можно было фиксировать ось восхода солнца в дни солнцестояния, вести отсчет времени на своеобразном скотоводческом календаре, но чрезвычайная скудность (а вернее, полное отсутствие культурного слоя), не позволяла определить время и культурную принадлежность этих памятников. Кто их воздвигал? Саки или более поздние гунны, тюрки? И все же, накопление материалов раскопок и неожиданные догадки — озарения позволили приоткрыть незримый полог этих степных храмов-усыпальниц. Были исследованы курганы, в насыпях которых обнаружили-таки пережженные человеческие и лошадиные кости, высокие горшки в виде ваз. Металлические предметы (буквально единицы) позволили датировать эти

памятники VIII в. н.э. Так нанизались бусинки догадок на единую нить логических размышлений. Они увели далеко на восток, к Енисею, в предгорья Саян, где были найдены подобные вещи и письменно зафиксирован китайцами подобный погребальный обряд, привнесённый в легендарную страну «Гаогунь» в конце «старой» эры древними тюрками. На Урал курганы с «усами», вероятно, попали с туменами Истемихана через полтысячелетия.

Письменные источники рисуют яркие образы древнетюркской Евразии, вопрос о подлинности существования Великого тюркского каганата не поддается сомнению. Южноуральские курганы с «усами» подтверждают то, что и наш край был включен в его пределы. Совсем не была тогда безлюдной и дикой азиатская, в том числе и южноуральская, степь, какой виделась она древним историкам. Степные просторы пронизывали караванные пути, которые находились под покровительством Великого кагана и охранялись специальными отрядами, потому и безопасны, и людны. Это были связующие артерии Востока и Запада, по которым пульсировала кровь отдаленных на многие тысячи километров друг от друга цивилизаций, по которым, помимо лучших их творений в виде товаров, распространялись новые религии, учения, имена и сведения о народах и племенах на всех этих невообразимых пространствах. По необъятным просторам растекался тюркский язык и, словно цементирующий раствор, связывал народы. Нет, не было присутствие тюрков в уральских и поволжских степях кратковременным, на время походов и набегов, а тем было историческим аккордом, который окончательно «вылепил» облик евразийского степняка и определил его дальнейшую многовековую судьбу до наших дней.

...Догорает костер. Последняя ночь. Маршрут пройден. Первозданная степь нашего очередного полевого лета уже отступила перед всеуничтожающим окологородским пейзажем — «антропогеном». Безжизненные, опутанные нитями проводов железнодорожные опоры, грозные силуэты военных точек и скучная геометрия микрорайонов. Грустный вздох нашего «сахема» Коли Меньшенина:

— Кончилось поле...

Кончилось и осталось с нами. В планшетах занесены десятки памятников древности, возвращенных нашим современникам. Их прерванная забвением столетий жизнь продолжается теперь вместе с нашей. И взлетает испуганным жаворонком из густой травы наша новая отрядная песенка. Её строчки, как ветки сухого степного тальника, все ярче и ярче разжигают костер наших душ.

«...Но ты постой! / Ты погляди на запад, /За горизонт, укрытый в облака. / Плывет туман, с реки – болотный запах, /И мы уносим солнце в рюкзаках».

И недавние полевые дни играют в наших душах ярким калейдоскопом. Прессуется каждый час «поля», укладываясь в новую полевую легенду. Действительно, в этой разведке, в прямом смысле слова, нам пришлось пройти огонь и воду. В тростниковой пойме степной речки случился пожар. Бросившись к нам на помощь с противоположного берега, наш второй отряд чуть было не потерял одну из своих «боевых единиц». В горячке девушка только на середине глубокого омута, которыми так коварны мелкие степные речки, вспомнила, что не умеет плавать, и стала тонуть. Пришлось спасать не только степь, но и её...

Где-то очень далеко уже трубили наши «медные трубы». А мы уходили на запад и «уносили солнце в рюкзаках».

Археологическая академия

Это дурманящее чувство весны останется со мной навсегда. Наверное, это можно сравнить с глубоко врезавшимся в рефлекторной памяти чувством первой притравки охотничьего пса, когда хозяин его, почти еще щенка, вывозит на угодья в безумие земных, небесных и промысловых запахов.

Это было той первой археологической весной 1977 года, когда в полетаевские предместья Челябинска выехал наш разведочный отряд, состоящий из двух археологических кружков только что народившегося ЧелГУ и наш пединститутский, имевший к тому времени солидный (трехлетний) стаж. Разведка была самая обычная пешая, которая практиковалась как единственно возможная в те времена. По полям и проселкам с рюкзаком на плечах и лопатами в руках мы обычно создавали неизменную интригу среди местных, которые не могли взять в толк, что это за сбрендившие туристы маршируют в их Богом забытом краю. По замысловатым и абсолютно непонятным законам памяти среди образов зацепилась лишь пара картинок и десяток слов: вот две Галки (Бочкарева и Линченко) в десятый раз заводят один уже до оскомины надоевший куплет:

Приходит время,
Люди голову теряют,
И это время называется весна.

Да какая-то неземная грусть у вечернего костра:

Сегодня я вижу,
Особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки,
Колени обняв, послушай:
Далеко-далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Это Марал (Хабдулина) с любимым своим Николаем Гумилевым. Пожалуй, и все. Хотя нет, конечно же, еще и тот щенячий восторг, когда из пашни удавалось выковырять яшмовые или кремневые отщепы и керамические обломки, представляющие интерес для наших гуру. Ими были (как я сейчас понимаю, тогда еще совсем молодые) Николай Борисович Виноградов и Геннадий Борисович Зданович.

Первая совместная вылазка двух вузовских студенческих лабораторий и, вероятно, самые первые страницы нашей челябинской археологической школы...

Почему это вспомнилось и о чем это я? В последние годы с моими коллегами, тогдашними первыми студентами наших вышеназванных корифеев, не единожды обсуждалась тема: что же, собственно, такое «научная академическая школа»? Без излишней гордости за себя, но следует признать, что нашему челябинскому археологическому сообществу грех жаловаться на судьбу. За неполных пятьдесят лет выстояла и вызрела большая серьезная и, пожалуй, одна из сильнейших национальных археологических школ.

А приходит это на ум вот в какой связи: яростное съеживание, сокращение и урезание науки в последние десятилетия и бурное ее реформирование в последние годы наводят на невеселые мысли. Почему-то ментальность нашего чиновничества в отличие от тех, кто живет с Запада и с Востока от нас, такова, что любое благое дело они норовят сделать по принципам: «не пущать», «запретить» или разрушить «до основания, а затем...». При этом все, что делается – все к худшему, примитивно и бездарно. Навер-

ное, сами идеи реформирования пришли в светлые головы, но реализуются какими-то мутными мозгами и липкими руками.

Так, вдруг прозрев, наши мандарины от наукобраза осознали, что наука, которую нещадно сокращали с 1992 года (как правило, с мнэсов и лаборантов) необратимо постарела. Вместо того чтобы действительно объявить аврал и, сохранив то, что еще уцелело, вдруг начинает внедрять тотальную «молодизацию» науки, с созданием каких-то химерных молодежных наукоградов, исключительно молодежных проектов и преференций. Результат этой очередной компанейщины – появление каких-то персональных юных гениев и первооткрывателей, которые громко пиарятся властью и СМИ. Последние, поскольку достаточно чутко слышат «злобу дня», уже говорят конкретно: «Посторонись, академики, молодежь идет!». Словно в этой очередной компанейской очумелости все разом забыли, что современная наука – это сугубо коллективная деятельность больших, сложно структурированных сообществ. Как лес с его подлеском, поднимающимся в тени и влаге среднествольной разнолесицы, и вершинами великанов на его опушках.

Почему для того, чтобы упразднить худшее, надо обязательно если не уничтожить, то хотя бы прогнуть лучшее, что еще уцелело! Конечно, было бы прекрасно, если бы нам, академико-профессорскому эшелону, вдруг стало легче и решать вопросы трудоустройства наших талантливых выпускников и жизнеобеспечения магистрантов и аспирантов. Для подобных благих целей не грех поделиться славой и даровать приоритеты этой нашей молодой поросли, но ни я, ни мои современники ума не приложим, а что они будут делать без нас. Нет, конечно же, что-то будут делать, потому как речь идет о гуманитарных штудиях. Даже экспедицию можно организовать и покопать что-то, где-то. Повезет – устроить шоу с показом благородно блестящих артефактов (цацек). Не повезет – добавить десяток другой новых лотков и коробок непонятных и невостребованных материалов, а до итоговых широкомасштабных реконструкций дело может дойти лишь после научного вызревания этой генерации исследователей.

А можно не мудрствовать лукаво и начать нести всякую околонаучную околесицу. Наверно, именно поэтому в последние годы появились целые порталы и каналы, где транслируются абсолютно завиральные гипотезы и версии, перекраивающие основы основ отечественной и мировой истории, археологии, антропологии, этнологии и пр. Если кому-то может показаться, что, исказив лишь недавнюю историю, можно и дестабилизировать настоящее, и изуродовать будущее, как в случае с прибалтийским и украинским неофашизмом, а палеоисторические выкрутасы и мифотворения – не более, чем «жареная клюква», то для обывателя это не так...

Дибилизируя и разрушая основы фундаментальных представлений человечества, преступным образом работают на предельное оболванивание и нигилизм обывателя, делая его беспомощным и максимально пластичным к восприятию любых доктрин и идей. Если хотите, это своеобразные выкрутасы идеологии европейско-либерального индивидуализма, плоды которых мы наблюдаем на примерах морально-этических вывертов Запада.

А что мы будем делать без них – нескладных, разбросанных, но пытливых и по-особому думающих, оснащенных особой информационной и инструментальной хваткой. Без их молодости! Становится понятной и немного завидной участь Николая Борисовича, беспрестанно находящегося в этом бесконечно повторяющемся водовороте юных душ, идей и жизней, которые навсегда и навечно переплелись с его судьбой. Все мы, безошибочно можем определить в себе Его перводанную толику, Его вклад в наши судьбы. А он...?

Но вернусь на круги своя. Говоря о высотах и глубинах отечественной и в частности нашей южноуральской археологической науки, всегда возвращаюсь в душе к ее ис-

токам, к студенческим лабораториям, самой родной из которых для меня конечно же НАША. Там всегда шумно и оживленно. Там неизменно в полуподвальном полумраке тебя встречают горящие глаза и не только юных сахемов, но и САМОГО КОРИФЕЯ. Там всегда весна, весна археологии. И совсем немного жаль, что моя лаборатория осталась тогда на распаханных террасах реки Миасс в далеких 1970-х.

Март 2014 г. Челябинск

Гимн Кулевчинского отряда

Пусть я погиб под Кулевчами, и в жаркий день на бровку пал,
Пускай мой труп вперёд ногами, пускай мой труп вперёд ногами
В молчанье выбросят в отвал.

Но решено, и значит, надо копать, хоть вырви волоса.
И флаги нашего отряда, и флаги нашего отряда
Всё так же рвутся к небесам.

Пусть заедят мошка и мухи, пускай замучает цинга,
Готов стерпеть любые муки, готов стерпеть любые муки,
Лишь только б ожили века.

Аборигены не проблема. Пусть точат острые ножи.
Лишь приказание «сахема», лишь приказание «сахема»
И мы деревню сокрушим.

Пусть кровь мозолей нам не в тягость, в ладони плюй, не до того.
Пусть Виноградов нам прикажет, пусть Виноградов нам прикажет –
Приказ вмиг выполним его.

Всё так же смел ты и беспечен, и не опустится рука.
Пусть век студента быстротечен,
Пусть век школярский быстротечен –
Зато и слава на века.

* * *

Н. М.

Что ж ты грустишь?
Нас с каждым годом меньше,
Но также все густеет синь дорог,
Пусть каждый шаг по миллиметру меньшит
На карте путь и жизни нашей срок.

Но ты постой.
Ты погляди на Запад,
За горизонт, одетый в облака,
Плывет туман, с реки – болотный запах,
И мы уносим солнце в рюкзаках.

Идти, идти. И на развилках мудрых,
Найдя, терять приятелей своих,
И пить росу с крыла палатки утром,
И властно степь делить на пятерых.

Но ты постой.
Ты погляди на Запад,
За горизонт, одетый в облака,
Плывет туман, с реки – болотный запах,
И мы уносим солнце в рюкзаках.

Что ж нам грустить с тобой под лямкой жесткой?
Пошлем к чертям тех, кто послали нас.
Будь счастлив, что на этом перекрестке
Меня такого повстречал сейчас.

Но ты постой.
Ты погляди на Запад,
За горизонт, одетый в облака,
Плывет туман, с реки – болотный запах,
И мы уносим солнце в рюкзаках.

1979 г.

* * *

Все кончается когда-то,
В сумерках когда-нибудь
Всплеск осеннего заката
Завершит вчерашний путь.
И костры на перекрестках
Словно знаки тупиков.
Он придет легко и просто,

Тихий вздох прощальных слов.
Вновь покатят между нами
Дел и сует ручейки,
Встреч грядущих телеграммы,
Сокровенные стихи.
Время сгладит память нашу
И густеющий закат.
Гаснет, гаснет день вчерашний,
Меркнет, меркнет путь назад.

1979 г.

* * *

В.Н.Б.

Уходят времена романтик полевых,
У нашего костра поют не наши песни,
Но на семи ветрах остались только Вы
В канве далеких снов тех первых лет...
Ах, если б!
Все открутить назад, те славные деньки,
Наш драндулет судьбы вновь рвется на газах –
Вишневка, Берсуат,
Туркменские пески,
Костры на Синташте, костры на Кулевчах.
В калейдоскопе глаз твоих учеников
Струится долгий свет, не меркнувший в веках,
И песен костровых давно забытых слов
Летит в степную высь не смолкнувший раскат.
И в твой тяжелый след войдут мои шаги,
И многих, кто ступил на безнадежный путь,
Кто отыскал свой свет не может быть другим,
Тот обречен черпнуть с лихвой из чистых вод.
Тобой взращенных душ и помыслов своих,
Безбрежные моря в тех водах жизнь течет
Среди любвей и дружб, средь счастия и лих,
И верю, что не зря идем твоим путем,
Вдыхая дух костров, романтик полевых.
И мы еще споем в кругу своих врагов,
И погуляем всласть после забвенья их.

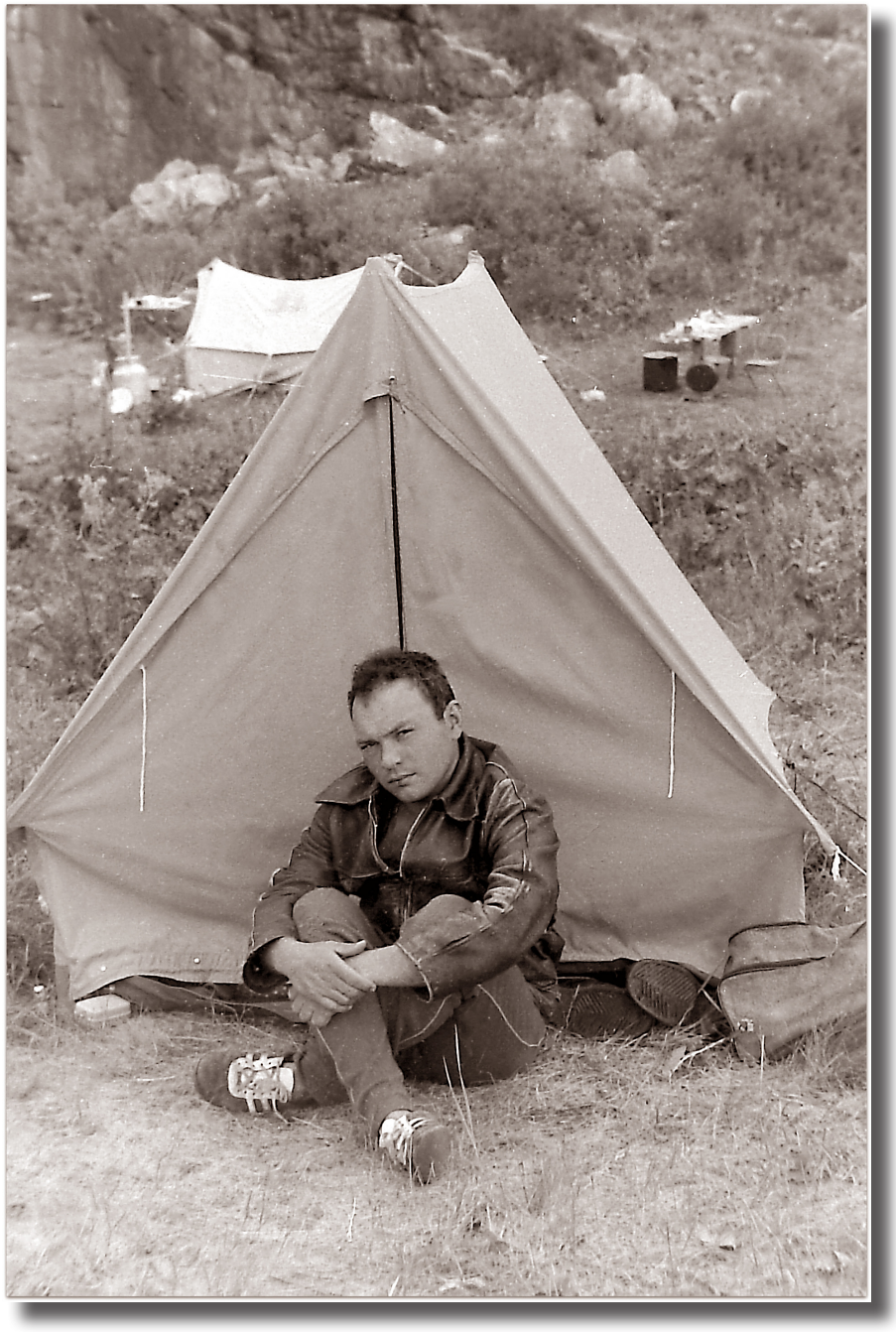
Август 2010 г. Уелги

* * *

Н.Б.В.

Я старый пасечник, я знаю все на свете,
Мне пять с полтиною и пчелки мои дети.
Я их ращу и научаю беспрестанно,
Я старый пасечник в жужжащем мире странном.
Я весь в их чаяньях: летают иль устали,
Я стерегу их кров и строю новый улей,
Я строю взрослых пчел – их праздники и будни,
Делю их трудный мед, но задолбали трутни.
Свою одну семью пчелиную родную
Я на себе несу и в попки их целую,
И это есть мой крест, и так необходимо
Раздуть напасти все из улья едким дымом.
Я добрый пасечник, что знаю и не знаю,
Хоть много выстрадал, но об одном мечтаю –
Пускай мой рой меня оберегает,
Пусть не всегда, но медом жизнь бывает.
И пусть хоть что-то будет постоянным.
Я старый пасечник в жужжащем мире странном.

АНДРЕЙ ЗАЙЦЕВ



У начала поэтизации и героизации археологии в Лаборатории археологических исследований Челябинского государственного педагогического института высится и Андрей Зайцев – выпускник историко-педагогического факультета, «заболевший» археологией еще на первом курсе и продолжавший трепетные с ней отношения в течение нескольких десятков лет после оконча-

ния обучения. Не счесть экспедиции, в работе которых он участвовал и археологических памятников, в полевых исследованиях которых навсегда останется имя и этого замечательного человека. Талант слагать стихи, петь и играть на гитаре сопрягается у него с невероятной дерзостью руки и точностью линий в образах шаржей и карикатур. Десятки их были созданы Андреем за эти годы. Начнем со стихов. Пронзительное по своему звучанию «Мы уже не вернемся...» могли бы вслед за автором прошептать многие десятки обитателей лаборатории прошлых лет.

Н.Б. Виноградов

Шаржи, карикатуры и стихи

Мы уже не вернемся...

Мы хотели вернуться с тобой,
В те далекие степи, когда
Поле было общей судьбой!
Нам казалось – мы будем всегда!

Запах выжженных солнцем трав,
К чаю веточка чабреца...
Споры ночью кто прав – кто не прав,
Дети помнят руки отца!

По утрам по степи роса,
Ненадолго, всего лишь на час,
Стала темной вдруг полоса!
Будто солнце украли у нас!

Стала черной разметка дорог,
Под Челябинском в солнечный день...
И никто даже думать не мог,
И от жизни прежней лишь тень...

И, когда зажигаю свечу,
Вспоминая всех тех, кто полег,
Хоть на чуточку я хочу!
Чтобы каждый из нас бы смог!

Через годы и версты дорог,
Через боль и страданье ран,
Чтобы каждый из нас смог,
Взять и просто пойти на таран!

Бросить к черту это бытьё,
И штормовку с вешалки снять,
Позабыв этих буден нытьё,
Просто степи вернуть опять!

Но не властны мы над судьбою,
Мы уже не вернемся туда,
Мы живем по-другому с тобою!
Это точно – теперь навсегда!

Короткие стихи

Когда наступит сладкий миг? –
Когда, мой друг, вернемся «в поле»?
Хочу, чтоб смертный ангел не настиг
Меня в постели – что же боле.

Поэт и археолог, семьянин
(Смеяться смею ли над ним?)
Бывает иногда лохматым
Товарищ Туфленков – вожатый.

Заповеди археолога

1. Не засыпь яму ближнего своего.
2. Не запыли ближнего своего, если только не по большой надобности.
3. «По спине лопатой на» Богу не угодно.
4. Не сотвори себе идола иного, чем идол великого Бога.
5. Не возжелай лопаты ближнего своего.
6. Не пыхай на зачистку.
7. Не преломи лопаты, ибо лопата есть дар Божий.
8. Не восхрапи на раскопе, дабы не разбудить рядом перебирающего.
9. Если погребение разбираешь, возлюби «жмурика» своего как самого себя.
10. Не рой яму ближнему своему (пусть сам себе роет).

Жилье археолога – палатка.
Еда археолога – консервы.
Орудие археолога – лопата.
Радость археолога – пожар.
Счастье археолога – помойка.

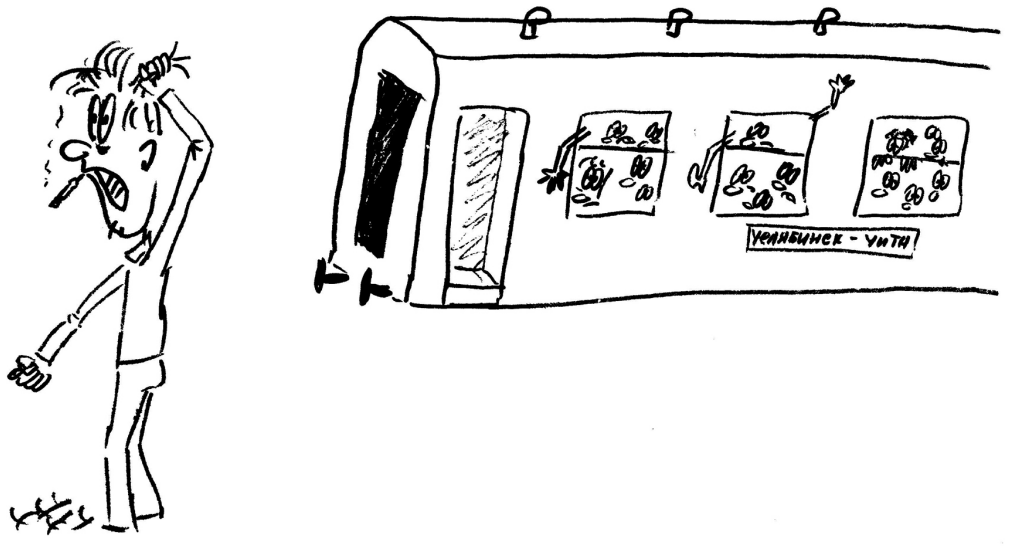
Шаржи и карикатуры

Их сюжеты навеяны как перипетиями экспедиционной жизни, так и повседневной, не менее бурлящей жизнью лаборатории и лабораторцев. Для издания автор структурировал собрание его рисунков по сериям. События, которые отражают рисунки, понятны лишь участникам тех самых экспедиций. Для остальных зрителей шаржи и карикатуры нуждаются в более подробных комментариях. По объему они немыслимы в этом издании. В «памяти народной» они сохранились лишь как часть устного корпоративного эпоса и вряд ли переживут его создателей. Да и нужно ли это? Судите сами.

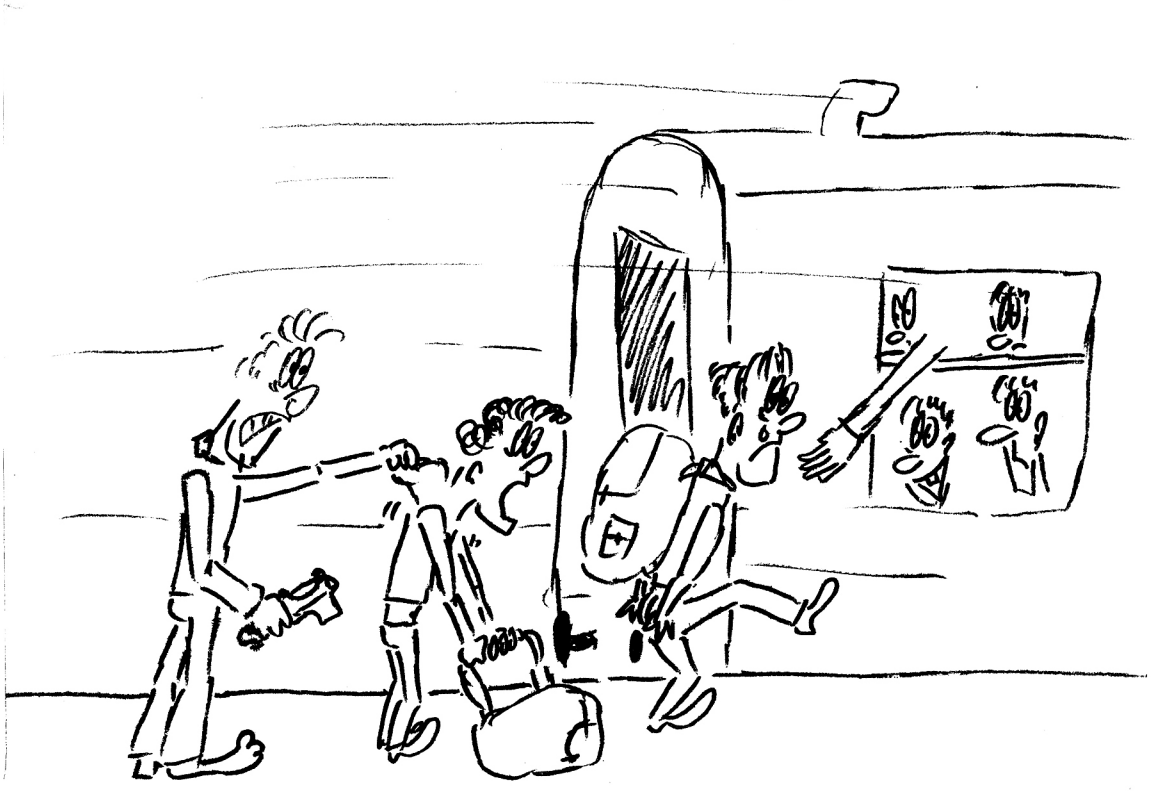
Рисунки

Взгляд со стороны.
Думаем вместе. Мыслим по-разному

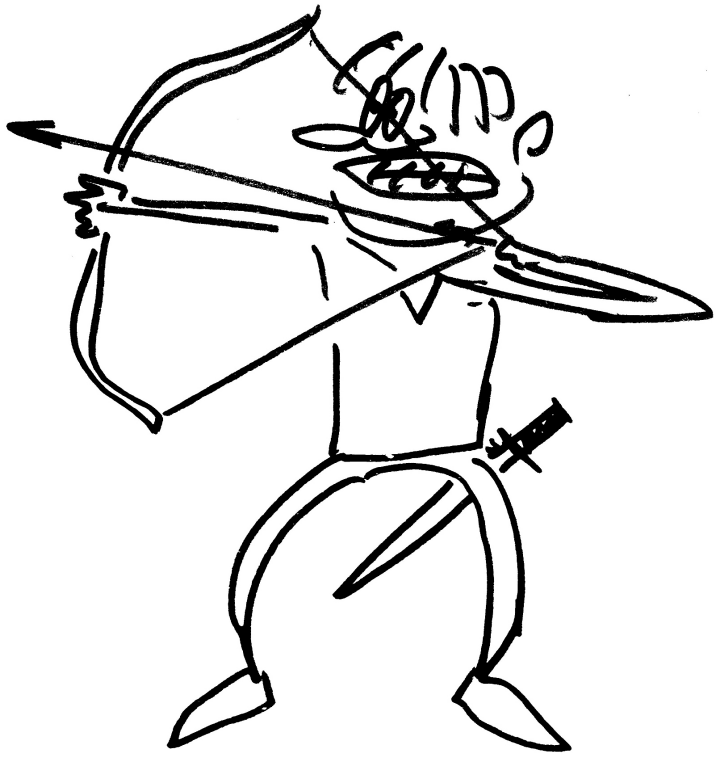
ВОКЗАЛ



Вокзал на троих. Ожидание

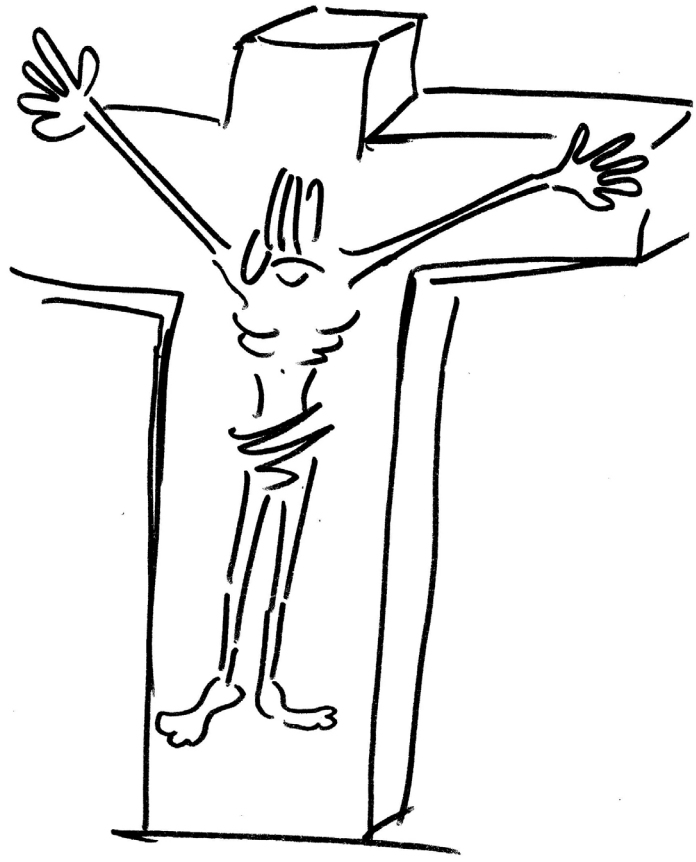


Вокзал на троих. Расплата



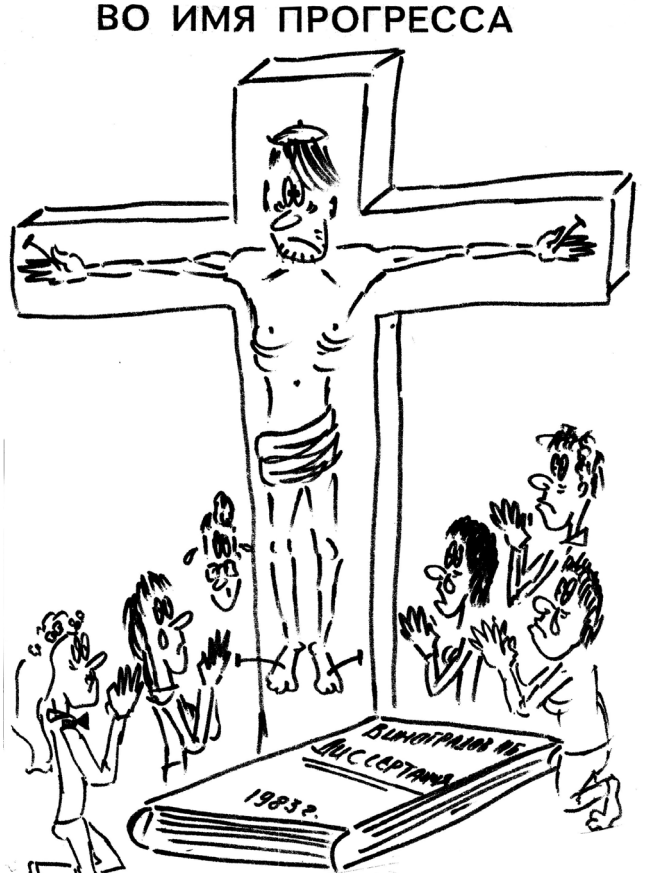
Фантазии. Точно в цель!

Диссертация. Что ты сделал для диссертации?

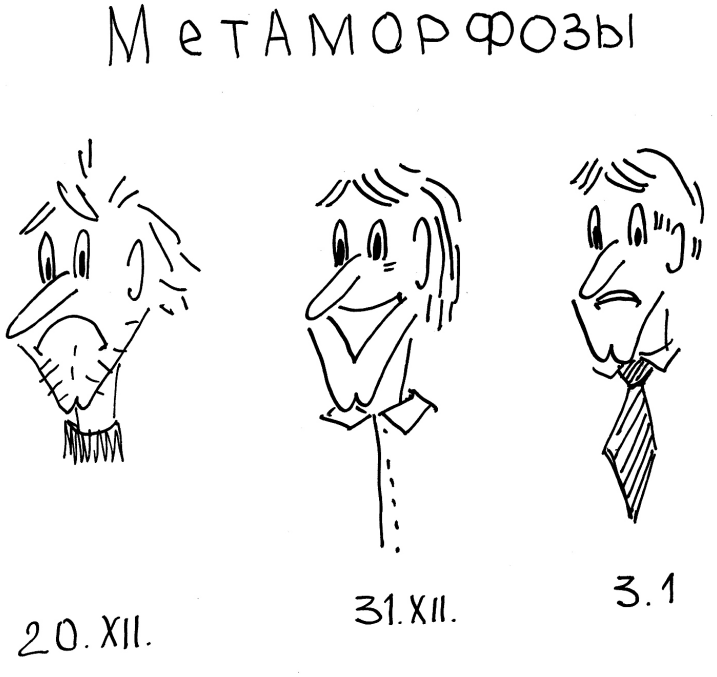


Диссертация. Каждому – свой!

Диссертация. Наука меняет человека



Диссертация. Ну все! ...поджигай!



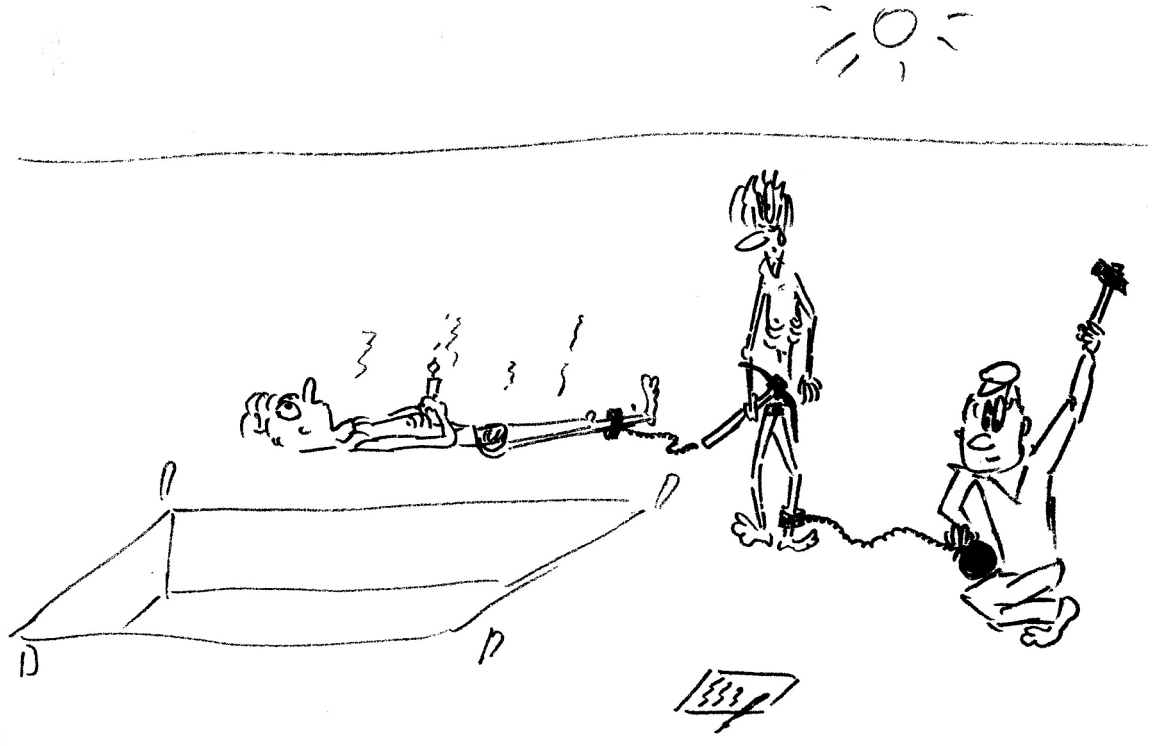
Диссертация. Трехликий Янус

Диссертация. У каждого баяниста – свои песни о Главном!

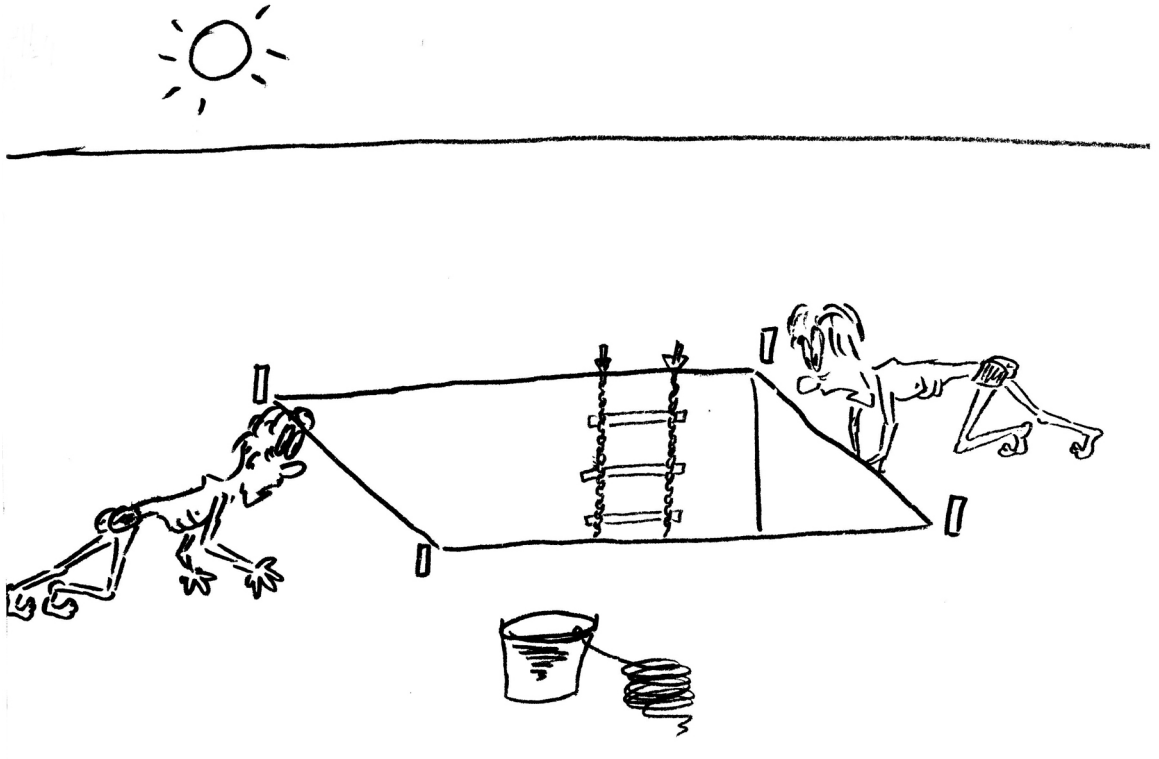
Персоналии. Что сказать, если нечего говорить?

Инквизиция. Несем культуру в массы!

Инквизиция. Разгул демократии...

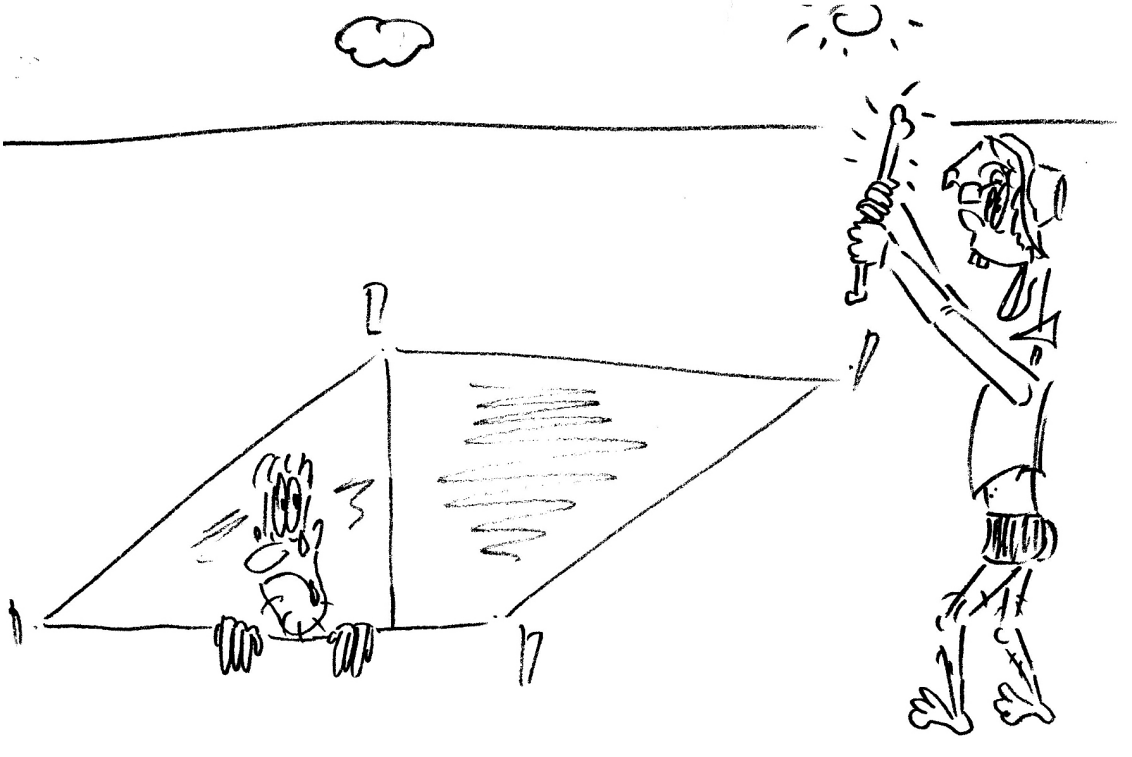


Картинки из экспедиционной жизни. Ничего, студентов еще много...

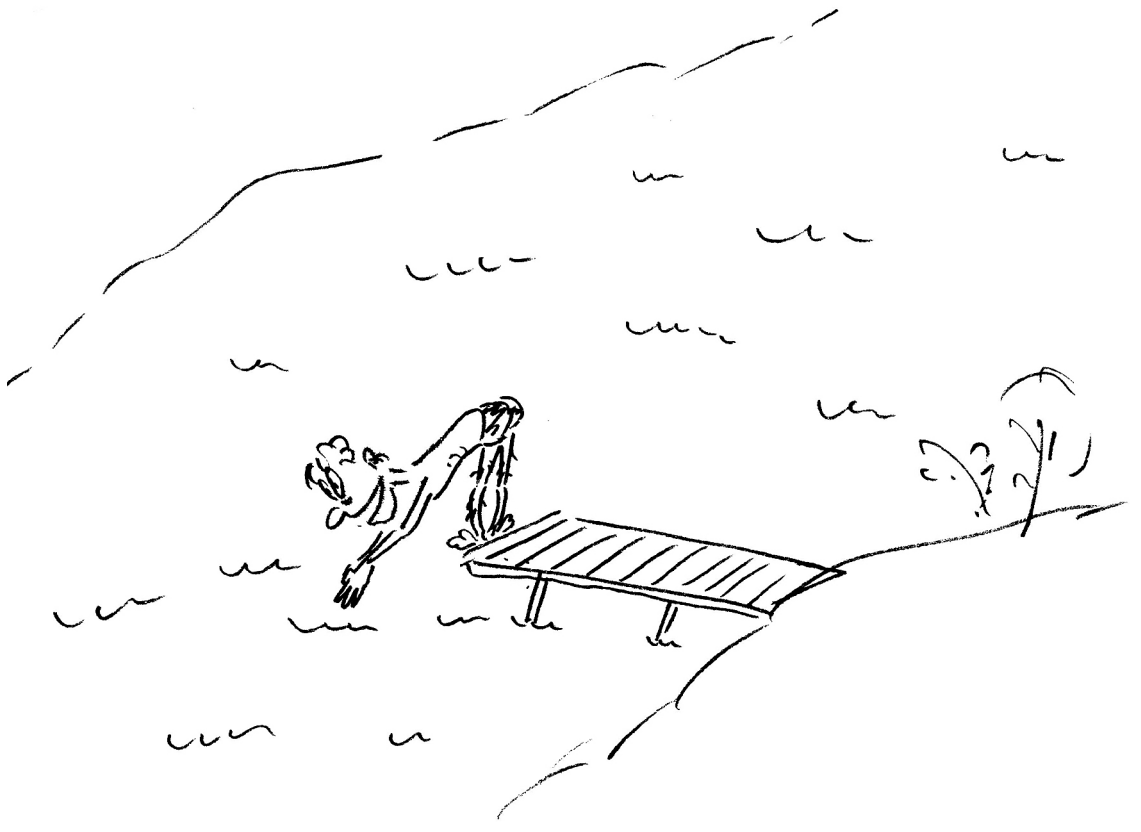


Картинки из экспедиционной жизни. А дна-то не видать!

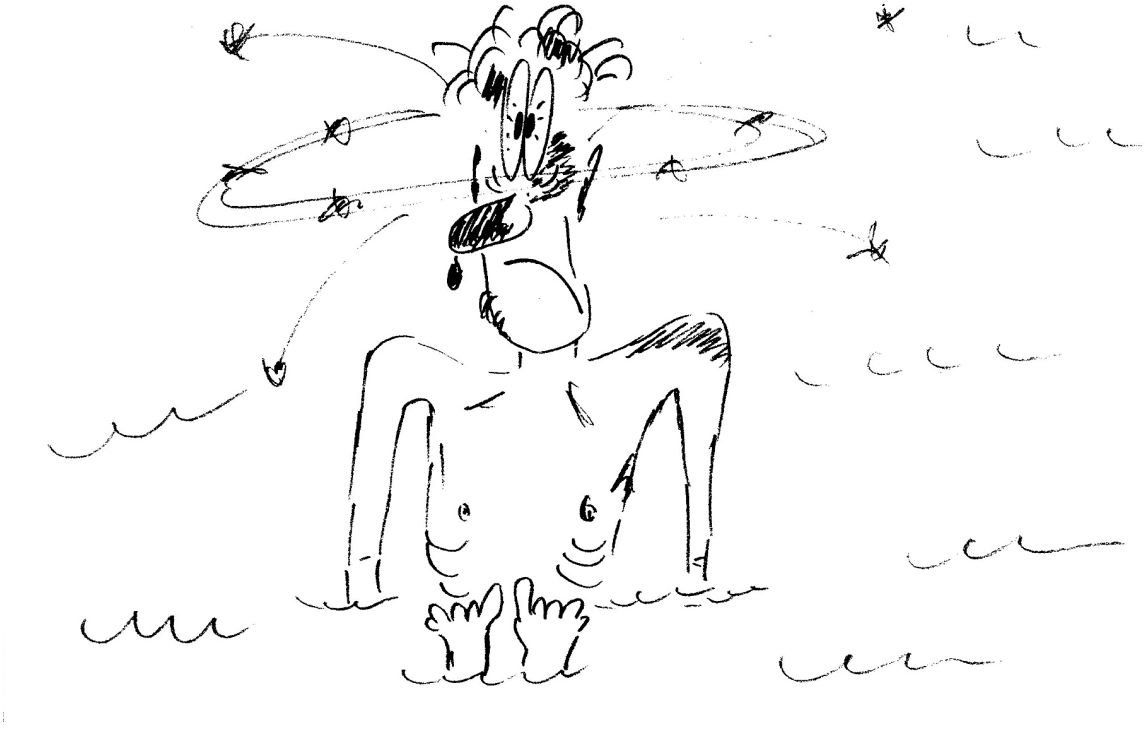
Картинки из экспедиционной жизни. В «поле» рацион небогат...



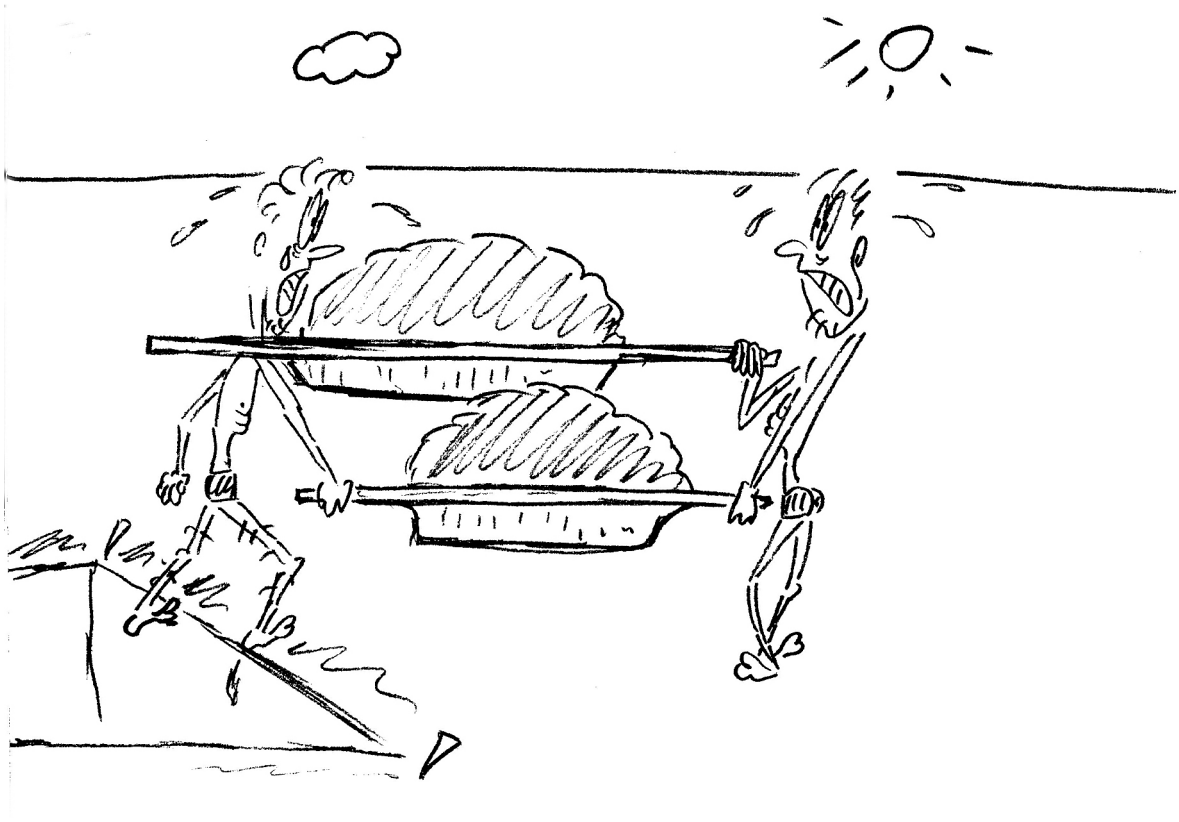
Картинки из экспедиционной жизни. Все для науки ...



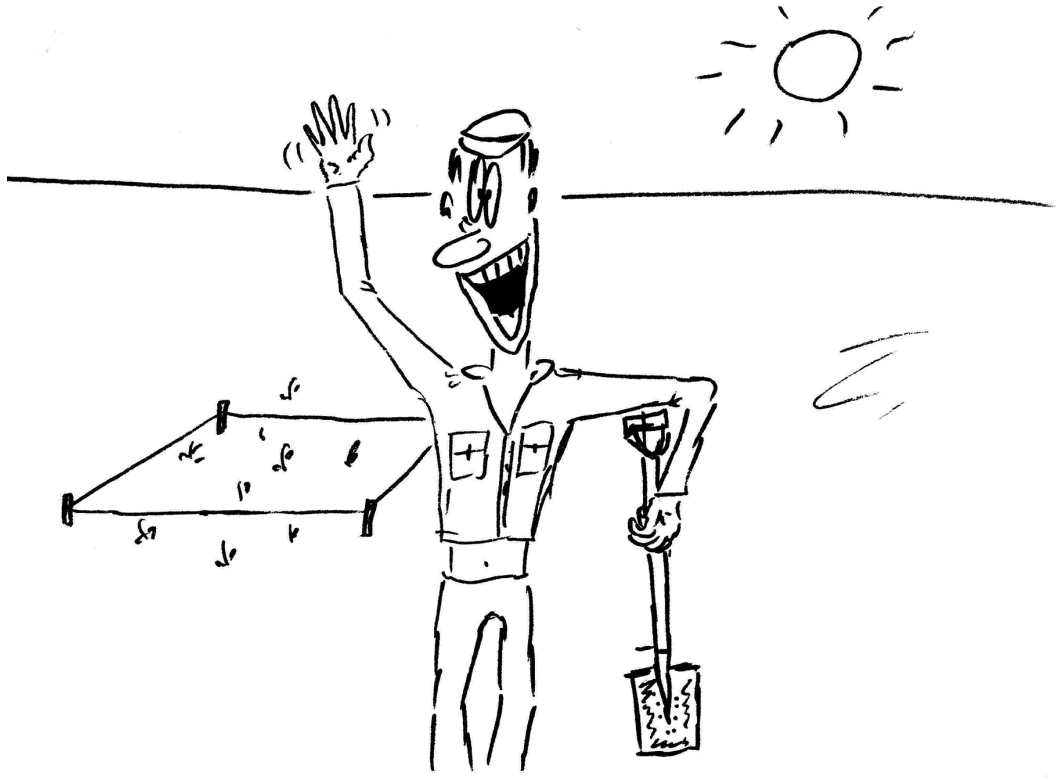
Картинки из экспедиционной жизни. Лето... речка... мосток...



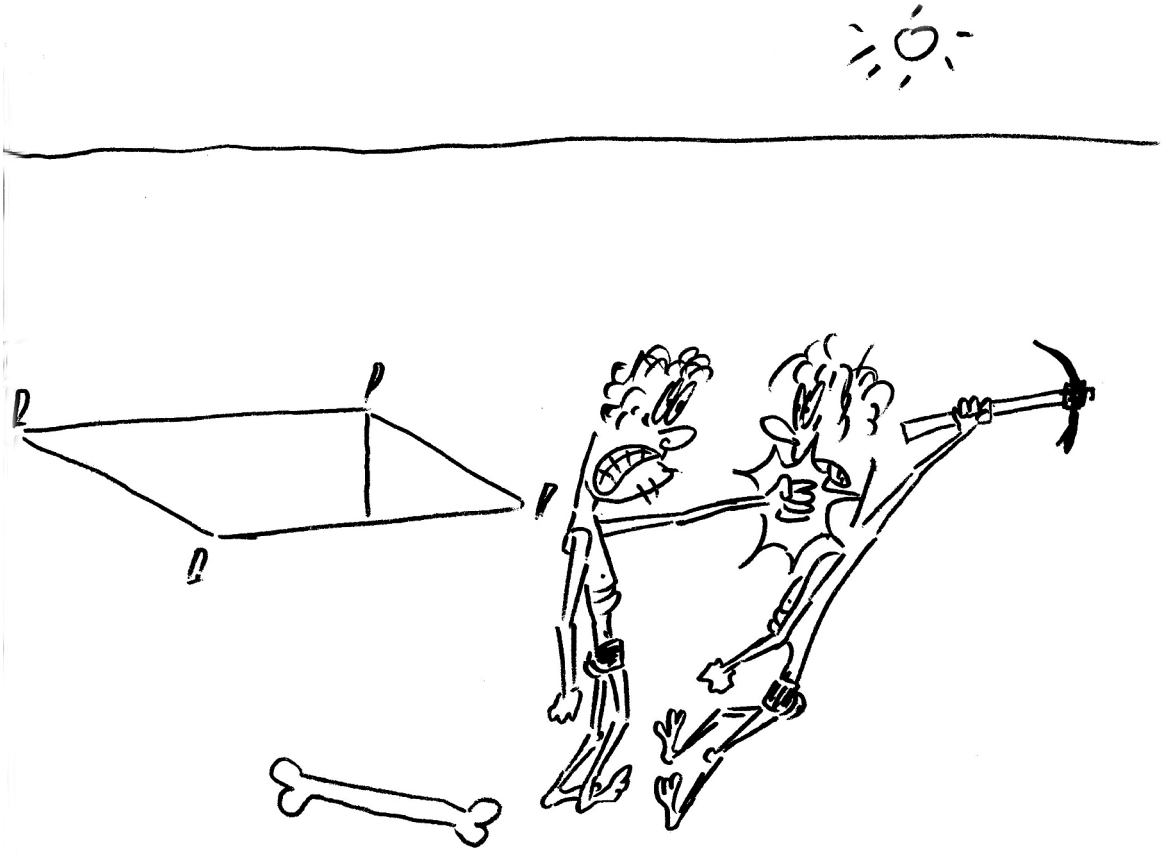
Картинки из экспедиционной жизни. Просто кружится от успеха голова...



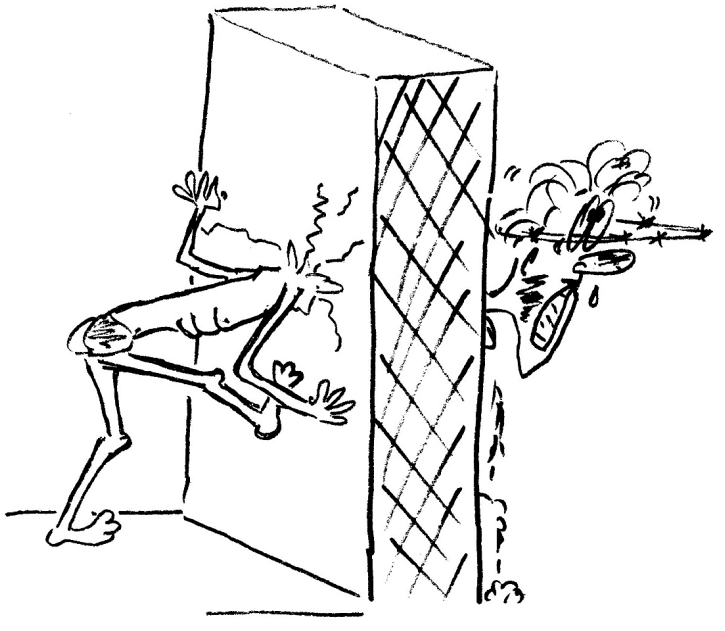
Картинки из экспедиционной жизни. Стахановцы...



Картинки из экспедиционной жизни. А помнишь, как все начиналось...

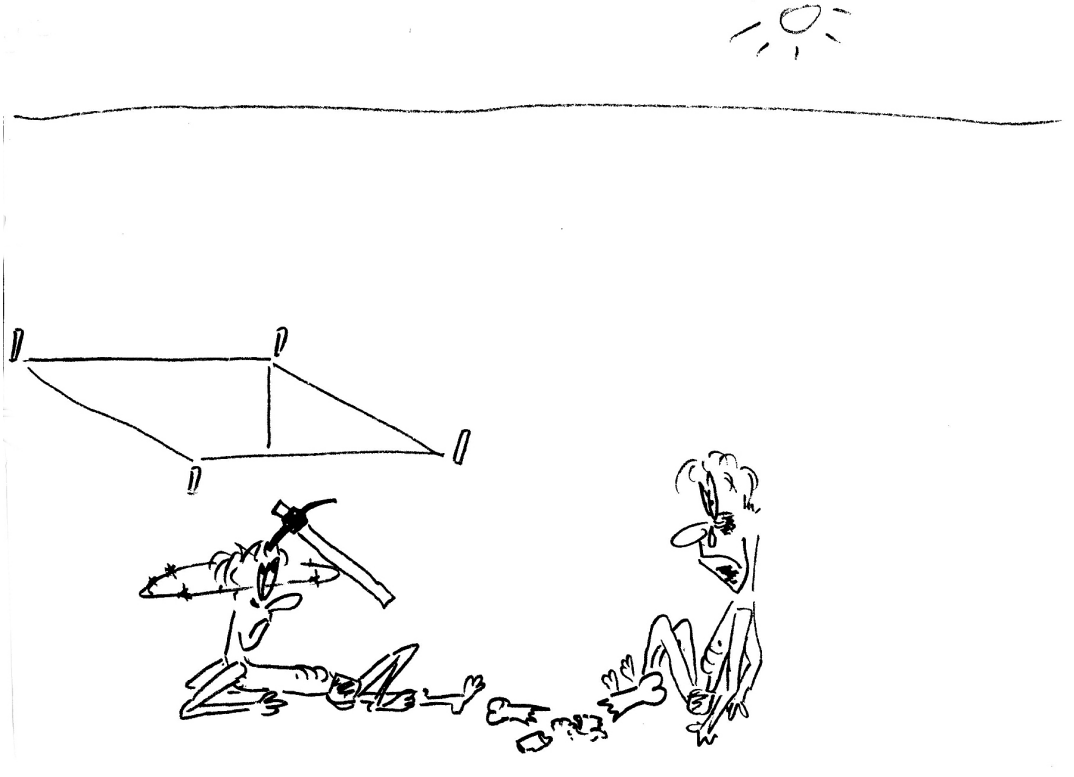


Картинки из экспедиционной жизни. Заклятые друзья!



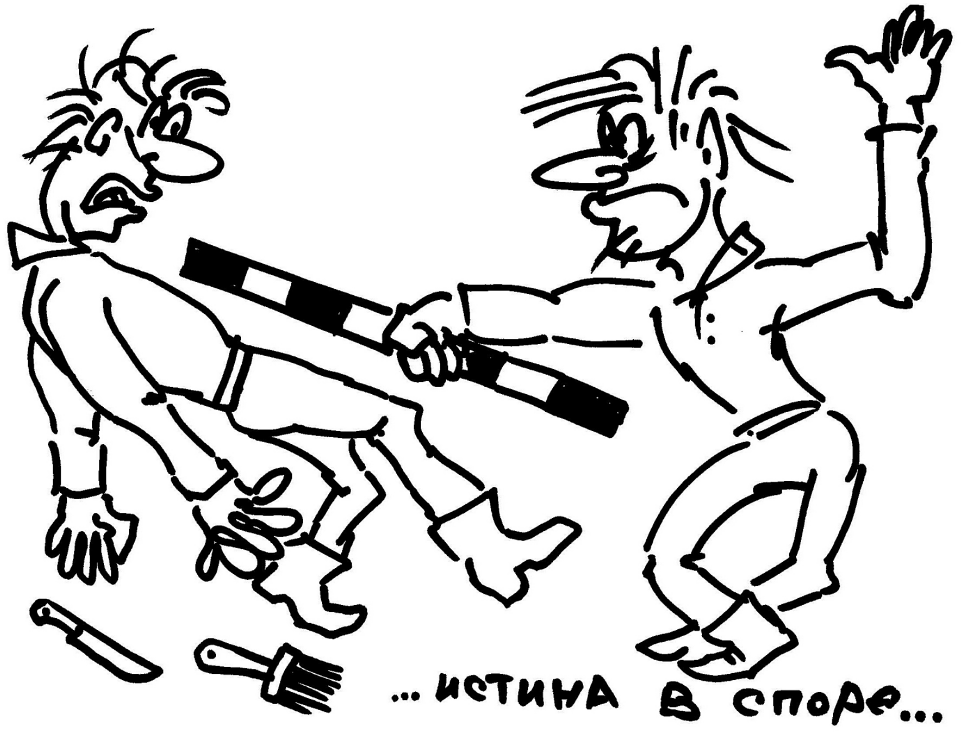
Картинки из экспедиционной жизни. Знание – сила!

Картинки из экспедиционной жизни. Кому сейчас легко...

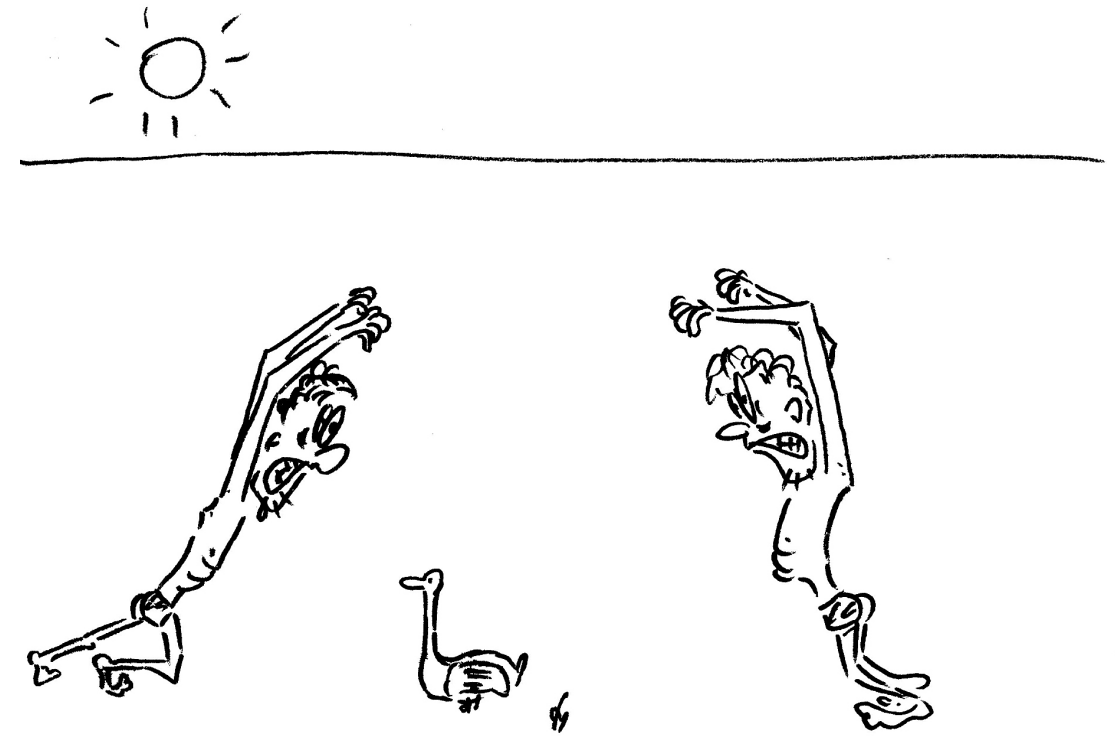


Картинки из экспедиционной жизни. Ничего личного. Чистая наука...

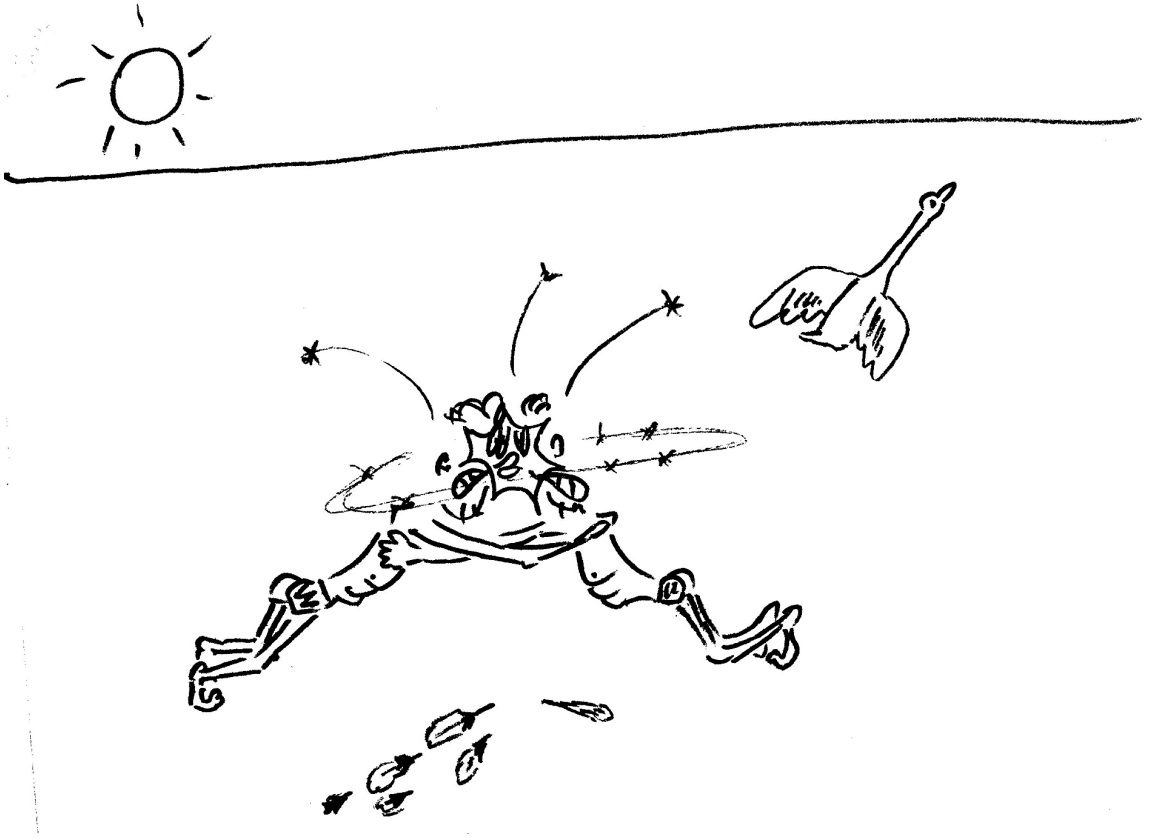
Картинки из экспедиционной жизни. Охота продолжается...



Картинки из экспедиционной жизни. Рождение истины...



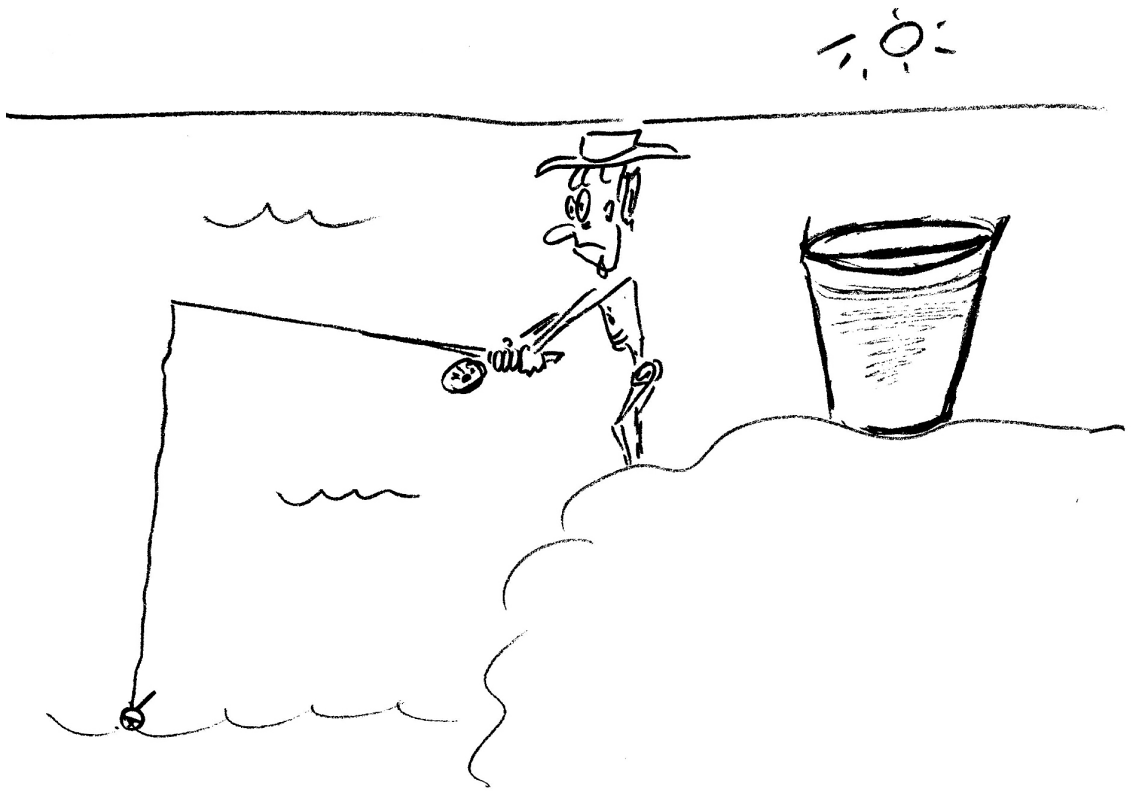
Летят утки. А кушать хочется всегда...



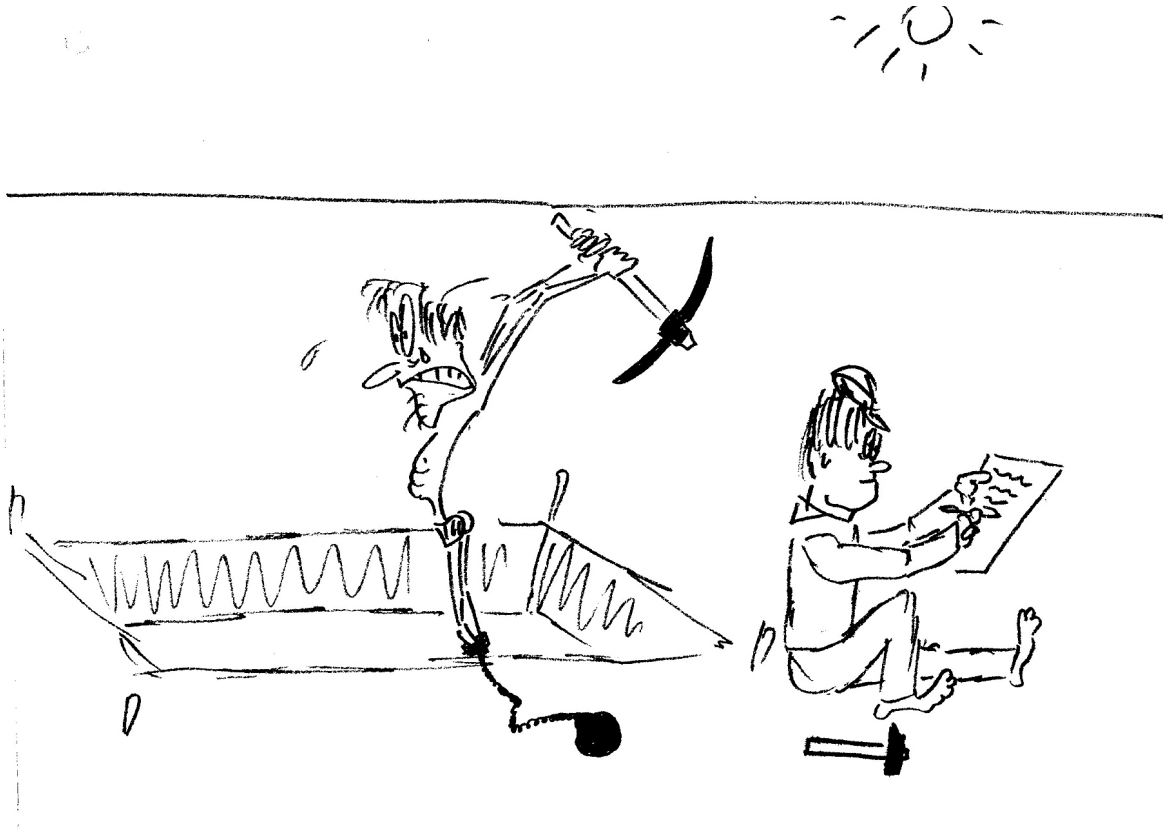
Летят утки ... летят утки...

Не хлебом единым. Зря вы, бабушка...

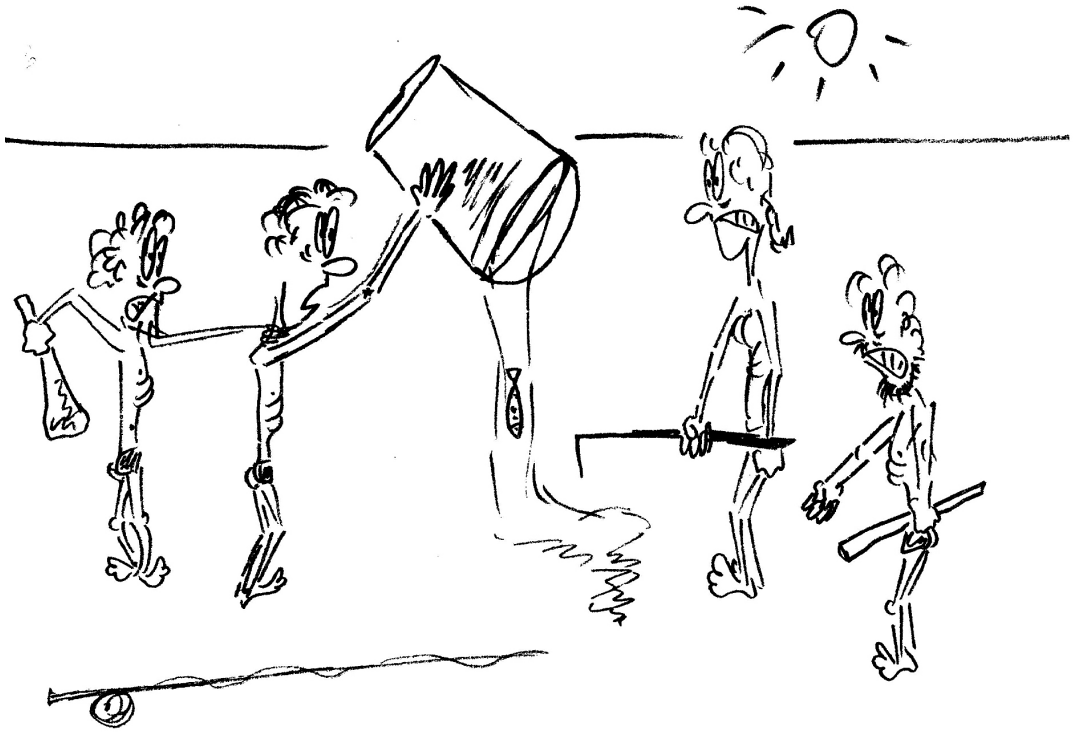
Не хлебом единым. А ля Герр, ком а ля Герр!



Не хлебом единым. Кандидат...

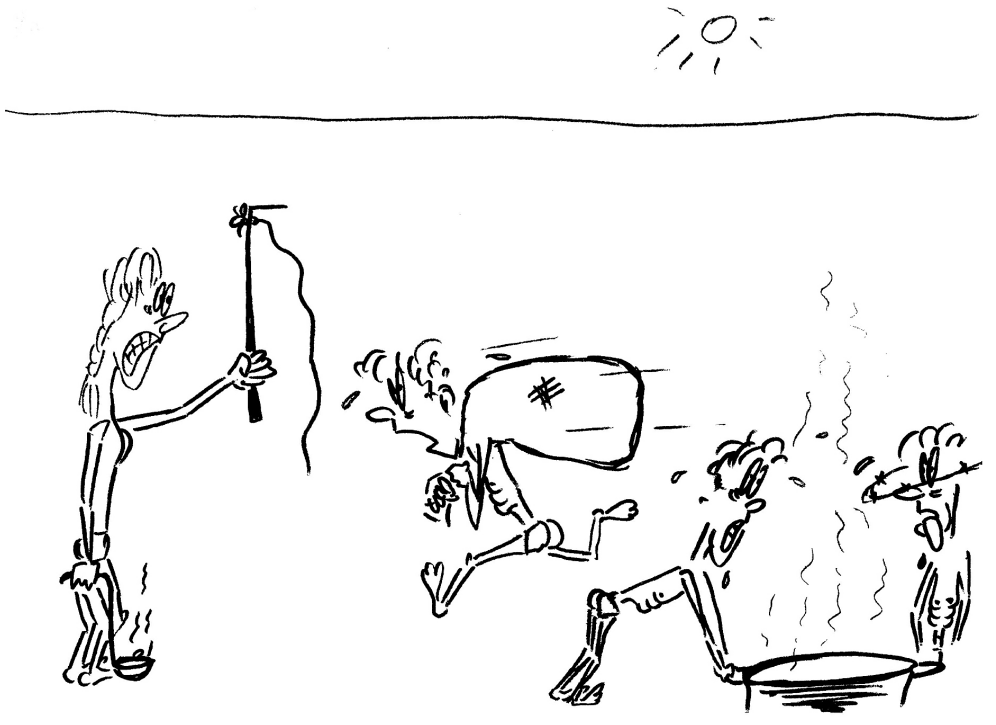


Персоналии. В поле трудно первые сорок лет...

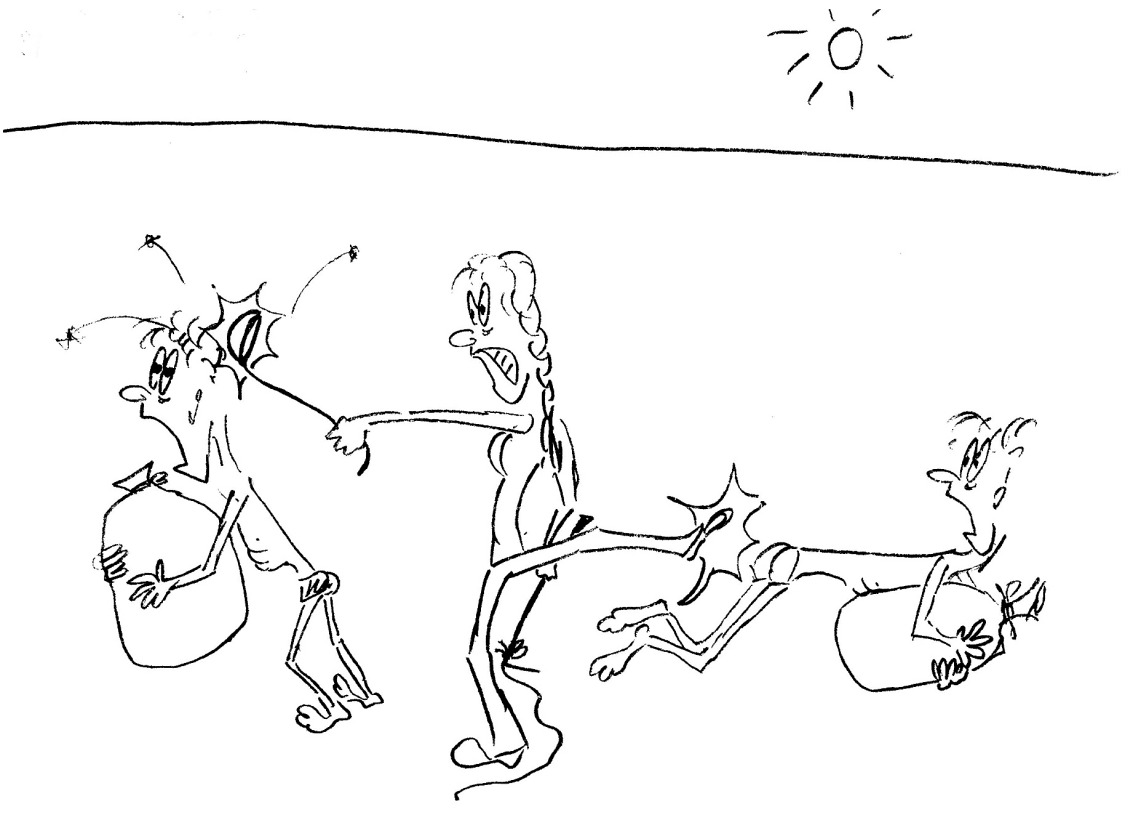


Не хлебом единым. Это все...

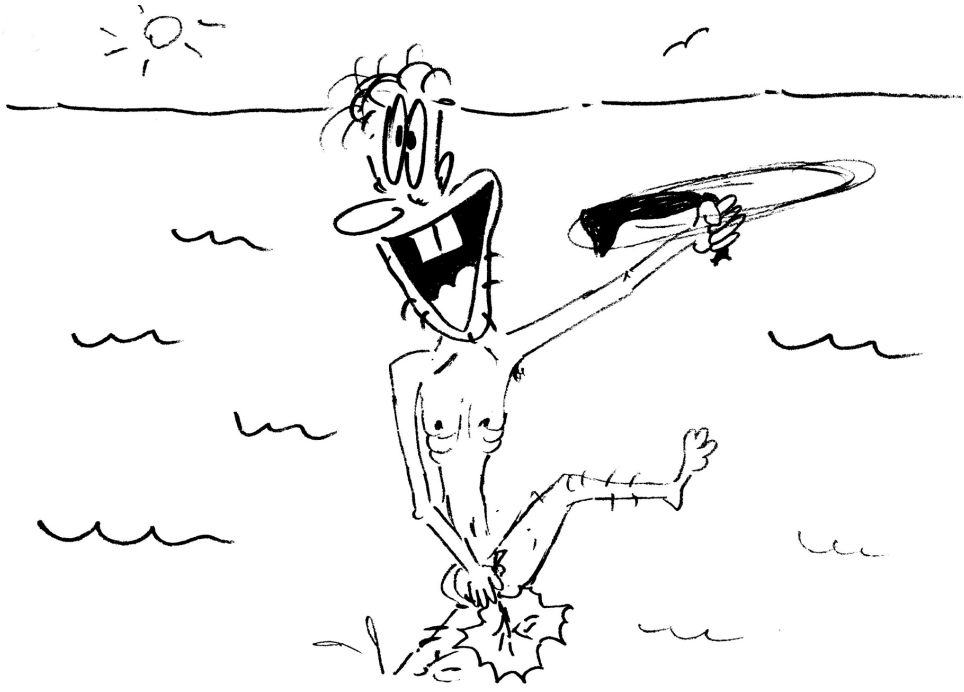
Не хлебом единым. Дает корова молоко...



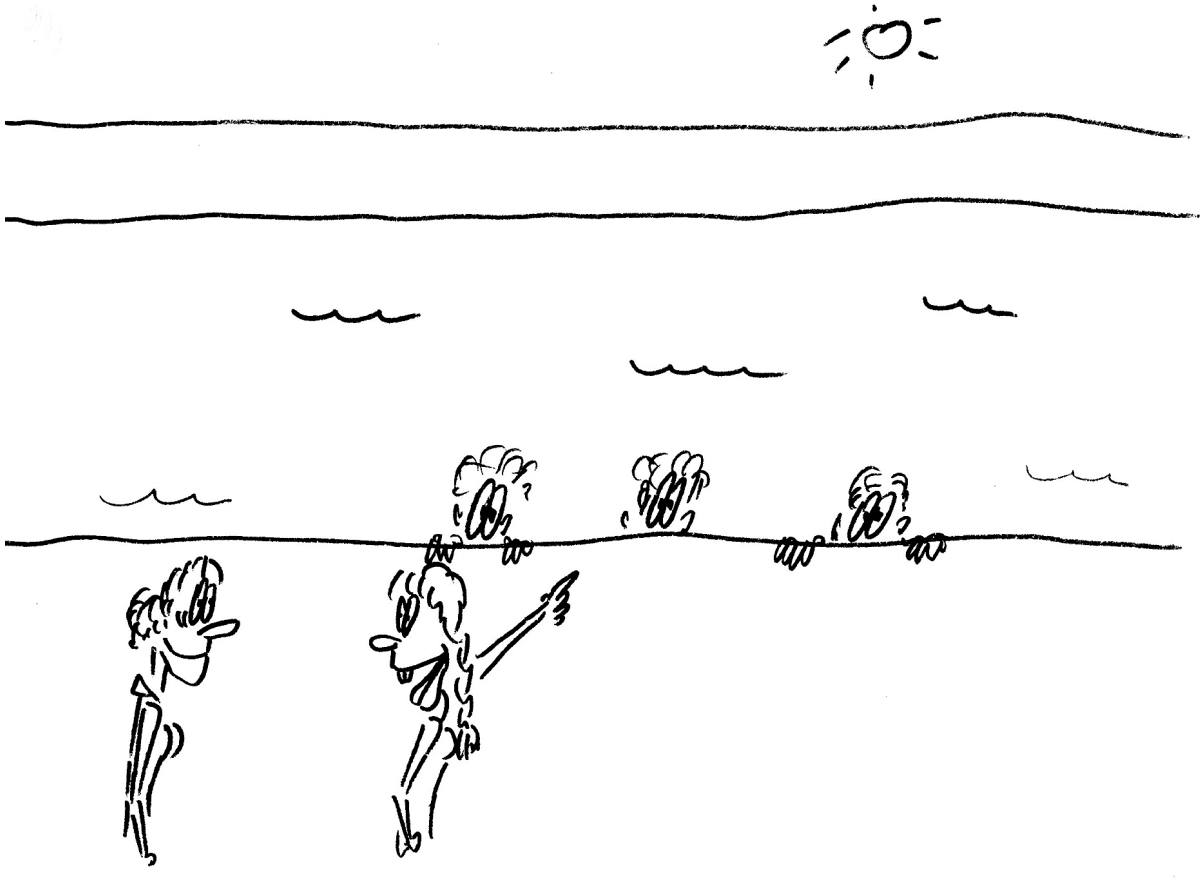
Не хлебом единым. Быстрее можете?!



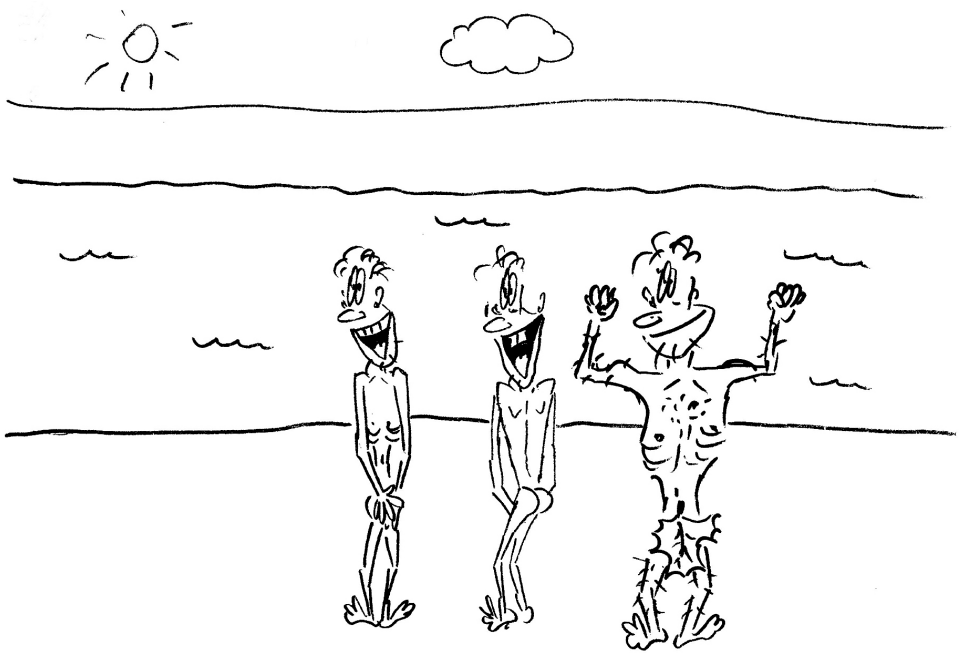
Не хлебом единым. Кому обед не понравился?!



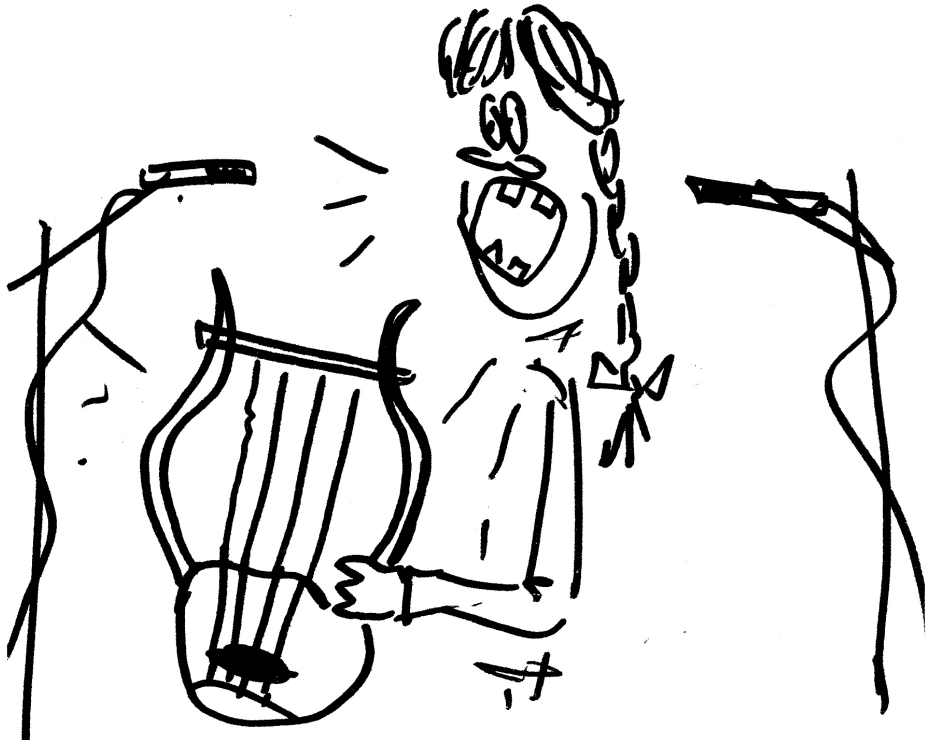
Персоналии. Листопад...



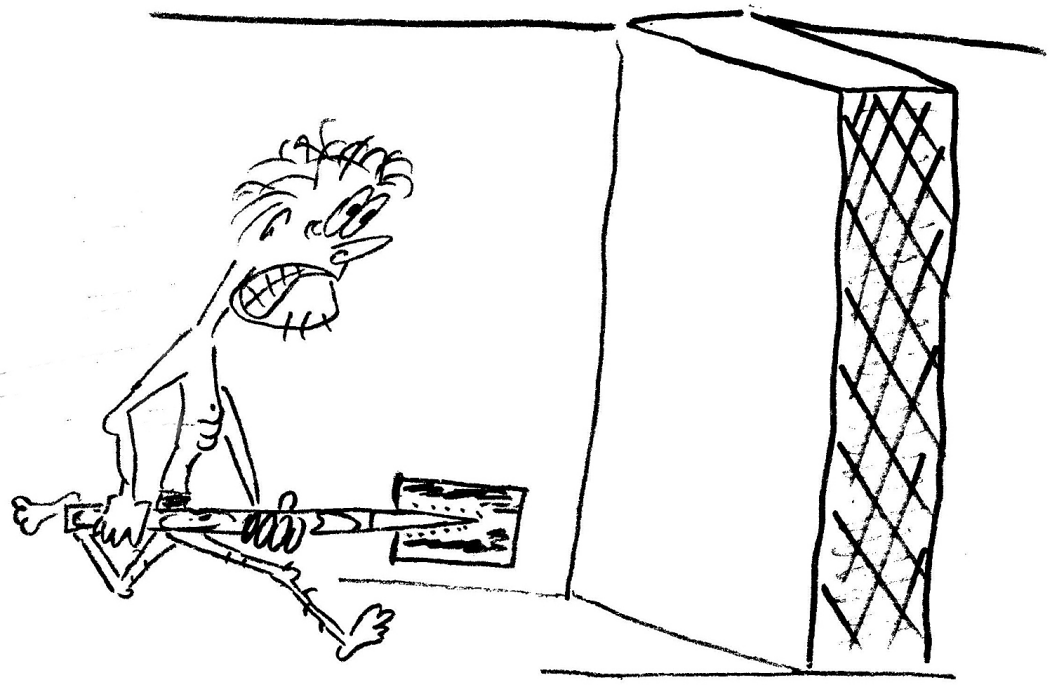
Персоналии. Смотри, подруга, – мальчики!



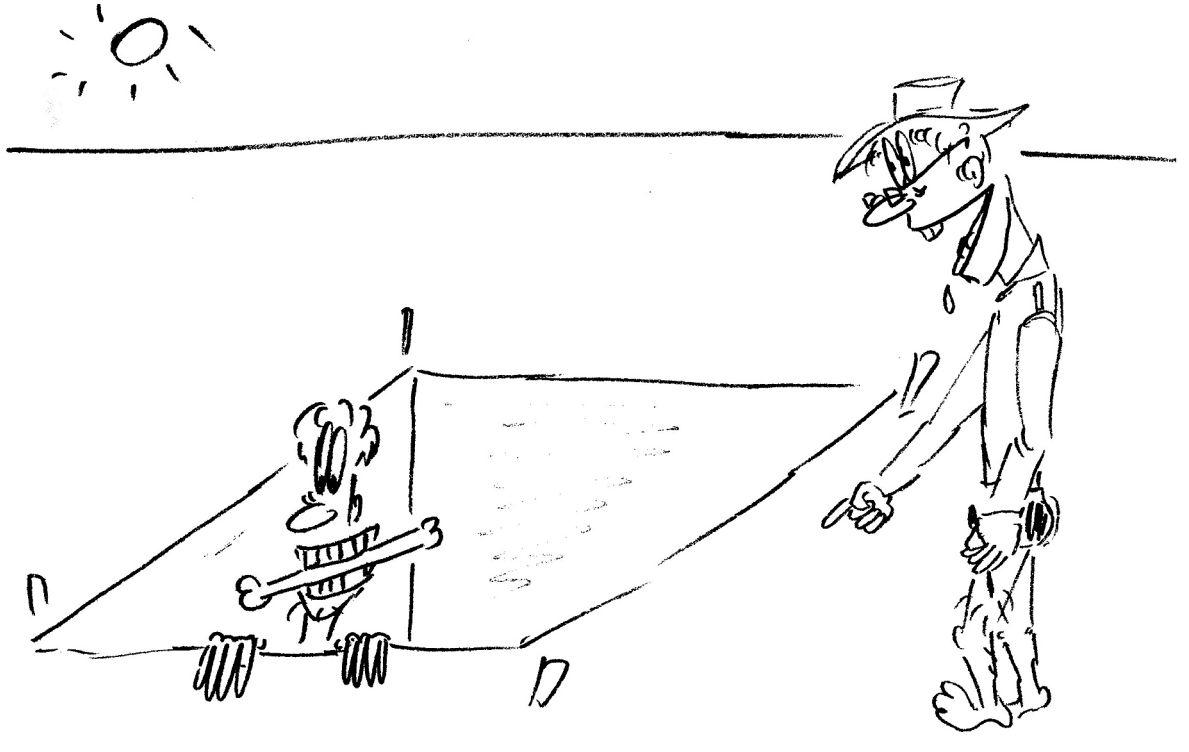
Персоналии. Любое море... по колено!



Персоналии. Не хлебом единым, но песнею тоже...

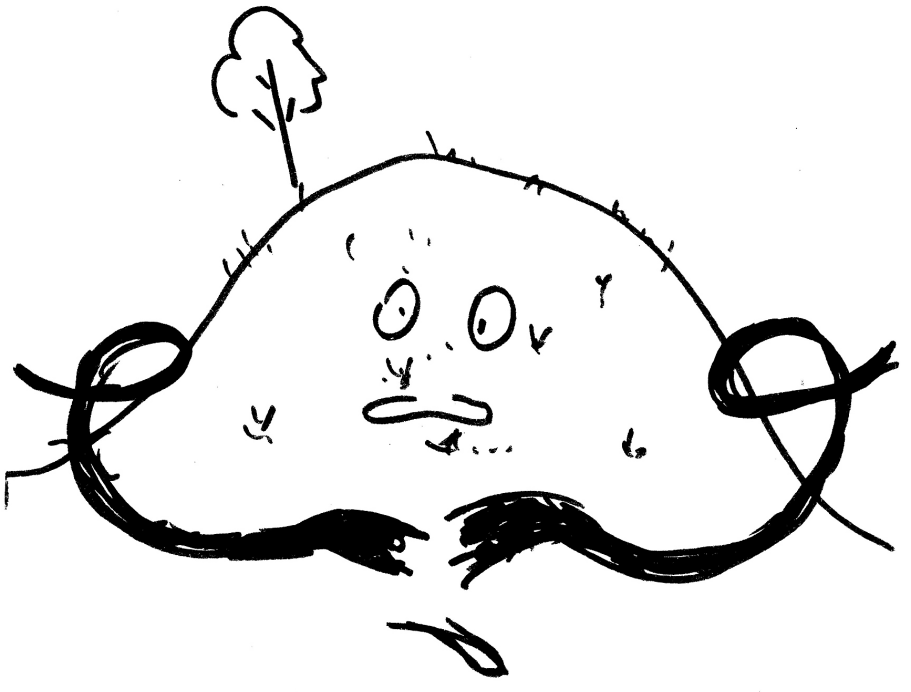


Фантазии. Последняя бровка...



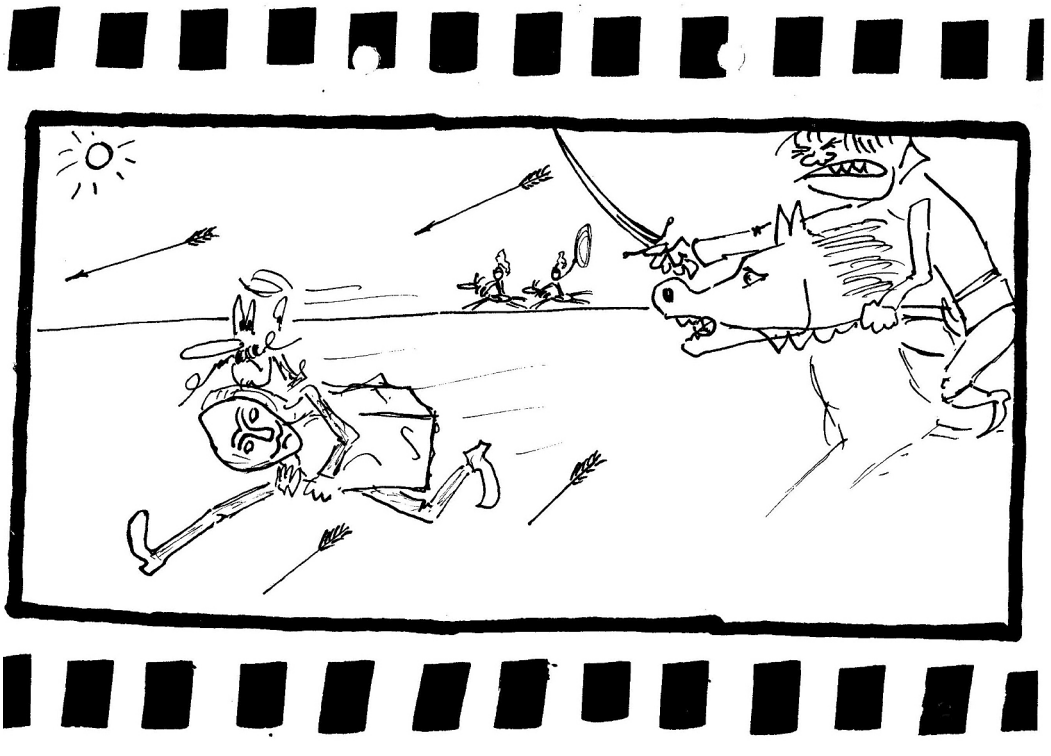
Персоналии. Положь раритет!

Персоналии. Песнь о любви!

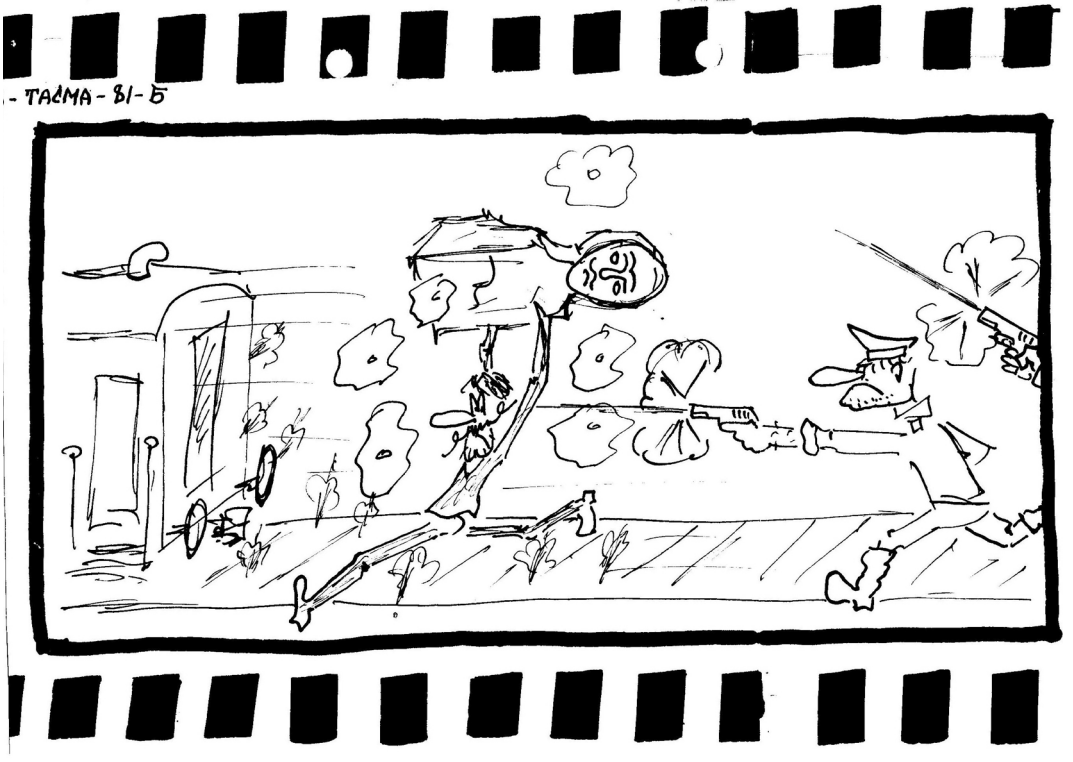


Фантазии. Сами с усами!

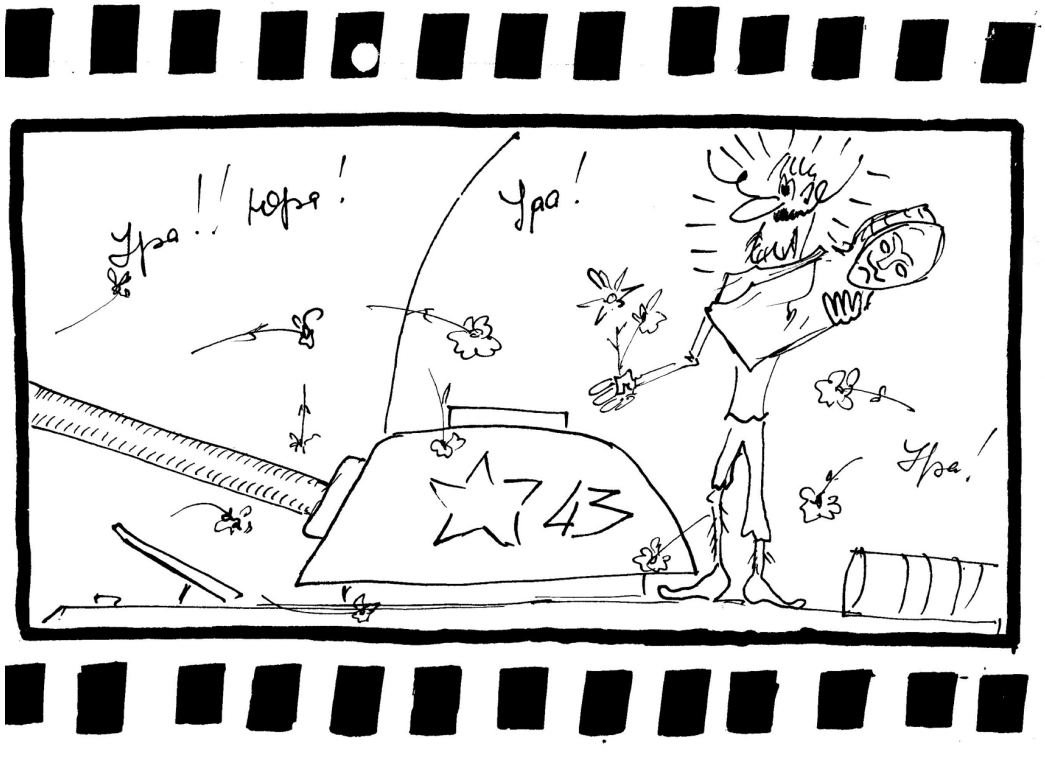
Похищение Ишпакая. Исторический триллер. Было немного шумно...



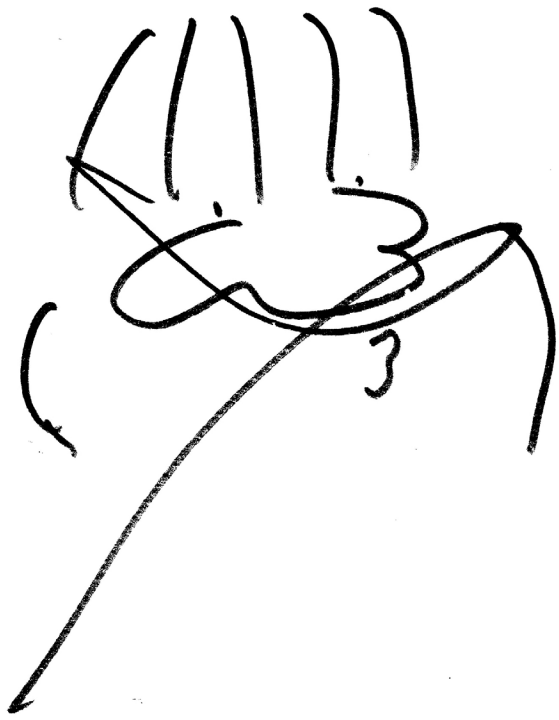
Похищение Ишпакая. Исторический триллер. Местные проводили...



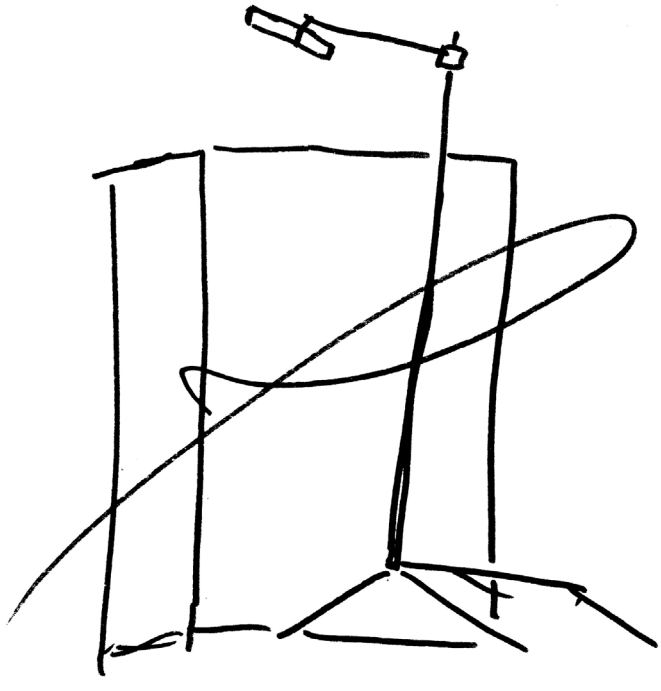
Похищение Ишпакая. Исторический триллер. Спецоперация



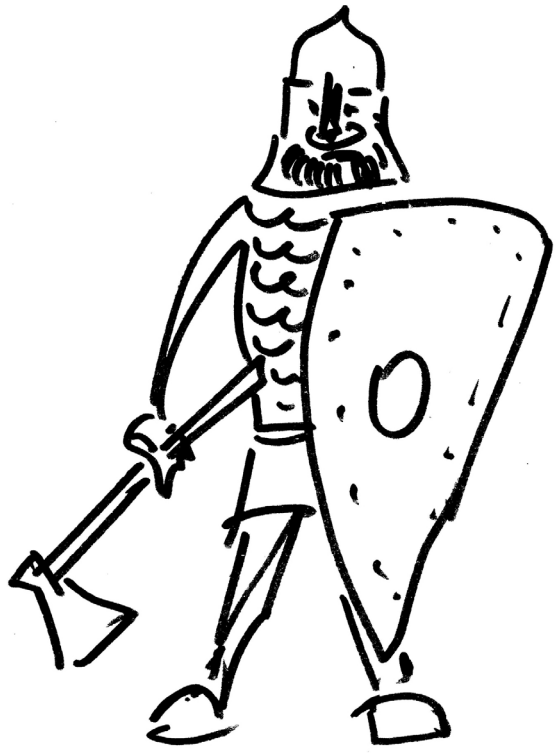
Похищение Ишпакая. Исторический триллер. Победа!



Просто так. Да нуууу...

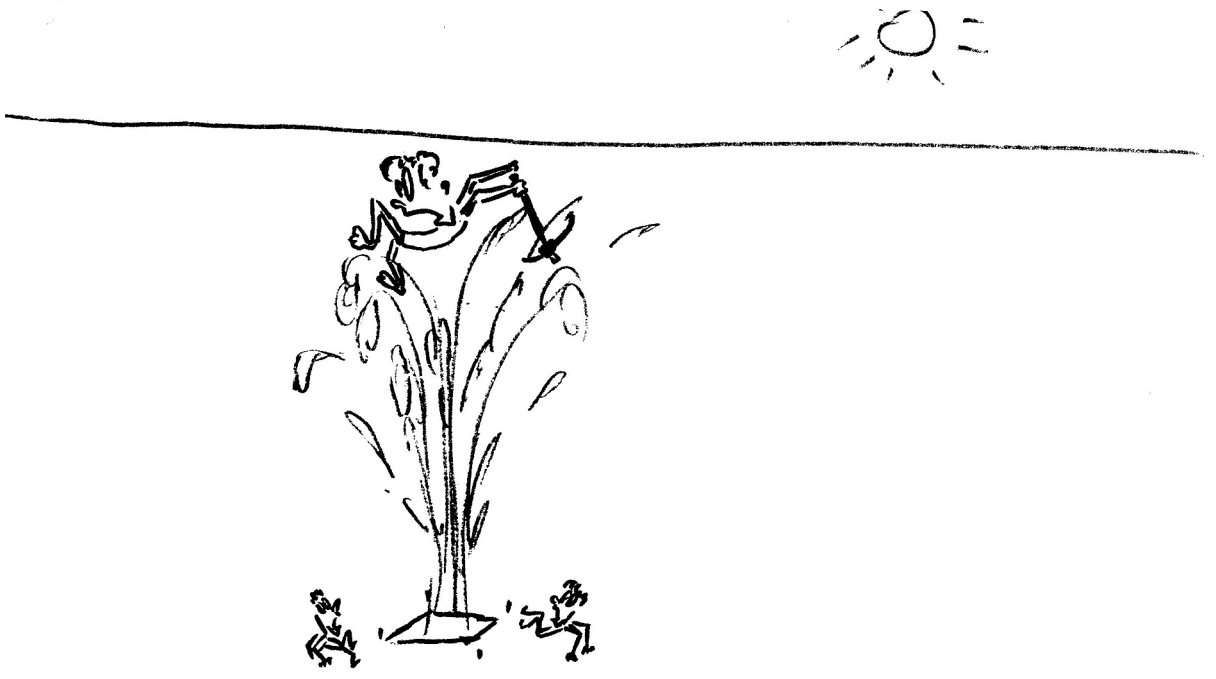


Просто так. Молчу!

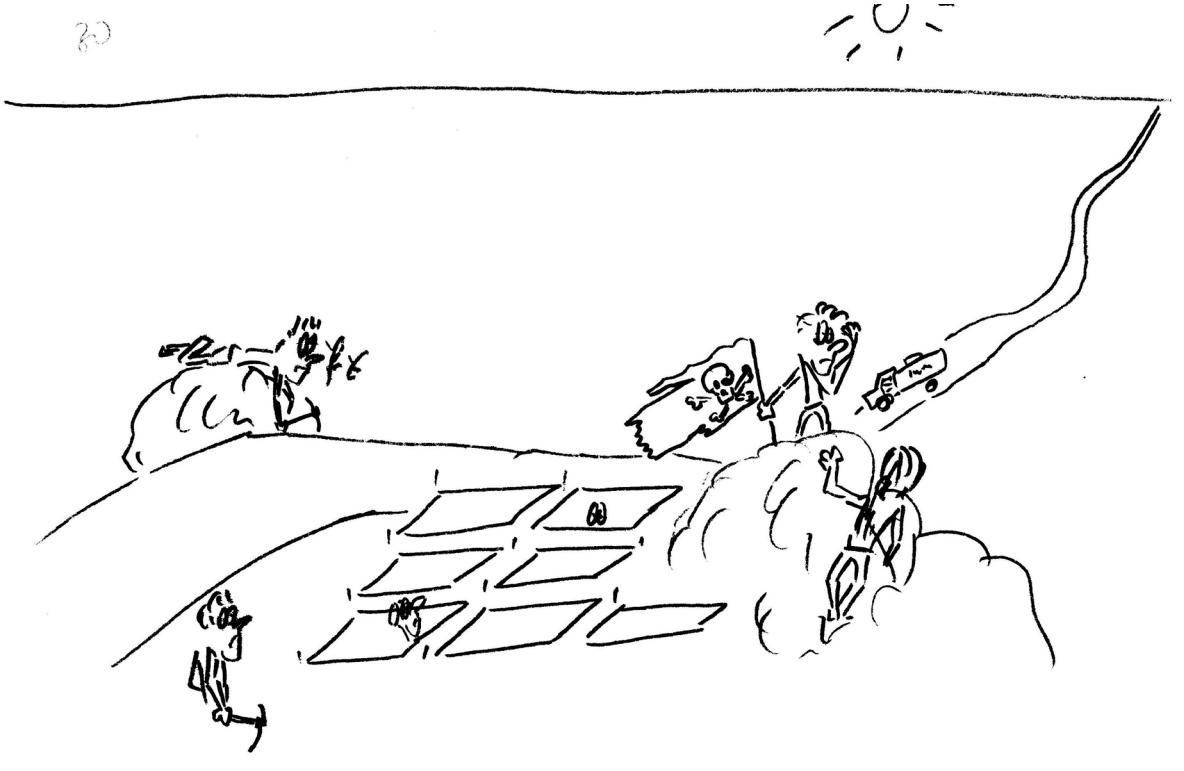


Фантазии. Веский аргумент

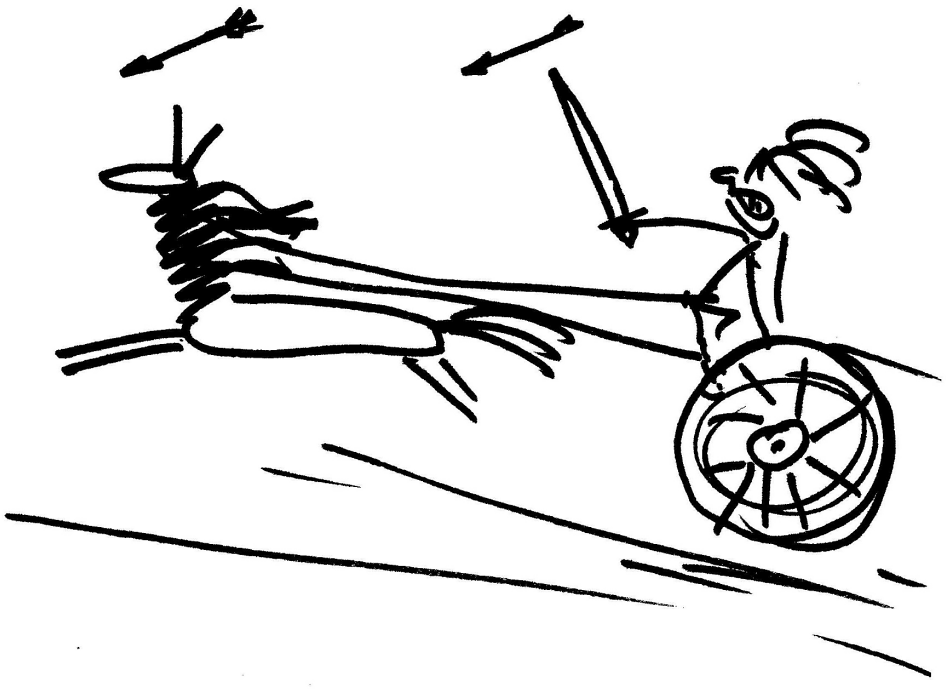
Фантазии. Есть такая работа



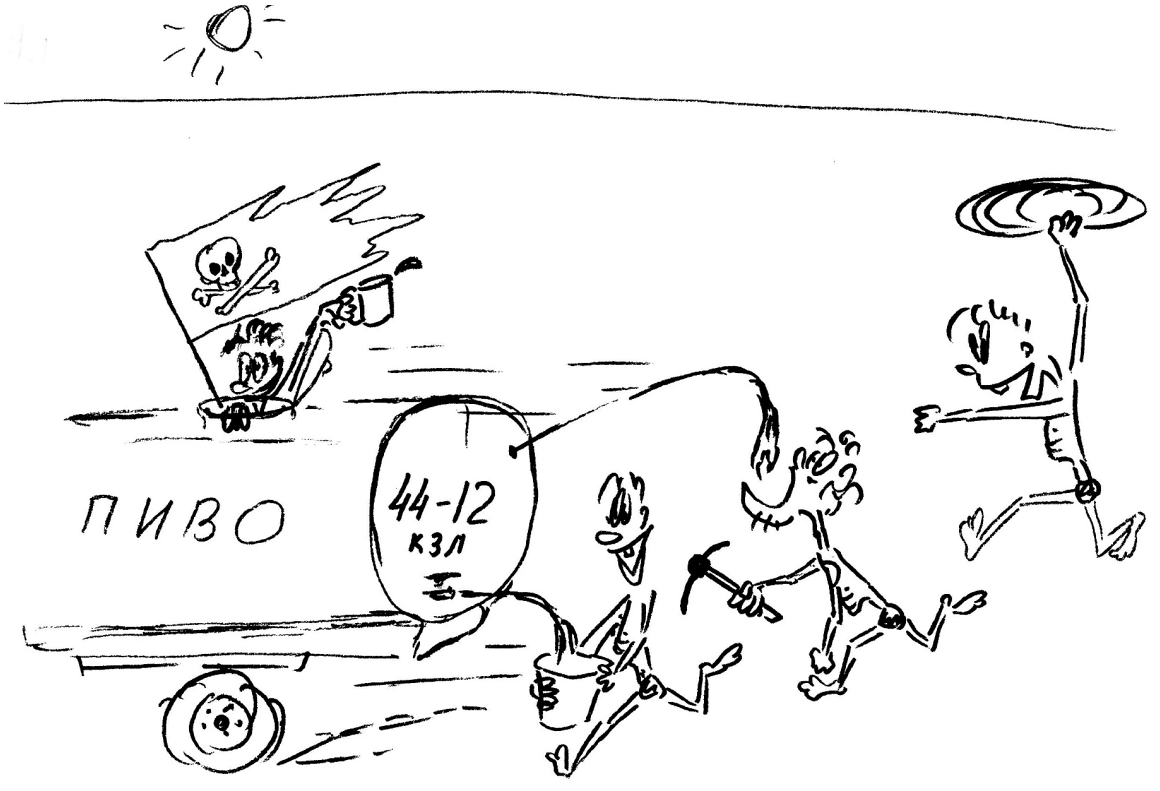
Фантазии. Каждому археологу – по фонтану!



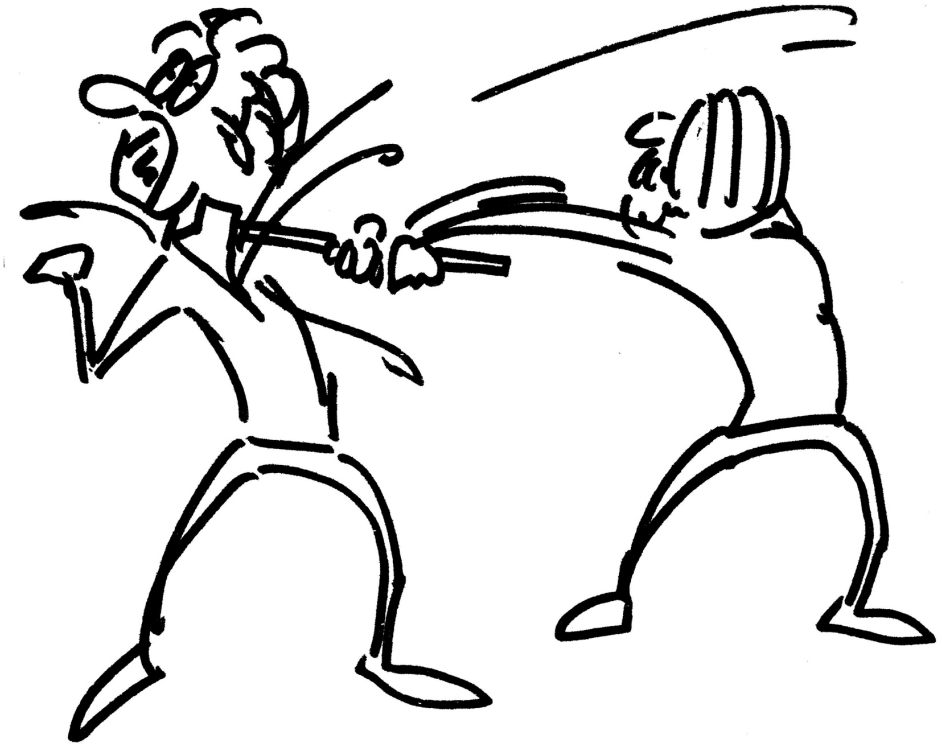
Фантазии. Партизаны



Фантазии. Колесо истории



Фантазии. Мечты сбудутся!



Фантазии. Не спорь с лесорубом!

Фантазии. Последний аргумент

Собиратель душ

В пути

ЛЕНЯ ТУФЛЕНКОВ

В этом издании у авторов нет отчеств. Они здесь молоды. Впереди – практически вся жизнь. Рядом – плечо друга, крылья палатки и степная дорога до горизонта. Леня Туфленков – из этой когорты исследователей. Им выпало «тропить» дороги и тропки для будущих поколений исследователей далекого прошлого нашего края. Почти всегда они были первыми археологами,

которых встречали безвестные ранее свидетели древних времен в степях Челябинской области и в лесостепях области Курганской. Выпускник историко-педагогического факультета ЧГПИ и археологической лаборатории, Леня Туфленков вполне естественно и уверенно чувствовал себя и как археолог, и как учитель. Много лет после окончания педагогического института он руководил детской археологией области через Научное общество учащихся. А еще... мысли почему-то стремились кристаллизоваться в стихи. С тех самых студенческих лет, проведенных в экспедициях.

Н.Б. Виноградов

Стихи

* * *

Всё копаем и копаем, света белого не знаем.
Мы копаем.
Нам с Андрюшкой, если схватит, на могилу трижды хватит,
А мы копаем.
У костра горланим песни, а на утро жизнь – хоть тресни,
А мы копаем.
Жрём одну мы с ним перловку. Нам бы на юга путёвку,
А мы копаем.
Мы забыли теоремы, и кругом одни «сахемы»,
А мы копаем.
Комары и мухи жалят, а нас даже не похвалят,
А мы копаем.
От лопат давно мозоли. Друг, нас крупно «накололи»,
А мы копаем.
Нам бы пива или квасу. Нет его, один Тарасов,
А мы копаем.

1981 г.

Косточка

Я землю рыл лопатою чугунною, треклятою,
Но был вознаграждён я за труды –
Нашёл я кость здоровую, коровью, берцовую,
Совсем почти что новую, лишь от зубов следы.

Ах, как давно я в поле, а мясо лишь на воле,
Его теперь я вижу лишь во сне.
Кругом одна крупа-лапша, а мяса нету ни шиша,
И от крупы мурашки по спине.

Я кость ту завернул в носки, а вдруг там есть ещё мозги?
Припрячу. Кто узнает? Пусть буду для друзей я – «гад»,
Но тем мозгам я буду рад, другие ж пусть мечтают.

Я потерял чутьё совсем, и тут застал меня «сахем» –
Подкрался сзади (мне бы смыться!),
Глаза блеснули (вот ведь гад!), сказал, что ценный экспонат,
Схватил ту кость и за отвалом скрылся.

Но я не верю – он жульё, ведь кость моя, а не его.
Таких давно я знаю!
Её он съест, ведь я не прост, ему мозги, а мне – овёс,
И поминай, как звали.

Я как индеец вслед пошёл, и на тропе его нашёл,
Отрыл зарытый бронзовый топор...
Но он позвал ещё двоих, что, мол, консилиум у них,
Хоть я кричал: «Мошенник он и вор!»

Но верю я – придёт мой час, найду я кость ещё не раз,
Если в Лету от крупы не кану.
А Бог всё видит, Бог – Колосс, мне даст мозги, а им овёс,
И даст мне Бог – «сахемом» стану.

1981 г.

Археологу

Проходит всё. Всё изменяется: ракеты ввысь, дома под снос...
Леса пусть даже появляются из синтетических берёз.
Пусть пролетает время быстрое, но через много-много лет
Он с бородою, и с лопатою, и с парой стареньких штиблет.

Волонтёрская

Раз в году, надев старое кепи, рюкзачок, с видом очень отчаянным,
Уезжаем в далёкие степи, где века сохраняют молчание.
Не игра это детская в фантики, ни к чему нам сомненья и споры,
Мы не просто, не просто романтики, мы – истории волонтёры.

Мы не золото едем искать. Ощущая эпохи руками,
Нам бы только найти и понять, что так скупо хранится веками.
Нам бы только найти и понять, надо только искать и обрящем,
Нам ведь прошлого не поняв, разобраться нельзя в настоящем.

1983 г.

* * *

Мы не бродяги на дорогах все в лохмотьях и в пыли,
Не оббиваем мы пороги, мы, как степные корабли,
Плывём – куда подует ветер, идём – куда поманит степь.
Наш шеф, как дух, великолепен! С ним даже можно помереть.

А на плечах у нас лопаты. И шеф нагружен, как верблюд.
Не выпускает он гармошки, с ней в сёлах лучше подают.
И сердобольные старушки, крестясь, нам подают «на чай»
И шепчут кумушкам на ушко: «Ведь образованные, чай».

Не променяем мы палатки на городских квартир уют.
Мы отвечаем на загадки – нам предки снова задают.
Пусть святость песни слита с дымом, мы выпьем, где сейчас не пьют.
Не будет вечер сиротливым, коль археологи поют.

1984 г.

Чернореченская

Не кукушка на суку кричит: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку»,
Не таинственный голос природы –
То Серёжка-вещун, то Серёжка-колдун,
Предсказатель ненастной погоды.

От дождя не убежать. Может, взять и лечь поспать?
Но давно мы отлежали наши боки.
Даже старший наш сахем загрустил, не ест совсем
И с надеждой смотрит в небо на востоке.

Только ляжем на покой, прозвучит-звучит отбой,
И заснут сперва сахемы, потом детки –
От раскопа гурьбой неприметной тропой
Мимо лагеря шастают предки.

1984 г.

Про Федю

Федя, Федя, помолчи, ну минуточку!
Мне гипотезы твои – вот где – и шуточки,
Видишь, видишь, я иду с большой лопатою,
Я в могилочку тебя сейчас упрятаю.

Твои лекции о вреде курения
Вызывают у меня раздражение.
Пусть «сахемы» в тишине пообедают,
А покойнички с тобой побеседуют.

Вот опять ты о тарелках летающих,
О людях, почему-то всё знающих, –
Можешь много говорить, да всё разное...
Так умойся ж, наконец, рожа грязная.

Закопать бы тебя кроме шуточек,
Да покойнички не выдержат минуточки,
Побегут как из степей они первые
(Они нам не чета – люди нервные).

1992 г.

Разведка

Вороны каркают к беде, штиблеты стоптаны до слёз...
Уже забыли о еде. Кругом болота да навоз.
Лишь сигареты тёплый дым как утешенье для души.
Здесь будут Сочи вам и Крым, коли в кармане есть гроши.

Но нет в карманах ничего, и продырявился карман,
Голубчик Марков, напиши из «тёплый город Магадан».
Ты напиши, что жив, здоров, что начал ты о нас скучать...
А переводы нам не шли – мы их устали получать.

Мы вспоминаем шефа здесь и каждый день, и каждый час.
Нам будет лестно, если он там вспоминает и про нас.
И что ни день, то на этюды выходим пёстрою толпой.
Иду я точно полумёртвый, а Вадик как полуживой.

«Наэтюдируемся» вдосталь, и нас вы будете качать,
Но будем помнить мы лет до ста – не надо в дачу превращать,
Не надо в дачу, разведку в дачу, дачу в разведку превращать.
Не надо в дачу, разведку в дачу, дачу в разведку превращать.

1984 г.

Весёлая «кедовальная»

Я вспоминаю, их вспоминаю, даже спиною их ощущаю.
Это больная и важная тема: «Какого размера кеды сахема?»
Кеды сахема лучше таблетки, знают об этом в лагере детки.
Если же в ком-то закралось сомненье – всем обеспечим выздоровленье.

Если, к примеру, вы заболели: коклюш, ангина, что-нибудь съели,
И неохота идти на работу!.. Быстро проявим мы нашу заботу.
Если лопату воткнули в раскопе – быстро получите кедом по попе,
И, ощущая каждую кочку, будете гладить пятую точку.

Если по бровке вдруг вы ходили, или в раскопе сонными были –
Будет чему вам здесь удивиться: кеды и ночью будут вам сниться.
Песенка эта всем интересна, так что готовьте заднее место,
Кеды сахема лучше припарок, кеды сахема – отличный подарок!

1996 г.

Маракуйя

И ночью и днём с тобою вдвоём
Мы сидим без сна, мы песни поём.
И если мне грустно, напеваю я: «О, маракуйя!».

А если лопата не идёт на штык,
«Сахем» на нас смотрит, словно грозный бык,
И здесь без сомненья понимаю я: «Всё маракуйя!»

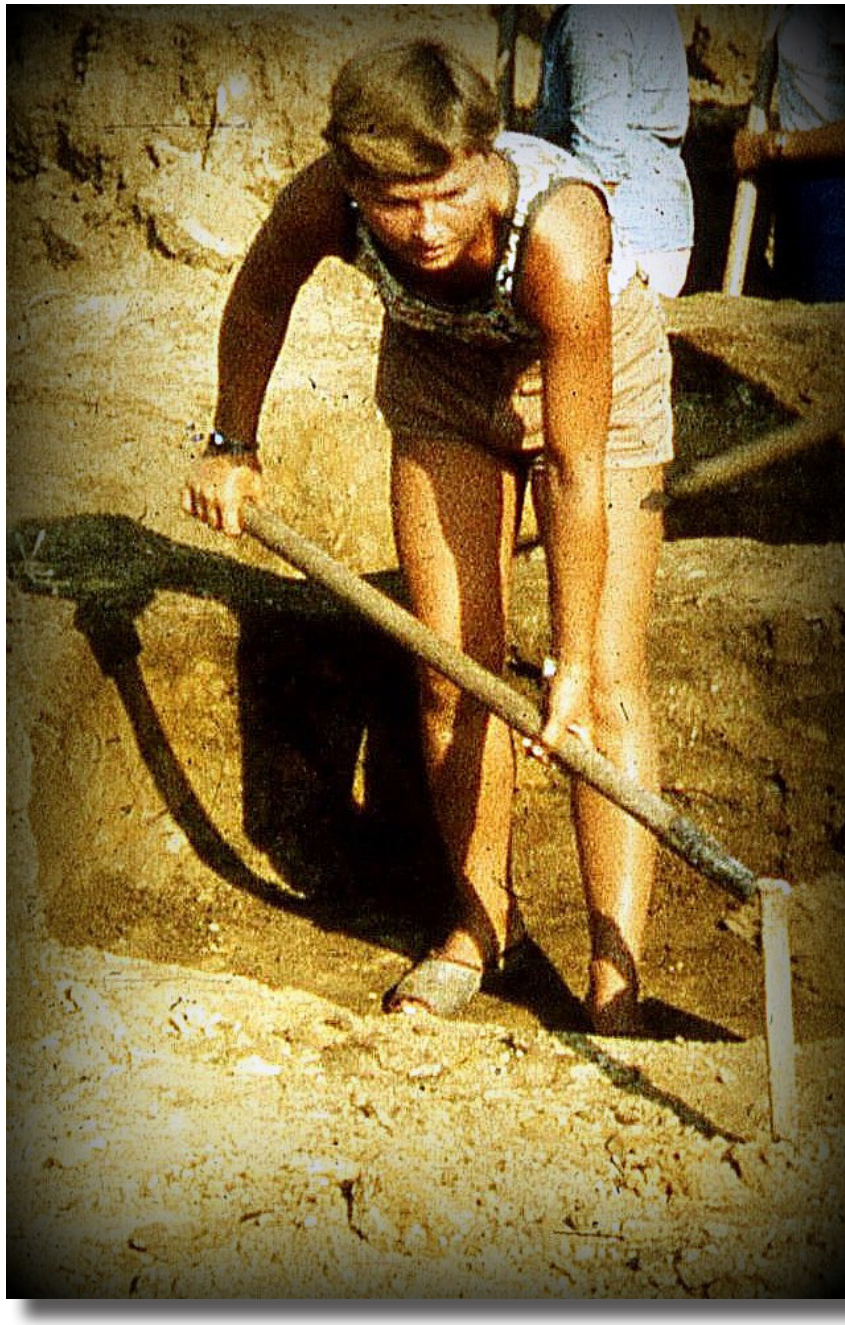
Сегодня я случайно зашёл в туалет
(Конечно, деревянный, конечно, не паркет).
Не скажу, что увидел, но издал возглас я: «О, маракуйя!»

И если опять налетит ураган,
Я знаю уже, что за имя дам,
Пусть оно потом согревает меня, о, маракуйя!

В белой палатке дым сигарет –
Кто-то уверен, что меня рядом нет,
Но я везде, где меня не ждут,
Я знаю, потом они запоют: «О, маракуйя!».

1996 г.

ЛЮБА ЗАГВОЗДИНА



Студенты-заочники не такое частое явление в археологической экспедиции. Им приходилось совмещать учёбу, работу, и если ехать в экспедицию, то только в отпуск. Таким отпуском и пожертвовала Люба Загвоздина, когда приехала в 1984 году в археологический отряд, по рекомендации Николая Борисовича Виноградова.

По сравнению, с частью студентов-очников, которые воспринимали экспедицию как тяжкий крест, который приходится нести для прохождения практики, у Любы был виден огромный интерес ко всему происходящему.

Некоторые вопросы ставили в тупик и заставляли задуматься. Почему мы работаем в экспедиции? Что это нам даёт?

Люба умела слушать и слышать. Наверное, поэтому она быстро влилась в наше волонтёрское братство.

А творческим результатом было рождение песни «Древние колесницы», которая стала хитом экспедиции на десятилетие раскопок памятников синташтинского периода.

Казалось бы, незамысловатость сюжета, рубленая разговорная строка, но, видимо, были найдены точные краски, которые были понятны каждому.

Сегодня, мы уже далеки от археологического движения, руководим образовательными организациями, но, как и десятилетия назад, звучат строчки:

Время нас беспощадно изменит,
Разбросает по жизни, кого, куда,
Но раскопок чудесное время
Не забудет из нас никто, никогда.

Л.В. Туфленков

Стихи

Звон степей

Солнце встаёт над раскопом, в лагере слышен гонга звон.
Ждёт нас сегодня работа, мы расчищаем прах времён.
А ночью нам будет сниться звон степей, звон степей,
Древние колесницы и у костра лица друзей.

Нам земля открывает тайны. День за днём мы о них с трудом узнаём,
Но скоро кончится лето, и души свои мы в город вернём.
Но и там нам будет сниться звон степей, звон степей,
Древние колесницы и у костра лица друзей.

Время нас беспощадно изменит, разбросает по жизни кого куда,
Но раскопок счастливое время не забудет из нас никто никогда.
И всю жизнь нам будет сниться звон степей, звон степей,
Древние колесницы и у костра лица друзей.

1984 г.

Оптимистическая

Ну что нам надо, ребята, чтоб не ныть и не плакать?
Чтобы рожки в котле, да в палатке – мешок,
Чтобы бронза мелькала в раскопе когда-то,
Чтоб лопата звенела о древний горшок.

Чтоб река была рядом, чтоб песни пели отрядом,
Чтобы шутки звучали, улыбки и смех.
Чтоб работа кончалась и время оставалось
Просто так посидеть и для различных потех.

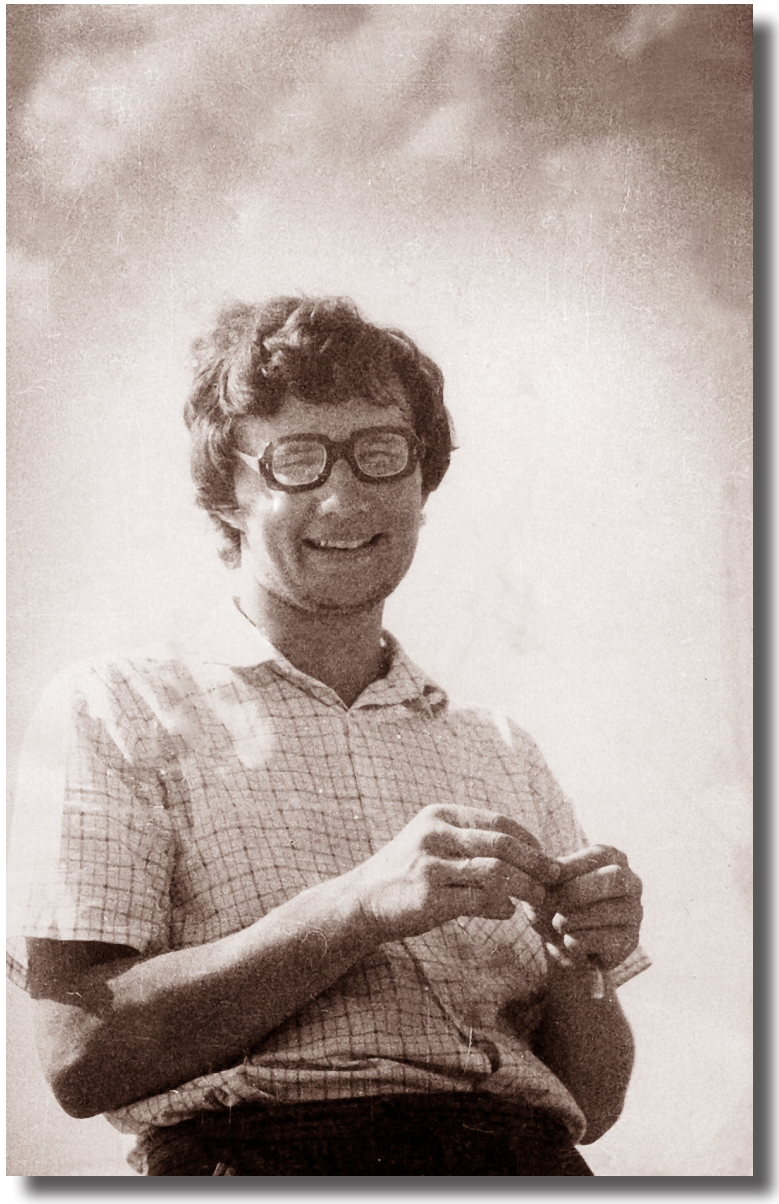
1984 г.

К Восьмому марта...

Руки болят, ноги болят, лопата с плеча соскользнула,
А в могиле скелеты лежат... Я бы, кажется, рядом уснула.
Ай-ай-ай, ой-ой-ой!
Что, где копать? Женщин – вперёд! Основная ударная сила.
Археология без женщин умрёт, их измены она б не простила.
Ай-ай-й, ой-ой-ой!
Но мелькнул огонёк у костра, и, расправив усталые плечи,
Будем петь мы всю ночь до утра, и от этого будет нам легче.
Ай-ай-ай, ой-ой-ой!

1985 г.

СЕРГЕЙ МАРКОВ (СТАРШИЙ)



Марковы – легендарная археологическая династия в нашей лаборатории. И Сергей Марков Старший (Сергей Владимирович), и старший его сын – Сергей (Сергей Сергеевич), как и почти все лабораторцы, – выпускники историко-педагогического (позднее исторического) факультета Челябинского государственного педагогического института.

Будучи по рождению людьми творческими, талантливыми и страстными, они жадно учились. И археологическим премудростям в том числе. После окончания института продолжили дружить и с лабораторией, и с археологией. Каждое лето встречали в экспедиции в степях Южного Зауралья и в Северном Казахстане...

И СЕРГЕЙ МАРКОВ (МЛАДШИЙ)

...Количество рано или поздно разрешается качеством, согласно закону диалектики. И Старший Марков – Сергей Владимирович, повинуясь этому закону, стал главой учительского методического объединения Сосновского района и заслуженным учителем Российской Федерации. Археология продолжала быть его музой, невзирая на разнообразные жизненные повороты. Уже много лет Сергей Владимирович – педагог дополнительного образования Дворца пионеров и школьников им. Н.К. Крупской в Челябинске, руководит школьной археологией области, оставаясь и в этой должности творцом. Он – генератор и непременный участник разнообразных творческих проектов. Поколения молодых южноуральцев благодарны ему за «прививку от бескультурья и беспамятства» в отношении наследия древних времен.

Н.Б. Виноградов

Стихи и афоризмы

Сергей Марков (старший)

Геродот

Мой грек любезный, старый Геродот,
В какие страны ты ещё меня поманишь?
Какими песнями ещё меня обманешь?
Мой грек печальный, – я уже не тот.

Да! Было время – не сиделось нам.
Манили нас к себе степные дали.
Мы столько там земли перекопали!
И поклонялись каменным «усам».

Ты нас таскал туда, где жили скифы.
Всегда была лопата под рукой.
Мы у костра болтали под луной
И о себе придумывали мифы.

Текло вино по чьим-то там губам.
Но мы его водой не разбавляли.
И даже спирт... И, трезвые (едва ли),
Мы предавались трёпу и мечтам.

Мечты? О чём? Раскопана уж Троя.
Ногам моим заказан путь.
А мне б чуть-чуть, немного отдохнуть
И домик для себя уже достроить.

Ну что же, ври, усталый Геродот.
Ты видишь, наши дети подрастают.
Они уже о подвигах мечтают
И ждут, когда их грек с собою поведет.

1994 г.

Песня о мудром школьнике

Над седой степной равниной ветер тучи собирает. Между тучами и степью гордо реет мудрый школьник серой молнии подобный. То рукой берет лопату, то стрелой летит к отвалу. Он орет, и в этом оре что-то слышится родное. В этом крике – страсть к работе и уверенность в находках. Вес носилок, высь отвалов чует степь в победном крике.

А студенты пред работой стонут, мечутся в палатках. И хотят забраться в спальник, ужасаясь пред раскопом. Им студентам недоступно наслаждение работой. Звук лопаты их пугает.

И сахемы тоже стонут. И стремятся все в автобус оттянуться после споров над могилой синташтинца.

Только гордый, мудрый школьник тело мощное не прячет. Он шагает по раскопу, никого не замечая. Степь пылится. Солнце злится. Мчится юный археолог. У него в руках лопата. Он земли комки хватает и бросает их с размаху на высокие отвалы, разбивая в пыль и щебень. Этот школьник просто демон. Но уже усталость чует. Он надеется, что тучи скроют солнце. Он с надеждой смотрит в небо и отчаянно пророчит: «Дождик! Скоро грянет дождик!».

И тогда на три недели зарядил унылый дождик...

Сергей Марков (младший)

Признаки археологов. Поэма в четырех частях

7 признаков «сахема»

Он всегда прав.

Он не расслабляется в течение 24 часов в сутки, так как знает кем руководит.

Он единственный человек на раскопе, который знает, как правильно копать.

Он много знает и мало зарабатывает.

Он может зависать в Интернете, когда ему захочется.

На вопрос любопытных аборигенов: «Что нашли?», он автоматически отвечает: «Золота нет и не будет!»

Он мечтает раскопать клад Приама... Но понимает, что родился не в то время и не в том месте.

7 признаков волонтера

Он знает, зачем приехал на раскопки, и знает, что за это ему ничего не будет.

Он знает много слов для соответствующей игры на раскопе.

Он ездит без очереди в деревню, так как водитель дядя Витя – его лучший друг.

По ночам он зависает не в Интернете, а в кабине водителя.

Понятие «отбой» для него не существует.

Он может поднять водителя в 2 часа ночи, чтобы поехать в город за пельменями.

После безотбойной ночи на раскоп он идет с перекурами.

11 признаков студента-практиканта

Зачем он приехал на раскопки, он понимает только к концу сезона.

Каждый раз перед едой он тщетно ищет свою тарелку с красным цветочком, свою кружку с нарисованным мишкой и ложку с надписью «нерж».

Если практикант – она, то в рюкзаке у неё утюг и фен.

От всех болезней в экспедиции ему помогает зеленка.

Ему еще повезло, что у него такой «сахем».

По ночам он зависает не в Интернете, а в хозпалатке.

Он легко разделывается с любыми блюдами с помощью столовой ложки.

Из него археолог как из свиньи вертолет.

Ещё за неделю он забивает очередь у водителя на поездку в деревню. А поездка в город становится предметом аукциона.

Где он упал, там и палатка.

Для него сакральное значение приобретают понятия: лопата, бровка, зачистка, трассер...

11 признаков школьника в экспедиции

Зачем он приехал в экспедицию он знает, потому что об этом ему рассказал его руководитель.

Он работает на раскопе дольше и усерднее, потому что знает, что за это ему ничего не будет.

Он ещё наивно думает, что помойка – мечта археолога.

Он гордится тем, что Заратустра – его земляк.

Он не умеет копать, ему просто везет.

Сидя за столом, слева он кладет лопату, а справа – ложку.

Постоянно зависает, но не в Интернете, а над тарелкой супа.

В палатке он читает книжки.

Он все делает бегом, даже спит и бегает.

Он моет ноги перед отбоем, чтобы не отравить соседа.

Во время посвящения в археологи школьник самый жестокий, он самый маленький и знает, что за это ему ничего не будет.

ФЕДОР ПЕТРОВ

Любовь к археологии у Федора Петрова (на фото – в центре) – наследственная. Его родители, Николай Саввич и Людмила Федоровна, познакомились... на раскопках древнегреческого Херсонеса.

И не случайно свои летние каникулы Федя проводил в компании сверстников в детских экспедициях, работавших под эгидой Научного общества учащихся и археологической лаборатории ЧГПИ.

Юных археологов тех лет отличала невероятная пытливость и стремление как можно скорее выйти на передний край науки. Они стали «застрельщиками» экспериментов, связанных с металлургией бронзового века, и получили за свою работу золотые медали ВДНХ СССР.

Романтика археологии не преминула отразиться и в стихах Федора Петрова «со товарищи»...

Н.Б. Виноградов

Стихи

Осенняя разведка

С листьев падает пепел,
Судьба не простила долги.
В кронах бесится ветер,
Кружится над миром другим.
И холодное небо
Не бросит ни капли дождя.
С листьев падает пепел,
С листьев падает пепел.

Каждый шаг был отмерен
И взвешен на горьких весах.
Каждый час был наполнен
Холодным дыханием ветра.
Каждый стебель травы
Отражался в ночных небесах.
С каждой каплей дождя
Уходили назад километры.

Посмотри, как огонь
Догорает в холодной золе.
Посмотри, как над степью
Встает одинокое солнце.
Ты увидишь, что пепел
Покрыл все леса на земле,
Но под пеплом все также
Стучит беспокойное сердце.

1999 г.

Лисья земля

Ранит водой,
Манит бедой
Эта земля
Лисья.
Прянуло прочь
В небо и в ночь
Время твоей
Жизни.

Мокнет земля,
В цвет сентября
В небе распят
Голос.

И не один
Холод равнин
Не утолит
Колос.

Ветер пути,
Начал – лети
И под дождем
Меркни.
Новый закат
Сотой назад,
Сотой подряд
Смерти.

2004 г.

Возвращение

Я боюсь уцелеть в этом вечном бою,
Донести в твои руки надежду свою,
Удержаться, подняться в кипящей воде,
Устоять под напором заката,
И однажды войти в наш разрушенный дом,
Где ветра и пути разочлись окоём,
Где горелое солнце непрожитым днем
Полыхнет на рассвете когда-то.

Что же делать, скажи, ведь твои виражи
Уложили под лед уже третию жизнь,
Догорают стога вдоль дороги,
В ночь уходят стада, не удастся страда,
Пахнет кровью вода, на пороге беда,
И заходится небо в тревоге.

2005 г.

Песня двух младших научных сотрудников, нарушивших Положение об археологических раскопках, разведках и Открытых листах

(по мотивам Ю. Визбора)

Нас везут в Институт,
Двух пока МНС,
Заложивших раскоп
Не вполне симметрично.

Я ж надеюсь еще
Дотянуть в СНС,
Если буду смотреться
В ОПИ симпатично.

Мой товарищ лежит,
Матеря голоском
Нивелира буссоль
И ее протоматерь.
Я ж на клёвый прикид
Уповаю тайком,
Поправляя штормовку
С плечами на вате.

Между нами в грязях
Лесостепь, бл..., лежит,
Колченогий УАЗик
Ползет, спотыкаясь.
Я, быть может, смогу
В лаборантах прожить,
Но любви твоей страстной
Навеки лишаюсь.

2005 г.

* * *

За гранью дневного неба,
За краем степного моря
Дороже вина да хлеба
Дороги для нас с тобою.

За шепотом трав под ветром,
За пением птиц о небе
Залиты нездешним светом
Поля, где с тобой я не был.

Но падает морок с неба,
Долами уходят кони.
Поля, где с тобой я не был
Согреют твои ладони.

2005 г.

ФЁДОР ПЕТРОВ, ДЕНИС ШИЛОВ

Стихи

Подарок сахему

Вячеславич Леонид, уважаемый.
Ну за что же Вы мне так угрожаете:
Говорите, что меня закопаете.
Вы подумайте, кого потеряете?

Не волнуйтесь, дорогой, понапрасну,
Без меня Вы как без рук – верьте на́ слово.
И не только о куренье забудете,
Но ни есть, ни пить, ни спать Вы не будете.

Любопытство не порок, уважаемый,
Незаслуженно меня обижаете,
Что за песня – оскорбленья да грубости,
Как дошли Вы до такой некультурности?

Прекратите, дорогой, свои шуточки.
Коль покойнички не выдержат минуточки.
Да рванутся сгоряча из могил они –
Вот тогда Вам без меня – дело гиблое.

1998 г.

ГАЛЯ ТУФЛЕНКОВА (БОЛОТОВА)

Сколько помню, Галю Болотову (позднее Туфленкову) всегда тянуло к творчеству. Думаю, не в последнюю очередь именно это стремление творить и привело юную студентку историко-педагогического факультета в археологическую лабораторию. Роман с археологией продолжается уже несколько десятилетий.

Именно Галя первой предложила собрать местный песенный археологический фольклор «под одной крышкой» и реализовала этот проект со своими «поющими детьми» в виде магнитофонной кассеты под названием «Не будет вечер сиротливым, коль археологи поют».

Частью ее творчества являются и посвященные археологии авторские стихи.

Н.Б. Виноградов

Стихи

* * *

Собирайся, кто не робкий, у кого в душе азарт,
Мы поедем на раскопки и, конечно, на Камбар.
Мы стараться будем очень заглянуть сквозь пыль и тлен
На истории кусочек – керамический фрагмент.

И капризная Фортуна улыбнётся наконец,
Кто-то бусинку отыщет, кто тёрку или пест.
Мы сумеем непременно по методике копать,
Даже кашу из тарелок по науке защищать.

Диалектика по кругу соблюдает череду.
Здесь когда-то жили люди в незапамятном году...
Вот шумит весёлый улей перезвонами гитар –
Это мы к тебе вернулись – здравствуй, Каменный Амбар!

2004 г.

* * *

Бывают ли в мире курганы с усами?
Возьмите лопату, поедемте с нами,
И будете гордо рассказывать маме,
Какими бывают курганы «с усами».

Поставлены рядышком камень на камень
Дорожки ведут, что зовутся «усами»,
Сто семьдесят метров – считайте шагами –
К востоку и юго-востоку грядами.

В машине, где фляги гремели боками,
Мы ехали с кисточками и совками
Разгадывать каменное оригами.
А всё потому, что мы сами с усами.

Нам снились ночами, в борьбе с комарами,
Как корни сухие срезали ножами,
Над новой «Данеткой» гадали часами,
Делились водой и конфетой с друзьями.

На этих камнях, запылённых веками,
Мы сделали несколько фото на память.
Смотрите! И вместе придумаем с вами
Сто первую рифму к кургану «с усами».

2004 г.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КОСТЮКОВ

Впервые он появился в моей жизни в один из весенних дней 1976 года. Он открыл дверь нашего археологического музея, который тогда располагался на четвертом этаже, в переходе из главного корпуса в корпус физмата, и представился: «Владимир Петрович Костюков. Работаю на ЧМЗ взрывником. Хочу заниматься археологией». Так началась история нашей дружбы, которая прекратилась лишь с его уходом из жизни.

Владимир Петрович Костюков (1949–2009) был старше меня всего лишь на год, но жизненным опытом намного превосходил. Он успел и окончить Миасский геологоразведочный техникум, с практикой в Наилах, и поработать в геологических экспедициях в Армении, где на всю жизнь приобрел любовь к кавказской кухне. В армии ему пришлось служить в легендарном Забайкальском военном округе взрывником. Короче, при минимальной разнице в годах у него был куда более солидный жизненный опыт, нежели у меня. Но это далеко не всё.

К нему как ни к кому другому применимо англоязычное словосочетание “self-made”. Его разнообразная образованность просто поражала. Представьте степень освоения английского языка, позволяющую переводить тексты средневековых источников так, что твои переводы благосклонно воспринимаются англоязычными мэтрами востоковедения. Он был одержим не только археологией, полевую часть которой начал жадно постигать в наших экспедициях и скоро перерос сам себя и, безусловно, других.

Он был одержим источниковедением и с годами из обычного добротного полевого археолога превратился в маститого востоковеда-медиевиста. Он был талантлив и

в том и в другом. Где он находил часы в сутках после рабочего дня на заводе для самообразования? Его отчеты о полевых исследованиях памятников археологии, например, содержали определения костей и людей, и домашних животных. Для этого он с одержимостью выучивал их номенклатуру и вводил в текст отчетов и научных статей.

Заочно он окончил с красным дипломом исторический факультет Уральского государственного университета в Свердловске по специальности «археология». Солидную часть зарплаты он многие годы тратил на создание личной научной библиотеки по средневековой археологии и в этом преуспел настолько, что и я счел за благо отдать ему все, что у меня было по Средневековью из книг. Отдельно надо проговорить о кристальной научной честности, добросовестности Владимира Петровича. Источник или некую мысль он старался отработать до предела возможного. Самым страшным грехом в науке для него была неаккуратность, неряшливость в обращении с источниками, с библиографией и в изложении существа избранной проблемы, структурная «каша».

В 1984 году он вместе с другими археологами ЧГПИ приступил к изучению великолепного могильника бронзового века Кривое Озеро в Троицком районе. Древние колесницы, комплекты колесничной упряжи, бронзовые орудия труда, предметы вооружения стали предметом пристального изучения специалистов.

С 1986 года В.П. Костюков со студентами-археологами и школьниками-археологами начал изучение средневековых древностей Южного Зауралья. Яркие результаты получены при исследовании им средневековых могильников и святилищ в микрорайонах Каменный Амбар, Система в Карталинском районе Челябинской области.

Итог его научной жизни: систематизированные представления людей XX века о Южном Урале в составе средневекового Улуса Шибана.

Жил не только наукой. Повзрослевшие обитатели нашей лаборатории хорошо помнят турниры по настольному теннису и странный футбол в коридорах лаборатории, которые неизменно инициировал Владимир Петрович. Суперобразованность его находила выход в искрометной и мудрой ироничности, в которой не было и грана издевки. У него было громадье планов. Защита кандидатской диссертации прошла на ура! На очереди, помимо очередных научных статей, была обобщающая монография по истории средневековых кочевых народов Южного Урала XIII–XIV вв. и защита докторской диссертации.

Как это бывает, вмешалась Судьба и «подстрелила» его на взлете, не оставив шансов...

Н.Б. Виноградов

Афоризмы

Млад и стар – на Камбар!

Наша Система никогда не была административно-командной!

Каждому археологу – отдельную могилу!

Наше будущее в прошлом!

Да здравствует нерушимая дружба (нерушимое камбарство) «сахемов» и школьников!
Объявляется предварительная запись в «сахемы»!
Лучше гор могут быть только Скалы!

Я люблю Вас, Ольгино! (А, иди ты ...) – Рано ушедший (с раскопа) поэт.

Привет Камбаритам, Ольговичам и Скалянам!

Земля – крестьянам, фабрики рабочим, недра археологам!

Объявление

В связи с окончанием работ продается Каменный Амбар (на дрова).

Юным археологам

Vestigia semper adora! (Благоговей перед следами прошлого!).

Многая лета, Клио!

ЖЕНЯ ДАВЫДОВ

Женя – из плеяды воспитанников, которые занимались у меня во Дворце пионеров и школьников им. Н.К Крупской в конце 1980-х начале 1990-х годов. В этом творческом коллективе не было безусловных лидеров, каждый дополнял друг друга. Фёдор Петров, Денис Шилов, Виктор Лысенко, Марина Кузнецова, Света Шумакова, Марианн Вербовецкий, Евгений Давыдов – люди творческие, неординарные, ученики, которых можно пожелать любому педагогу.

Женю из всех отличала внутренняя свобода, здоровый скептицизм и самоирония.

За внешней сдержанностью с налётом меланхолии вдруг проявлялся бурный темперамент, когда обсуждались музыкальные новинки англоязычной культуры, разыгрывались футбольные баталии между руководителями и школьниками, всё, к чему он прикасался, делалось с азартом.

Любитель рока, он одним из первых научился играть на гитаре, и даже известные песни имели роковые интонации.

К сожалению, в сборнике представлена только одна песня Евгения, пародия на песню «Раз в году надев старое кепи», но ещё пользовалась успехом пародия на песню «Дельфинёнок», высмеивающая плаксиво-сострадательные слова «дворовых» песен.

Песня, написанная в стиле альтернативного рока «Ход истории не повернуть вспять», также была написана в экспедиционный период.

Л.В. Туфленков

Стихи

Ход истории не повернуть вспять

Племя викингов кошмарных и ужасных,
Оставляя за собой кровавый путь,
Шумною толпой по морю кочевали,
Не давая мирным жителям уснуть.

Племена германцев рыжих и жестоких
Подошли и осадили Рим.
Грубым варварам культура не понятна,
И из римлянов не спасся ни один.

Племена монголов хитрых и коварных
Убивали, жгли и уводили скот,
Навели порядок свой суровый,
И страдал под ихним игом весь народ.

Племена индейцев краснокожих и жестоких
Убивали в прериях людей,
Скальпы на ветру зловеще развивались,
Развевались скальпы взрослых и детей.

Племена отъявленных пигмеев
Наводили страх в тропических лесах,
Поселенцев белых ритуально убивали,
Оставляя их останки на ветвях.

Но ход истории не повернуть вспять,
Но ход истории не повернуть вспять,
Но ход истории не повернуть вспять,
Но ход истории не повернуть вспять.

Сахемская отходная

Сними своё старое кепи. Расчёска. Возьми, причешись.
Подходят к концу это лето и наша в лагере жизнь.

Уйдут стук дождя по палатке и ветра пронзительный свист,
И в городе, оглянувшись на твой рюкзак, скажут просто: «Турист».
А дома нам снова приснится курган, и туман над водой,
И ящик «слонов» в палатке «сахема» с большой бородой.

А после зимы с её снегом лето оденет листву,
И старый сон повторится, но только уже наяву.

Стук дождя по палатке, и ветра протяжный вой...
И клятвенно обещаем, «сахема» с большой бородой,

Сними своё старое кепи и отложи до весны,
Оно тебе будет сниться. Сны, сны, сны...

1984 г.

ИЛЬЯ БАННИКОВ

С его отцом я учился на одном курсе исторического факультета нашего института. Сын пришел учиться сюда же и... в нашу лабораторию. Участвовал в экспедициях, выступал с докладами на научных конференциях. Закончил обучение и ... погиб в юном возрасте.

Прошло несколько десятилетий со дня гибели Ильи Банникова. Но в моих воспоминаниях он не «забронзовел», не превратился в памятник. Я по-прежнему считаю его гениальным, где-то наивным и нелепым мальчиком, пришедшим в этот мир, чтобы в очередной раз объяснить его. Он кричал стране и миру о их сущности и несовершенствах, но его не слышали и не слушали, потому как эти прямые были параллельны и не могли пересечься. Он был талантлив во всем, за что брался: стихи, проза, скульптура, рисунок и, наконец, археология. Он, в частности, в одном из последних писем писал о своей мечте создать энциклопедию оружия народов Южного Урала от каменного века

до Средневековья. В обыденной жизни он был порой непредсказуем и парадоксален. Мог заявиться «на чай» ко мне домой около полуночи. Проезжал, дескать, мимо на трамвае, чего ж не зайти? Иногда приезжал побитым: заступился за девушку в трамвае или на вокзале в Свердловске осадил наглеца. Был удивительно легок на подъем. Когда мы собрались строить первый в России учебный школьный археологический музей для детей от 7 до 12 лет, я дал ему сутки для решения об участии в проекте. Через несколько часов он сообщил о своем согласии. У него был свой взгляд на все. «Афганцы» едва не побили его за серию карикатур. Но он так думал. Сам я ходил в партком объяснять, что Илья не враг системы и страны, а ищущая личность. О том, что он был патриотом, говорят его литературные произведения и особенно стихи. Его отличала искренность в суждениях. Я бы сказал, даже излишняя прямолинейность. Часто эти суждения не совпадали с общепринятым мнением. Но он так думал. Они были несовместимы – Илья и мир, в который он пришел. И, когда лязгнуло железо от жесткой сшибки его с этим миром, он ушел. Навсегда. Ушел, оставив после себя собранную известным литературоведом Алексеем Казаковым, книгу «Баллада пепла». Вы можете найти ее в Сети, как и стихи Ильи.

Н.Б. Виноградов

Эскизы скульптурных композиций Учебного музея (археологической лаборатории) ЧГПУ

Палеолит. Охота на мамонта

Палеолит. Пещерное святилище

Палеолит. Загонная охота

Мезолит

Ранний железный век. Кочевники

Охотники позднего палеолита на Южном Урале

Мезолитические охотники-рыболовы Южного Урала

Мезолит Южного Урала. Деталь

Производство бронзовых предметов от руды до отливки

Ранний железный век. Кочевники степей Южного Урала

Средневековье. Воины кипчаки

В археологической лаборатории ЧГПИ

Эпиграмма, посвященная Н.Б. Виноградову

В стране большой Подвалии
Прекрасной, как Италии, –
Мы дверку на крючок,
А главное – молчок:
Пошли вы все подалее!

ВАЛЕРИЙ ЕРЕМИН

Как-то несколько лет назад меня нашел мой бывший студент и сообщил сенсационную новость. Ему удалось найти ранее неизвестные древние наскальные рисунки. Поздравив его, я поинтересовался, где это случилось? И услышав, что сенсация находится на берегу озера Серебры, в окрестностях Карабаша, сразу напрягся. Посмотрев принесенные счастливым открывателем кальки, я разочаровал его, заверив, что эти рисунки – «новодел», т.е. они созданы в наши дни.

Дело в том, что до недавнего времени в Карабаше жил необычный учитель истории Валерий Петрович Еремин. Как и другие студенты истфака ЧГПИ, Валерий Петрович в свое время прошел школу полевой археологии в институтской экспедиции, на Устье и с тех пор проникся к археологии особым почтением. Выросший сын Валерия Петровича – Егор Валерьевич, по стопам папы отправился на исторический факультет нашего университета и в нашу же археологическую лабораторию.

Помимо мастерства учителя истории Господь наделил Валерия Петровича разнообразными способностями. Одна из них – рисование – и была причиной проведения им необычных уроков на природе, в ходе которых дети на практике осваивали технологию выполнения древних рисунков на прибрежных скалах, а образный ряд этих рисунков и его обсуждение способствовали усвоению особенностей организации духовного мира наших предшественников из прошлых тысячелетий.

Валерий Петрович был руководителем экспериментальной площадки, посвященной древним наскальным рисункам в уникальной для нашей страны летней полевой школе экспериментальной археологии на озере Акакуль. В школе, где он работал, остался любовно собранный и оформленный им музей. В моем архиве сохранились несколько присланных им когда-то графических работ, перемежающихся стихами. Символично, но один из них посвящен ...Илье Банникову – родственной душе.

Валерия Петровича Еремина с нами нет. Но его рисунки и стихи «говорят» о нем, как о Человеке с тонкой организацией того, что условно именуется «Душа», большом философе.

Н.Б. Виноградов

Стихи и рисунки

Детям и руководителям, занимающимся экспериментальной археологией

Жизнь здесь недавно бурлила через край.
Кипел металл, вращался круг гончарный.
Беседа о работе под вечерний чай
О том, что замысел коварный

Не сбудется у недругов пока
Нам слышен в сердце Зов ребячий.
Закончен день – дописана строка,
И караван идет, а лай собачий

Нам безразличен – дело впереди.
Стан ткацкий уже с вечера заправлен.
Орнамент предков – он всегда в груди.
Наш план с мечтою детской сплавлен.

Родится день и мы начнем игру,
Не детскую – стремящуюся в «завтра».
Грядёт рассвет, и снова поутру
Растопим печи, глину разминая.
Рисунок неудачный не сотру –
Пусть учатся, во пращуров играя.

Друзья, поверьте наша взрослая игра
Закончится и снова повторится.
Нам будет снится древняя Югра,
Чтобы в руках и в сердце воплотится.

Жизнь здесь недавно била через край.
Мы ленты на желанья повязали.
Мой юный друг, ты жди, и верь, и знай –
Нас нити творчества связали.

Совсем один – ночная тишина.
Вы в городах, а я на кострови́ще
Потухшем, сгорблена спина.
Покинуто на время становище.

Немного грустно – светлая печаль
Беззвучной песней сердце согревает.
Над озером ночным – галактик даль
И лёгкий ветер ленты развевает...

16.08.2013 г.

Руководителям детских археологических объединений

Мы смотрим на фотографии: чёрно-белые и цветные. Какие разные детские глаза: серьёзные и озорные, умные и не очень, отважные и осторожные, влюблённые и тоскующие, обиженные и снисходительные, торжествующие и разочарованные, гневные и кроткие, просящие и дарующие, голодные и сытые, плачущие и смеющиеся.

Что же важно: фрагмент керамики, полуистлевшая кость или даже золотая гривна?

Среди них нет опустошённых и ожесточенных глаз. Вот наша главная находка.

Уелги. 2011 г.

* * *

Голос Матери – степи.
Полынь – запах вечности.
Горячий ветер – грохот колесниц.
Степная дорога – грамота босых ног.
Тёплый ливень – вкус жизни.
Радуга – радость путника.
Нетронутые курганы –
Мифотворчество сердца.

Посёлок бронзового века. Найдена небольшая скульптура. Она может показаться примитивной, но вглядимся внимательно в скрытую энергию лица, обращенного к небу. Есть в нём нечто неуловимое – восторг, восхищение, преклонение перед древними-древними небесами.

I. День сменялся ночью.
Ночь порождала день.
Катилось огненное колесо.
Шумел Океан Жизни, забыв себя
В бесчисленных существах.

Была рождена Земля –
Травы, деревья, птицы и звери
Радуясь, неосознанно трудились
Во благо жаждущих воплощения.
В сердцах спящих людей
Был заповедан знак.
Сотни поколений слышали в себе зов.
Зов их далёкой Родины.
Зов вечности.
И каждый выбирал себе путь,
Глядя с немым восхищением
В беспредельные глубины космоса.

День сменяется ночью.
Обняв колени, сидит человек.
Человек, смотрящий в звёздное небо.

II. Я родила тебя,
Я же тебя заберу
В чрево своё для того,
Чтобы ты стал вновь мной,
Чтобы ты стал травой.
Чтоб хоронил себя
Телом увядшим – собой

Жизни бушует шторм.
Ты позабудешь меня.
В море мелькающих форм
Фениксом – птицей огня,
Тысячи раз возродясь,
Нищий бродяга и князь
Слепо пройдёт сто дорог.
Твой самоткущийся рок
Перелистнёт сто страниц,
Слушаясь огненных жриц,
Станешь не зная о том,
Для своих предков отцом.

Сквозь пелену времён
Светится ткань судьбы.
Груз твоих прежних имён
Тянет в пучину борьбы.
В фантасмагорию сцен,
В круговорот бытия.
Вижу, как сладок твой плен
В бездне ликующих «Я».

Знаю, настанет век
Затхлых, больных городов.

Вижу тебя человек
Жаждущим свежих ветров.
Имя твоё – печаль.
Вечности трепетный зов.
Родина – звёздная даль,
Тайна младенческих снов.
Снится, как древний маг
Чертит в кругу огня
Четырёхрукий знак.
Слушай, мой сын, меня,
Я позову тебя
Шепотом сонных трав,
Звоном седых степей,
Криками журавлей.

1994 г.

III. Там за горизонтом – Великое Неизвестное.
Туда летят птицы, бегут звери
И даже плывут облака.
И ты торопишься туда же.
Крик никто не услышит
Вот встречный ветер и далеко-далёко
Его ждёт истосковавшаяся душа.
Отдай ладонь ветру, быть может, она
Услышит шепот взбегающего на облака.

Тело неслось по степной дороге. Босые ноги ласкал пыльный ковер. Душа летела на крыльях радостно стучащего сердца. Из сияющих глаз вылетали стремительные стрелы. Вот полетела первая – Мечта. За нею – Свобода. Третья, еще не успев оперить-ся, с ликованием обогнала и первую, и вторую – Любовь.

Вдох – Свобода, выдох – Любовь.
Вдох – Любовь, выдох – Свобода.
Свобода – Любовь – Свобода,
Любовь – Свобода – Любовь.

IV. Археология
(Слово о древности)

Археология – волнующее слово.
Я расскажу тебе, мой друг, о ней.
Прислушайся, в который раз проснулось снова
Горячее дыхание степей.

Оно сожжёт безверье нашего столетья.
Листая книгу архаических времён,
О детях солнечного бога буду петь я,
О людях не оставивших имён.

В кругах истории затерянное племя.
Сквозь пальцы ускользает тленный прах.
И, обратившись вспять, вдруг растворилось время
На погребальных жертвенных кострах.

Они ушли из жизни улыбаясь.
Под гимн сородичей про вечную весну.
Не зная страха и не сомневаясь,
Что вновь увидят солнце и луну.

Отбрось вериги современных предрассудков,
Тяжелым обручем, сжимающим твой ум.
И слушай существом свободным чутко
Лишь шепот сердца, а не битву дум.

1995 г.

V. Если ты был в пути
Странником босоногим.
Спрашивал, *как идти?*
Пыльную ленту дороги.

Купол бездонный над головой –
Синее-синее небо.
Кто я? Зачем я? Буду ль живой?
Был ли я или я не был?

В небо немое – крик души.
Наземь – разбитое тело.
Молот забвения сокрушит
Всё, что цвело и пело.

Мой современник и прачеловек –
Идол и жертва пророчеств.
Те же вопросы сквозь времени бег.
Та же пустынь одиночеств.

1996 г.

VI. Я шагну в двадцать первый век.
За плечами сума пилигрима.
В ней пергаменты Древнего Рима
И младенчество умерших рек.

Власть науки на стыке эпох
Обезличит культуры народов.
И планета устанет от родов,
Затрепещет и вырвется вздох.

Животворные связи времён
Рвутся с болью в скрежещущем мире.
Поклоненьем компьютерной лире
Голос разума будет пленён.

Не в страну технотронных чудес
Держит шаг утомленный паломник,
А к тому, кто вдруг радостно вспомнит
Песню предков про девственный лес.

И восторженно о волшебстве
С дна истории голосом зычным
В нас поёт пробуждённый язычник
О священном с природой родстве.

Заклинаю – не забывай
Пьяный запах дымящейся пашни
И в обломке разрушенной башни
Повесть древнего камня читай.

1996 г.

VII. Археология – остывшая планета.
Перенапрягшейся материи зола.
Дух, сбросивший личины в воды Лето,
В успокоенье на весах добра и зла.

Необъяснимость временных законов –
За смертью будущего прошлого рассвет.
Дыханье всеобъемлющего лона,
Беременного тысячами лет.

Немеет разум, мыслью иступлённый,
Постичь пытаясь бездну млечных вьюг.
Чело склоняет древним ужасом пленённый
На тайну мира – на замок сомкнутых рук.

Нам от рождения начертан путь скитаний
В чужих мирах неумирающих идей,
Чтоб осознать безмолвность книжных знаний
В час испытаний парусов и рей.

Порой казалось, что ладья разбилась.
Но волны Жизни собирали плот.
Боль одиночества, сомненья – всё забылось.
Там в древних скалах вновь я вижу грот.

И, разомкнувшись, прикоснулись пальцы –
На книге камня образы видны:
Волшение друида, сны непальца,
Из трещин звуки прошлого слышны.

Грядёт эпоха потрясающих открытий,
Сказавшим, знанье сердца – это вздор.
Величье мысли пробуждает символ скрытый –
Меандр ариев и трипольский узор.

1996 г.

VIII. Мы – могильные холмы спим.
Прах жертвы на кострах – чтим.
Лишь остался дым от тел, дел.
Нам века приказ судьбы пел:

– Страх смерти, зов любви, стон –
Роль вечная мужей, жен.
Сквозь жизни смотрит сфинкс вдаль,
Взгляд холоден как сталь.

В нас дремлющих небес глас.
Сказ творения миров, рас.
Знак орнамента – ответ Вед.
В круг вечности – поток лет.

Гул созвездий, поворот сфер,
Тайна будущих земных эр.
Книга жизни – каждый атом, ген.
Космос дышит в пульсе вен.

1997 г.

IX. Посвящается поэтам протогородов Василию и Сергею, трагически погибшим в экспедиции «Камбар–1995»

Та-та, та-та, та-та.
Опять вокзалы, поезда.
Та-та, та-та, та-та.
В окне вечерняя звезда

Зов сердца – камертон судьбы
Влечёт в неведомую даль.
Для всех, для каждого из нас
Поёт натруженная сталь.

Та-та, та-там, та-та, та-там
Найдётся каждому своё.
Бродяжья песнь ночным кострам.
Беседа по душам вдвоём.

Та – та, туда, та –та, туда
В ковыльный океан степей,
Где знаний скрытая руда
Забвеньем застлана людей.

По пыльному ковру дорог
Слагают песню босых ног
В страну минувших катастроф
Поэты протогородов.

1995 г.

X. Ветер странствий позвал нас в дорогу.
Мы услышали голос степи.
И команда пошла нога в ногу
И девиз наш: «В дороге не спи!».

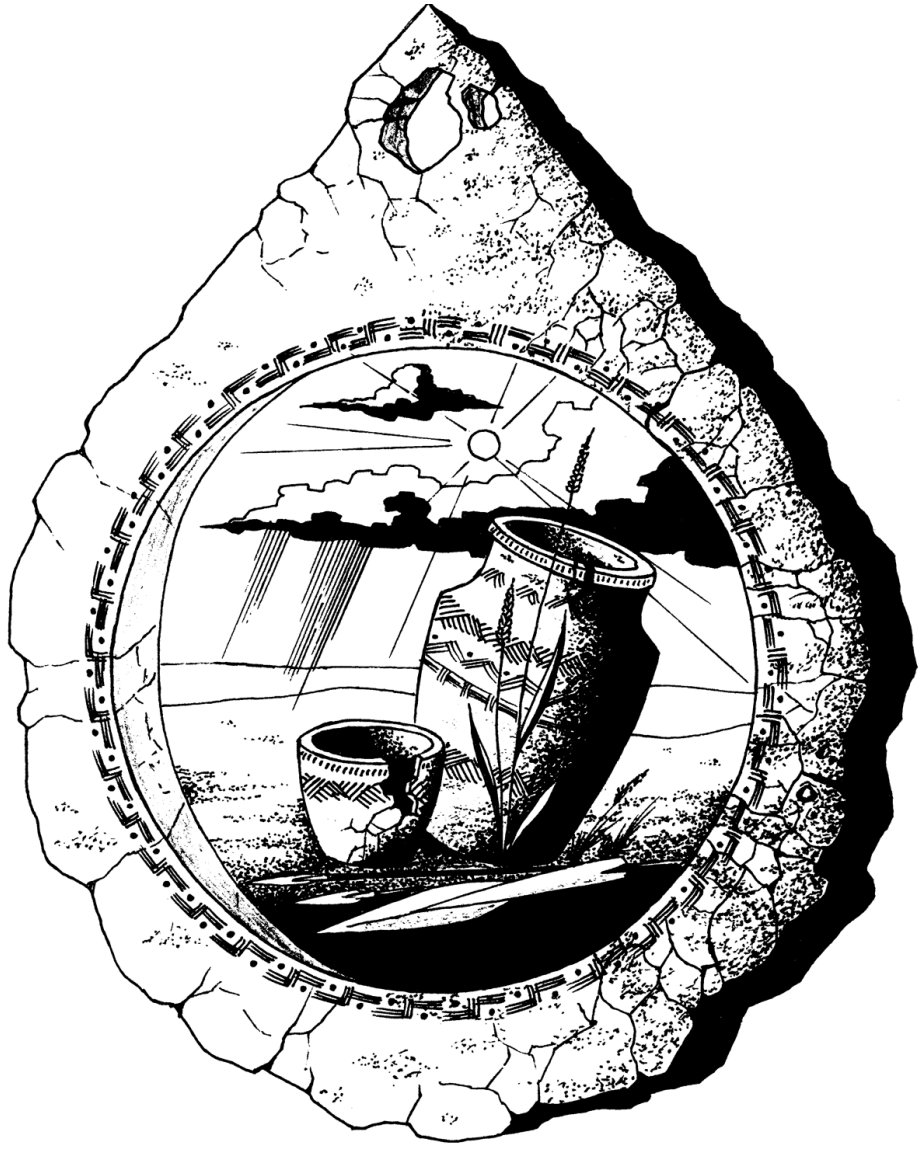
Тайна скрыта в курганном раскопе.
Пыль столетий расскажет нам быль.
Странник древний к своей «Пенелопе»
Путь держал сквозь снега и ковыль.

Кем он был, мы скоро узнаем, –
Соплеменник простой или вождь.
И загадку степи разгадаем,
О которой до нас знал лишь дождь.

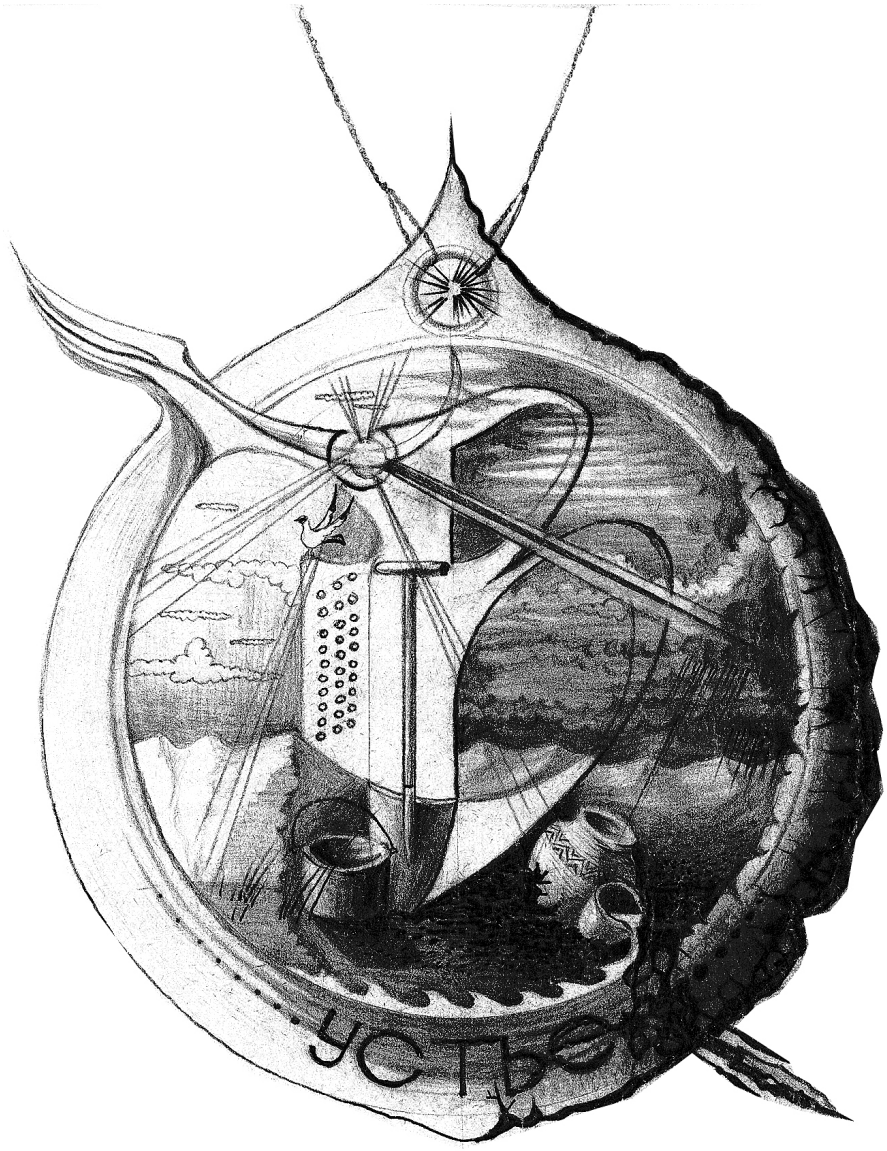
В города мы вернёмся с рассветом
И в сердцах принесём древний дар.
Он сияет воспетый поэтом,
В душах пламенный, солнечный жар.

Ветер странствий зовёт нас в дорогу.
Чутко слушаем голос степи.
И команды пошли нога в ногу
И девиз их: «В дороге не спи!».

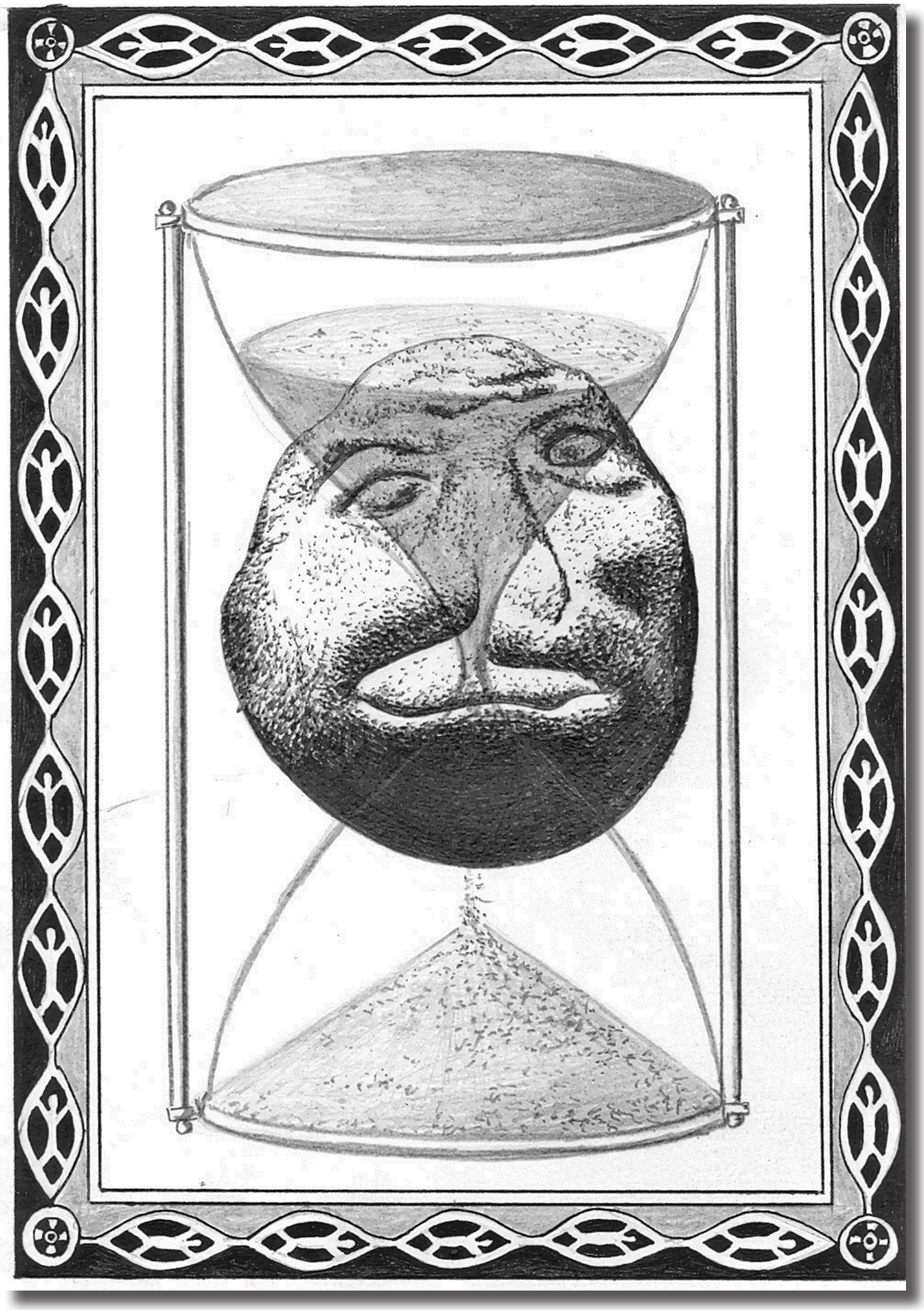
2007 г

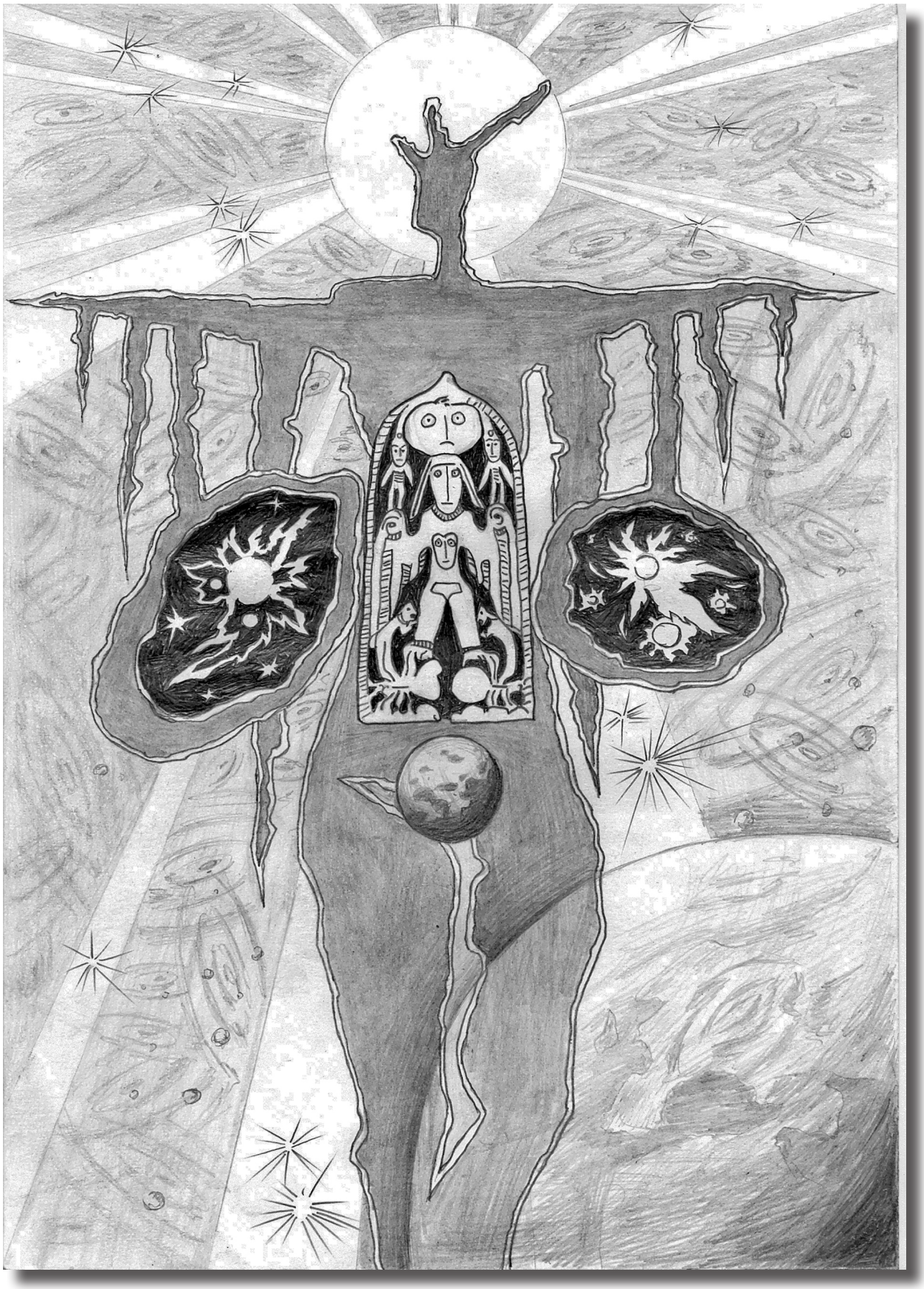


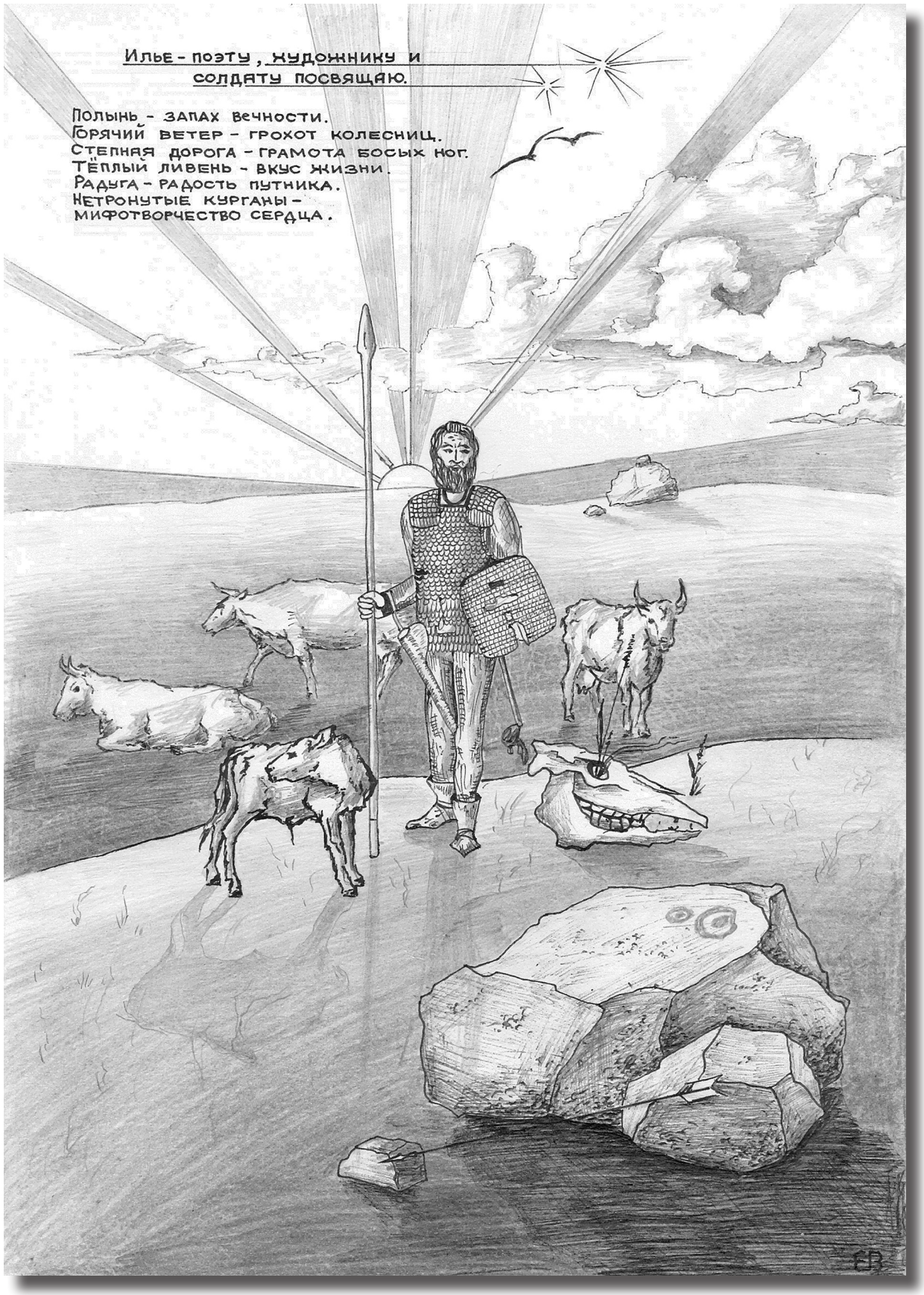
Устье



Устье. Другой взгляд






Илье - поэту, художнику и
солдату посвящаю.
Полынь - запах вечности.
Горячий ветер - грохот колесниц.
Степная дорога - грамота босых ног.
Тёплый ливень - вкус жизни.
Радуга - радость путника.
Нетронутые курганы -
мифотворчество сердца.

Мой друг, мы призваны с тобой
Чернорабочими в науку.
Одною связаны судьбой
Ты помнишь труд, я помню руку.

Мы вместе сеяли зерно.
Плечом к плечу рубились в сече
Вершили тризну под вино
Обняв сородичей за плечи.

Откуда мы пришли ~ табу.
Как нас глотал молох столетий.
Я помню бабки ворожбу.
Ты запах скошенных соцветий.

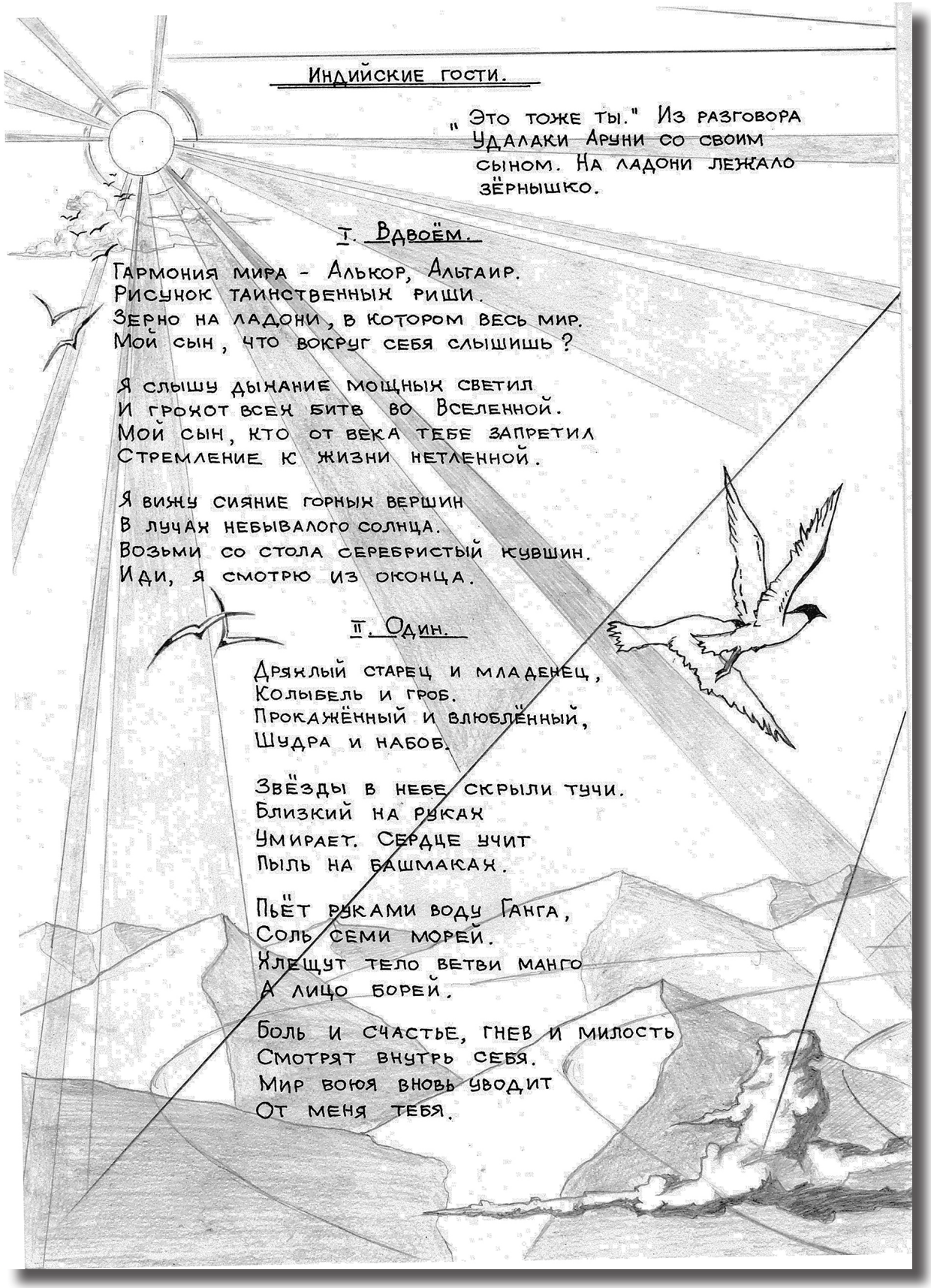
Работой тяжкой утомлён.
В раскопе - отдыха минуты.
Ты ими сладко упоён.
Я с глаз души снимаю путы.

Смотри, в пылающий закат
Трудом раздавленную руку
Поднимет древний наш собрат.
И даст нехитрую науку:

- Пусть Пламя Чрева внутрь земли.
Войдет как век от века было.
За сказку Жизни хор любви.
Благодарит тебя Светило.

1996.

(Из цикла
«Голос
Матери Степи»)



Индийские гости.

" Это тоже ты." Из разговора Удалаки Аруни со своим сыном. На ладони лежало зёрнышко.

I. Вдвоём.

Гармония мира - Алькор, Альтаир.
Рисунок таинственных риши.
Зерно на ладони, в котором весь мир.
Мой сын, что вокруг себя слышишь?

Я слышу дыхание мощных светил
И грохот всех битв во Вселенной.
Мой сын, кто от века тебе запретил
Стремление к жизни нетленной.

Я вижу сияние горных вершин
В лучах небывалого солнца.
Возьми со стола серебристый кувшин.
Иди, я смотрю из оконца.

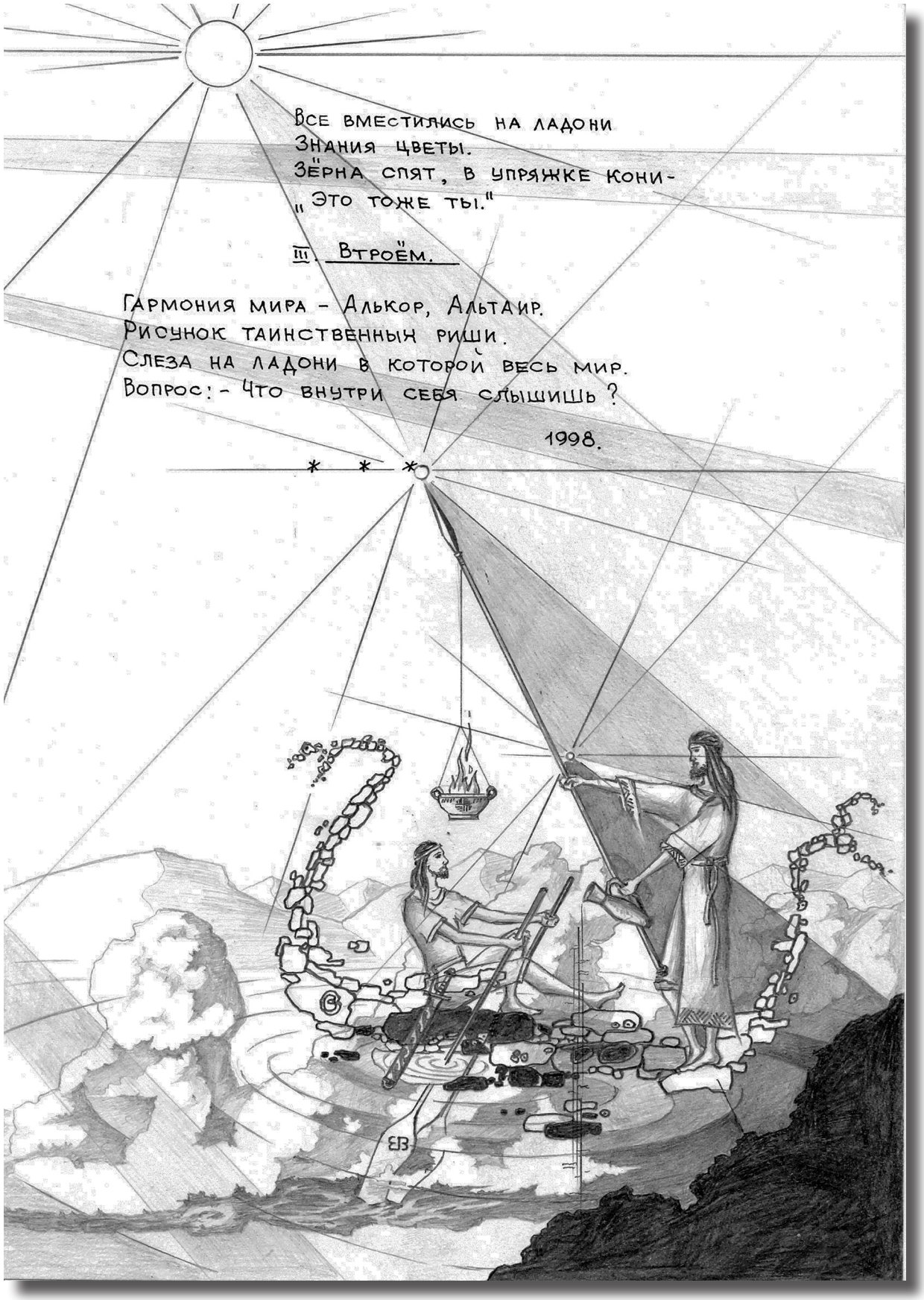
II. Один.

Дряхлый старец и младенец,
Колыбель и гроб.
Прокажённый и влюблённый,
Шудра и набоб.

Звёзды в небе скрыли тучи.
Близкий на руках
Умирает. Сердце учит
Пыль на башмаках.

Пьёт руками воду Ганга,
Соль семи морей.
Хлещут тело ветви манго
А лицо борей.

Боль и счастье, гнев и милость
Смотрят внутрь себя.
Мир воюя вновь уводит
От меня тебя.


Все вместились на ладони
Знания цветы.
Зёрна спят, в упряжке кони-
„Это тоже ты."
III. Втроём.
Гармония мира - Алькор, Альтаир.
Рисунок таинственных риши.
Слеза на ладони в которой весь мир.
Вопрос: - Что внутри себя слышишь ?
1998.
* * *

Белая бумага.
Белая стена.
Сколько трещинок в стене.
Сколько „белых пятен" на бумаге.
Безмолвный, беспредельный,
облачный океан.
Под облаками – волны, волны, волны.
Над облаками – птица.
Пожалуй нарисую.
Нет – уже улетела...

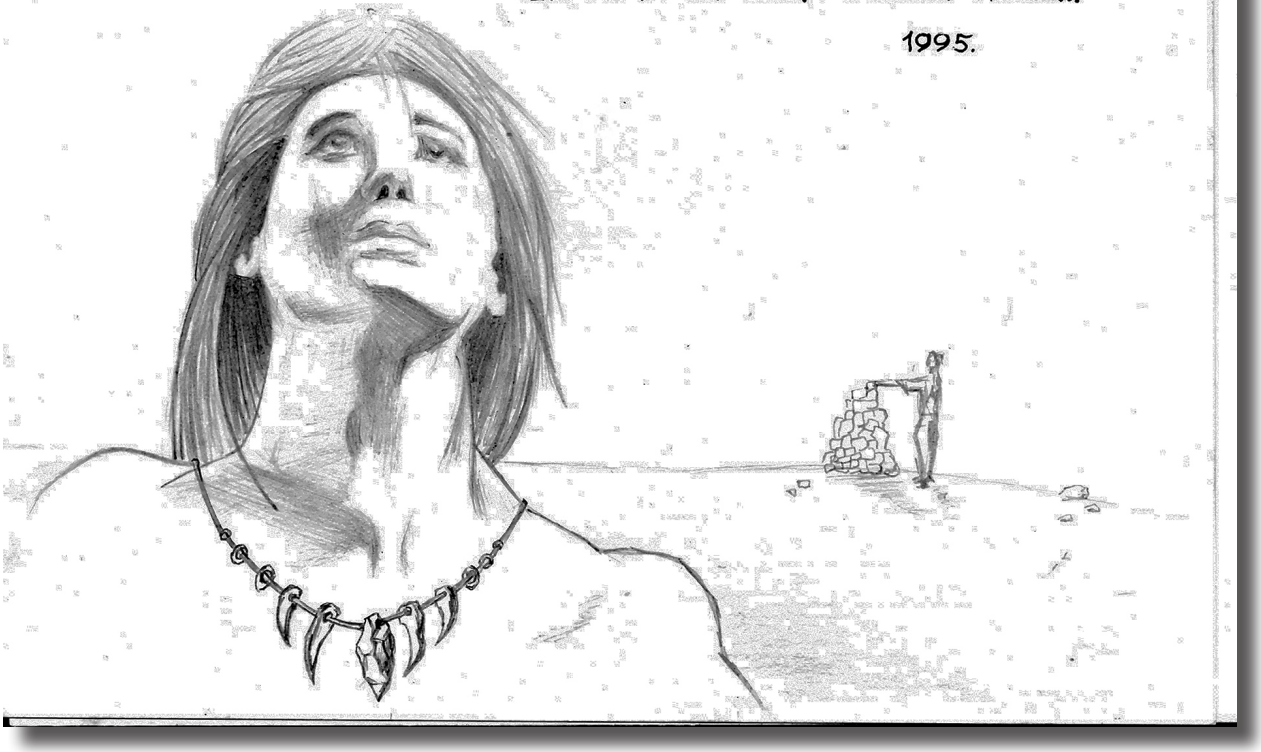
Чистый лист. Перо. Бумага.
Стаи знаков водяных.
Чистый лист – босой бродяга,
Луч любви в полях льняных.

Чистый лист – круговращенье
Мирового колеса.
Когтя злости превращенье
В свет улыбки в небеса.

Мысли, образы, виденья.
Сонмы страхов, счастья миг.
В удивительном сплетенье
Плач души и зверя крик.

Чистый лист. Рассвет. Коряга,
Речку будит птичий свист.
Над скалою древней – сага.
-Чей ты? Чьи вы? Чистый лист...

1995.



Человек на пороге.

Жить!
Жить!
Жить!
Вызов бурям бросает росток.
Жить!
Жить!
Жить!
На ветру затрепещет цветок.

Жить!
Проносится стадо оленей.
Караваны летящих птиц.
Жить!
Плывут в океане тюлени.
Громом грянет рыканье львиц.

Жить!
Жить!
Жить!
В небо птицы взовьется трель.
Жить!
Жить!
Жить!
Мать раскачивает колыбель.

Жить!
Уже человек на пороге.
Первый шаг твой-творец и палач
Выбирай на тернистой дороге.
Сад цветущий иль горестный плач.

1996.

Из цикла „Голос Матери Степи"

ОЛЕГ КОЗЛОВ

Олега Козлова влекли в археологическую лабораторию не только близкие друзья. Он с удовольствием дышал воздухом творчества, которым была наполнена вся лабораторская жизнь и талантливо пытался ее отобразить в своих литературных опытах. Оцените сами.

Н.Б. Виноградов

Записки непосвященного в археологи

Пролог

Состояние было такое, словно я не мог понять, где в моём доме стены, а где двери. Заторможено оглядываясь по сторонам, я пытался найти какие-то опознавательные знаки. Руки мои блуждали в темноте, словно в остывшей воде, и искали что-то, на что можно было бы опереться, почувствовать что-нибудь, шероховатость или гладкость, тепло или холод.

Ничего не понимая, я бродил, словно ветер в старом замке, наполненный пылью и усталым шорохом прошедших шагов, несмело засыпал в каждом углу и чувствовал такое одиночество, которое бывает только у людей, которые умирают одни далеко от дома.

Скрипя половицами, я двигался в темноте, словно ребёнок, только что научившийся ходить, которого впервые отпустили взрослые на незнакомой улице. Глаза привыкали к темноте, как зубы привыкают к холодной воде, но в них еще стоял едва уловимый, словно капли туши на тёмной жиле реки, рисунок осени на улице, и я пытался запомнить все его детали, которые ещё можно было. Но он постепенно уходил, словно вкус, словно запах знакомого человека, растворялся и исчезал. И я понимал, что больше такой осени я не увижу, той, которая входит куда-то глубоко в тебя криком умирающей птицы, сгоревшими листьями, их чёрной золой в кулаке, запахом сырого простывшего ветра, входит и остаётся, прикрыв за собой дверь.

Какой-то странный испуг прошёлся по ногам, будто я увидел танцующих покойников, и что-то толкнуло меня в плечо.

Я зажмурил и открыл глаза... палатка... ночь... рядом Вася, который переворачивается на бок и задевает меня плечом.

Я закрываю глаза. В них уходящий вдаль силуэт осени, той, которой я никогда не увижу.

Глава 1

На раскоп!

«На раскоп!» Сакральные, полные патриотического пафоса слова, как раскаты грома, как речь революционера на площади поднимали слабых с колен, и я чувствовал, как кровь начинает нестись по венам с сумасшедшей быстротой, заставляя биться студенческое сердце.

– Вере надо работать кондуктором в троллейбусе, – я открыл глаза и, щурясь, начал разглядывать полоску света, пробивающегося сквозь молнию на палатке. – Или сигнализацией в охранном агентстве.

– Ты чего не ел? – Лёха открыл молнию, напустив в палатку свет, запах ветра и кухни.

– Ничего не ел.

– Это я понял, – ответил Лёха, улыбаясь, – я спрашиваю, почему не ел?

– Ты же знаешь, что я утром не ем.

– Фигуру бережёшь? – Лёха задрал футболку и звонко похлопал ладонью по пузу.

– Просто в это время мой организм еще спит и находится в состоянии нирваны, и в нём происходят совсем иные, особенные функции...

– Иные, чем у меня?

– Чем у всех вас, смертные! Еда является для организма, когда он в этом состоянии, чем-то инородным.

– Хватит вести философскую беседу, на раскоп пошли! – Лёха взял меня за пятку и потянул на свет.

– Я противник рабского труда, и я хочу спать...

– Паразит, – Лёха засмеялся,– Пойдем, давай, копать, а то тебя Вера убьёт.

Дорога тянулась вдаль и была похожа на след пыльного драконьего хвоста. И ещё она напоминала деталь какой-то картины, только я не мог вспомнить какой, и вскоре оставил эти попытки. А дорога всё тянулась вперёд, медленно и устало, даже и не пытаясь нас запутать, зная, что мы всё равно запутаемся и будем долго стоять, оглядываясь по сторонам и дыша в унисон со степным ветром. Такие дороги знают, куда ведут, но только делают вид, что никуда.

Носилки натёрли руки, солнце поцеловало макушки всех забывших панамки, то есть почти всех поголовно, земля набилась в обувь и мешала, как крошки в постели. В общем, дорога была не скучной.

Пока тропа, покрытая трещинами и редкой, как волосы старца травой, не уезжала из-под ног, а гром и молния не преграждали нам дорогу, мы шли на раскоп и думали о прошлом и будущем. Только моё прошлое мне не хотелось вспоминать, а о будущем совсем не хотелось думать. Потому как все планы, которые строишь, – обычно рушатся, а те которые в прошлом, – уже разрушены.

Но тем не менее раскоп всё приближался, и эти «весёлые» мысли становились ни к чему. Племя раскопщиков, смуглое, отливающее жёлтой бронзой, с руками, покрытыми землёй и мозолями, глазами полными тигриной ярости и огнём золотоискателя стояло на ровно очерченных неглубоко выкопанных квадратах. И если смотреть на это с высоты птичьего полёта, то покажется, что эта небольшая шахматная доска для великанов.

Рядом с квадратами находилась зарождающаяся куча земли с немудреным названием «отвал».

Беспорядочно лежащие неподалёку лопаты, носилки и истоптанная обувь свидетельствовали о текущей здесь работе. Солнце нещадно палило, облизывало раскаленным языком спины, ветер лишь изредка напоминал о себе, а я мысленно представлял, какой величины будет этот отвал к концу практики.

Лопаты в наших руках казались мечами-кладенцами или световым оружием рыцарей Джедаев из «Звёздных войн», тощие спины автоматически выпрямлялись, лица становились сосредоточенными и одухотворёнными или, по крайней мере, должны были такими становиться.

Работа началась. В первую же секунду я порвал трассер своими бутсами сорок шестого размера (на ноге сорок третьего), насыпал кому-то земли в ботинок, в общем, проявил себя со своей обычной стороны – дезорганизовывал всех, сеял хаос и смуту дурацкими анекдотами, шутками и прочей ерундой. Но счастье не могло длиться вечно и вскоре пришлось начать работать «мышцами».

Народ начинал жариться, их глаза начинали мутнеть, руки становились похожими на пустые рукава, плечи покрывались весьма опасным румянцем. Мало того все, кто был рядом, смотрели на меня глазами, полными вселенского удивления, и спрашивали, как в такую жару я могу ходить в чёрном.

Ну, как им объяснить? Я же не спрашиваю, почему у них два уха.

Но жара не должна вселять в нас страх перед работой, ослабляя наш организм и моральный дух, который был воспитан утренними походами в детский сад в далёком (или недалёком) прошлом.

Мне доверили носилки. Высота отвала чуть увеличилась, и ноги погружались в него, как в зыбучие пески, горячие и бездонные. Бывшие носильщики кривили мордами, жаловались на нежность кожи на пятках, тяжёлое детство, аппендициты и радикулиты, смотрели на всех глазами жирного козодоя (это такая птица), и, когда мы приняли у них носилки, они были счастливы и радовались, как школьники радуются отмене уроков.

Но меня не смущало положение носильщика, просто было очень жарко, отчего хотелось вывалить себе за шиворот грузовик мороженого.

Но во всей этой работе была какая-то особая эстетика, дело было не в махании лопатами и таскании носилок, эта работа была живая, интересная, целенаправленная, а колорит степных просторов и естественная свобода придавали ей некую романтическую окраску.

Я редко видел такую позитивную физическую работу в соавторстве с созидательным умственным трудом (внимание: умная фраза!). Я называю это работой и трудом, не потому что это скучно и изматывающее, не потому, что мы тянули лямку, а потому, что результата без труда не бывает.

Одно дело, когда ты читаешь, смотришь что-то на картинках в потёртых книгах, а другое дело, когда ты это только что сам вынул из земли, оно лежит у тебя в руках, ты дышишь этим, держишь словно ребёнка или бережёшь, словно сон любимой девушки, чтобы не потревожить, не сдвинуть с места. Когда сдуваешь пылинки, но не так, как с новых ботинок, надев их в первый раз, а как к тому, ради чего ты потратил силы и время, отдал этому любовь и нежность, не жалеешь потерянного, а радуешься за приобретённое.

Глава 2

Река

Это была река. Ветер гнал с неё капли и горячий песок нам в лицо. На пригорке возле берега находилась гордость всего лагеря – душевая, Мать Цивилизованного Помыва. Правда цивилизация здесь была весьма условная, воду набирали вёдрами в бак сверху, из которого она собственно и лилась на необходимые части тела. Но девушки от этого сервиса были в восторге и часами мылись там, посылая нас в качестве гонцов за водой в реку. Нам необходимо было зайти в воду, нырнуть и набрать воды. Тазик тянул вниз на дно, как камень утопленника, и мы барахтались в воде, решая, что же спасти – свою жизнь или таз с водой.

Но это была Река. С дикими воплями мы летели в эту реку, бросая свои тела в её тело. Брызги осколками мутного хрусталя летели во все стороны и плавились в воздухе, волны кидали нас, как игрушечные корабли из старых газет, и мы, раскидывая руки и ноги, ощущали это счастье. Реку можно было легко переплыть, что мы и делали, ныряя и собирая носами песок со дна, оставляя взамен тяжесть, усталость и боль на этом дне.

Мы выходили из воды как аполлоны, как тридцать три богатыря. Постукивая зубами, мы хватали себя за плечи, пачкая ноги колючим песком, садились на корточки и смотрели вперёд.

Словно лёд в стакане с горячим чаем, мы плавились, оставляя себя в кипятке, и вот через секунду нас уже нет, а чай всё равно горячий. Вода исчезала с плеч, осыпаясь невидимым пеплом, словно птица вспорхнула с них, задев крылом раскалённую

кожу. Усталость и сонливость накрывали нас своим капюшоном, головы свешивалась то вниз, то набок, словно держались на верёвочной шее, и глаза закрывались сами.

Саня Лазарев, прижимая к голове почти дымящуюся панамку, пытался удержать себя в горизонтальном положении и идти вперёд к лагерю. Костя Васильев, изрыгая ругательства на татарском и башкирском языках, благо общение с Раисом Ахуновым не прошло даром, тащил в обеих руках лопаты, и мне казалось, что я вижу, как вскипает его кровь. Вася и Лёха были похожи на два свежеиспечённых пирога, а щеки их были цвета чуть разбавленного томатного сока. Макс Колдаев периодически трогал свою спину руками и жалобно шипел. Гоша Дюрдеев единственный шел более бодрой походкой, но на спине его можно было смело жарить яичницу, а макушка вполне могла заменить газовую плитку. Но этот было счастье, усталость и нытье мышц было невыносимо приятным.

– Хорошо,– сказал я.

– Да, здорово! – Вася устал не меньше меня и потому был также немногословен, но мы вполне понимали друг друга. – Сейчас спать буду.

– Да, сейчас поспать, да с плеером,– вздохнул я. – Только он дома.

– Ничего, как-нибудь продержишься,– ответил Макс.

– Ну, если ты мне ночью серенады будешь петь, тогда может быть.

– А чё, я и спою,– Макс засмеялся,– даже сыграю тебе на банке с тушёнкой.

– Ты тушёнку мне оставь, а сыграй на чём-нибудь другом.

– На сгущенке,– ответил Макс.

– На пустой...

Слова унеслись далеко в небо, и мы подошли к лагерю. С кухни пахло едой и суетой, голова была чиста и ясна. Я обернулся назад и попытался почувствовать на лице едва долетающие капли.

Это была Река...

Глава 3

Гол как сокол

Музыка объединяет всех, кроме соседей.

К.С. Мелихан

«Я гол как сокол»,– сказал я, когда вспомнил о том, что забыл именно то, о чём усиленно пытался не забыть перед поездкой. И я отчётливо понимал весь ужас того, что произошло.

– Мне здесь не выжить. Как я мог забыть? Я удивился бы меньше, если бы забыл свою фамилию. Но забыть плеер...

Существуют различные фобии: клаустрофобии, агорафобии и мании: клептомании, мании преследования, боязнь темноты. Моя же болезнь это то, что я не могу выдержать отсутствие музыки даже несколько дней. Если этот срок увеличивается, то у меня начинается кошмар. Этот синдром приобрёл у меня серьёзную форму, почти медицинскую. Один мой знакомый сказал, что если меня поймают шпионы и начнут пытать физически, то я им не выдам никакие секреты, но если они оставят меня без музыки недельки две... На что я ему ответил, что я столько неделек не выдержу и издохну, как «кадавр, полностью неудовлетворенный», из книги Стругацких.

Теперь никакая жара была не страшна, потому что я похолодел от ужаса, моя спина была как айсберг. Отсутствие музыки для меня было страшнее любой акклиматизации. Через неделю сила моя утечет, как вода в раковину, я стану слабеть, подобно людям, которых укусил вампир и по ночам медленно попивает их кровь.

Глава 4

Бессонница

У тех, кто видит сны, бессонные ночи.
Станислав Ежи Лец

...Железные ветры, птицы с жестяными крыльями и оловянными глазами, дожди, разъедающие камни. Молчание воды, холод земли, дороги в тупик, горькая ржавая соль – это всё, что останется.

Там, на берегу старой реки, стою и смотрю на летающих птиц, разрезающих крыльями небо, оставляющих воздушные швы, метущих хвостами берег, оставляя сухие мозоли. Я смотрел на невидимые рисунки, которые они оставляли, пытался прочитать их письма, перья цвета мутной стали и грязи падали на воду и плыли, словно маленькие сгоревшие лодки.

Мне показалось, что где-то у дальнего края плывет корабль.

Корабль било о скалы и матросы, словно спичечные куклы, падали в воду и тонули, погребённые под останками корабля.

Но потом настала Тишина, что накрыла своим одеялом весь мир и наступила минута молчания длиною в вечность. Старые ветры остановили молодых и приняли на себя холодные удары моря и то горе, от которого холод на спине и огонь в сердце.

Теперь ветры запели свои молитвы, свои погребальные песни, шепча имена новых вечных жителей моря...

-Да что же это такое! – я резко открыл глаза, словно распахнул ставни. – Ничего не понимаю.

Я приподнялся на локтях, вытащил ноги из спального мешка и вылез из палатки. В воздухе пахло ночью. Это особый запах, непонятный.

Запах одеколона начинает пахнуть по-особому, именно так, как ты хочешь, когда он выветрится, смешается с телом, с сотней других твоих запахов. Ночью запах чувствуешь, чуть ли не кожей, но только внутренней. Он неуловимый, словно игра молодой тени и солнечного зайчика, словно утренний сон, который исчезает и забывается после первого твоего слова.

Я присел на дерево, чувствуя голой спиной его холодную и грубую кожу. Ненадолго закрыл глаза. В палатке глухо дышали ребята, переваливаясь с боку на бок, шелестя пакетами в ногах. Интересно, что им сейчас снится? Ветер летел низко, задевая щекой степную траву, я смотрел на луну песочного цвета. Где-то вдалеке горели какие-то огни. На их фоне раскоп был хорошо виден во всех подробностях. Видны были все линии и неровности, и, казалось, присмотревшись, можно было увидеть следы от лопат и голых ступней.

В лагере кто-то прошёл, задев ногой кусты. Луна посмотрела на меня своим липким жёлтым взглядом. Я тоже посмотрел на неё так, как смотрят на проходящую мимо незнакомую красивую девушку.

Я вдохнул ещё раз глубоко, как мог, и вернулся в палатку. Завтра предстоял ещё день в моём календаре.

А луна всё ещё смотрела на лагерь своим жёлтым взглядом и улыбалась уголком рта.

Глава 5

Боги столовой

Повар Саня с лицом, полным жизненного неудовлетворения и презрения размешивал кашу в огромном чане, стоящем на костре. Я сел рядом, стараясь не задевать его, чтобы в порыве гнева он не утопил меня в каше, так как его идея быть поваром казалась ему не совсем удачной, вроде идеи плыть на «Титанике». Но его самолюбие немного утешало то, что он повар, а значит, мы все в его всемогущих руках. На кухне он метал молнии, размахивал поварёшкой, грозился сжечь на костре и заморить голодом. Интересно было бы узнать, в какой последовательности.

Каждое утро Саня вставал раньше всех, когда синеватое утро начинает расползаться сверху вниз по степи, ёжился от собственного холода, обдавая свои босые ноги мутной росой и, словно в отместку уходящему теплу, залезал случайно высунувшемуся из палатки мокрой рукой под одежду. Затем Саня готовил еду и начинал бить в крышку от чана с дикими глазами, кричал «подъём» и «завтрак», принимая на себя всю нашу утреннюю неблагодарность. Мы выползали из палаток, как тараканы из кухонных углов после свирепого травления «Дихлофосом», плелись к умывальнику, поливая себя ледяной водой, отдавая ей бережно накопленное в палатке тепло, и принимали от неё безапелляционную утреннюю бодрость.

Сегодня я был назначен дежурным вместе с Костей Васильевым.

Утро, как всегда, казалось мутным и холодным, и я сразу вспомнил, как в детстве меня вели в детский сад, а где-то впереди в мутной серой темноте горели дьявольские огни детского сада.

Мы с Костей развели костёр (я не мог не порадоваться сочетанию слова «костёр» и имени Костя), затем поставили на него внушительный бак с водой, в котором мог бы поместиться не один Иван-дурак из сказки «Конёк-горбунок», когда варился в молоке и кипятке. На что я заметил Косте:

– Зачем тратить деньжищи на сеть всяких косметических салонов, домов красоты, клиник пластической хирургии, когда Ершов в сказке предложил такой простой и экономичный способ стать молодым?

Костя засмеялся, поглядел на воду и решил предложить кому-нибудь быть первопроходцем в этом деле, но я чувствовал, что желающих будет немного.

Затем, наблюдая за кипящим варевом, мы разбирали лингвистические достоинства слова «нивелир».

Огонь потрескивал, словно по-своему смеялся. Я посмотрел на часы. Показалось, что цифры проснувшись и, немного испугавшись меня, побежали быстрей.

– Костя, тебе никогда не казалось, что часы очень глупое изобретение? Люди зачем-то придумали мерить время часами и минутами, тем самым ограничив себя и сделав этот мир несовершенным.

Костя посмотрел на меня очень странными глазами, пожал плечами и сказал:

– Скажи это сахемам. Прямо всю эту философскую пургу на них и вывали. Про часы особенно.

– Да, и Вере скажу, что копать сегодня не буду, а пойду в палатку предаваться метафизическим думам.

Костёр начал засыпать. Мы отправились за дровами в лес, наполняя себя запахами и звуками чащи. Костя, этакий Сусанин в голубой панамке, шёл впереди меня, взвалив увесистую охапку.

Костёр ожил, после пущенных ему в жертву дров, закряхтел, заскрипел суставами. Стало теплей.

Утро начинало просыпаться. И время совсем не хотелось мерить часами.

Глава 6

Суета вокруг костра

Обычно, когда я почтенно садился на колени перед костром, преклоняясь перед его могуществом, он, как правило, ценил моё уважение к нему и был благосклонен, но один случай всё же вывел меня из равновесия.

Утро не предвещало беды. Вода была всё также холодна, ветер всё так же зорок и юрок.

Я разжигаю костёр. Не горит. Дрова сухие, как попки младенцев в рекламе подгузников. Разжигаю опять. Дымит (издевается), но не горит. Шипит, как воздух из шланга (паразит), но огня не показывает. Не скажу, что я обладатель нордического характера, потому терпение моё начало подавать звуки несмазанного колеса.

Впечатление такое, что существует определённо установленная жизненная схема, и вот костёр сегодня в неё не попадал. Я сел и начал придумывать теории и концепции по этому поводу (ну я же без этого не могу; вместо того, чтобы дальше заниматься делом, мне нужно какие-нибудь концепции придумать).

Если предположить определённую совокупность костров, которые должны в любом конечном случае зажигаться, то возможно ли, что один случай выбьется из этой идеализированной совокупности?

Но в математических концепциях я никогда не был силён (к счастью!), на уроках математики я сидел за последней партой, исписывал деревянную линейку логотипами любимых групп, писал стихи на последних страницах, рисовал на полях и рассказывал девушкам, которые сидели рядом, анекдоты, если таковые имелись (в смысле девушки, а не анекдоты).

Тогда я подумал, что это похоже на какой-то эксперимент, который проводит надо мной кто-то хитрый сверху и смотрит на мою реакцию.

Так я сидел с исступлённым лицом, пока не подошёл повар Саня и не сказал мне примерно следующее:

– Какого чёрта ты тут сидишь, и у тебя костёр ещё не горит!!! Видишь, все уже плетутся на кухню!? А ну быстро мне разжёг, а то я тебе сейчас половником по затылку врежу!

Костёр после этого зажегся с первого раза.

Глава 7

Последний сон, последние дни

Солнце садилось. Его хитрый красно-жёлтый глаз щурился и прятался за горку. Нас клонило в сон, ребята лежали в палатках и не хотели покидать их. Я закрыл глаза и начал засыпать. Последнее, что я видел – это красное небо и уходящее солнце.

На солнце я видел следы огненных духов, что бегут, запрокинув косматые лбы, в их ладонях цветы, как костры, цвета алой зари и ртов, раздувающих угли. В их глазах, словно кровь мускулистых вулканов, закипает свобода и спешит через край убежать, покидая золотые зрачки. Под напором огня, когда пятки покрыты золой, я бегу вслед за ними, слишком ясно поняв, что назад не вернусь.

И глаза тебя тянут назад, только кровь всё бежит и бежит.

Небесный колчан переполнен серебряными стрелами молний. Я пройдусь по ветрам, рассекая их сплетёнными косами, стальные отблески обветренных рассветных ворон кружат над рекой, я разбрызгаю кипящую кровь на дома желтоглазых племён, заплету кружева из ресниц темнокрылых чащоб, а потом, словно волк, по колено в горящей пыли, залечу ожоги землёй и травой, глотнувшей дождя. А на утро, сидя на выступе старой скалы, буду молча глядеть на рубцы, похожие на морщины потерянных деревом листьев и следы от монгольской стрелы. И рассвет, чей загар, словно рыжая смоль, будет трогать кожу сухими, как камни, руками. И глаза, отражая огонь, словно горечь степей, будут сверху смотреть на священные реки земли, что бегут табунами в тугие моря, словно вены земли к её беспокойному сердцу...

Кто-то дёрнул меня за плечо, ноги машинально поплелись к нашей палатке, в которой уже спали ребята и во сне говорили про раскоп. Я снова упал в сон.

...Я стоял на раскопе. Мои руки нащупали землю, и трещины на земле совпали с линиями жизни на ладонях.

Сквозь трещины по ним потекла вода, словно маленькие холодные руки младенца берут твою. Я посмотрел на ладони: не может быть, линии жизни размыло! Их не было, они стекали, как отпечатки пальцев со стекла под дождём. Я ничего не мог понять, только застывшими глазами смотрел на руки. Я поднял глаза и посмотрел вперёд. Казалось, что чего-то не хватает... Не было дороги. Совсем. А вдалеке горели всё те же огни, горели и смотрели мне в глаза. Ветер доносил какие-то звуки. Их было не разобрать, но они были тревожными, как будто за горизонтом идет война. Но ветер был совсем другой, он манил и звал, он не был ветром гари и копоти, это был ветер совсем не отсюда, запах его был совсем не такой, какой здесь в степях. Я почему-то обернулся по сторонам, начал вспоминать что-то из прошлого. В голове вертелись обрывки слов, музыки, звуков барабана, шелест воды, звон стекла....

Я перевернулся на бок. Проснулся. Посмотрел в потолок палатки. Снова заснул.

Наконец меня разбудил Лёха и сказал, что уже пора ехать. Машина стояла у палатки, и родители Лёхи с Васей загружали вещи. Я посмотрел на ладони и потрогал их. Они были холодные и пахли землёй. Я встал, немного суматошно помог собрать палатку, и мы сели в машину. Все было как-то рефлекторно, автоматически. Руки сами что-то перебирали и складывали, ноги переминались с правой на левую, голова поворачивалась к сторонам света.

Машина тронулась и поехала, а у меня было всё то же странное ощущение, что кто-то наблюдает за мной и тихонько трогает за плечо, а ветер всё так же доносит эти непонятные, но знакомые звуки.

Только сейчас я понял, что это за звуки. Это звуки осени, которую я всё же увидел.

Осень 2004

Примечание 2004

Все пафосные сновидения, всяческие лирические отступления не несут в себе никакого негатива, не призывают к декадансу, не культивируют депрессию, не показывают бренность и тленность бытия. Самое главное, что они не имеют ничего общего с какими-либо страданиями, связанными с раскопом, которых и в помине не было. В общем, не воспринимайте всё это как жалобы на жизнь, судьбу и прочее, а хотя... воспринимайте всё же, как хотите, пусть это будет некий читательский вымысел, но не заходите слишком далеко – «если долго смотреть в бездну, бездна начинает смотреть в тебя», за сим прощаюсь и желаю здравствовать.

Примечание 2014

Перечитал через 10 лет. Вообще, странную я штуку написал, искреннюю и эмоциональную, но я совершенно не представляю, как её в здравом уме можно будет читать. Очень много нагромождения. Похоже на прустовский поток сознания, вышедший из-под пера малолетнего романтика.

Примечание 2019

Перечитал через 10 лет. Пафосный школьник, фанат деепричастных оборотов, которому не хватает чувства меры и собранности в выражении собственных чувств, которые, как и принято юному возрасту, кажутся ему центром вселенной. Но надо отдать ему должное: несмотря на чудовищную гипертрофию всего, что движется и не движется, атмосфера в написанном имеется, да и степные картинки перед глазами замелькали, хотя сейчас я уже точно понимаю, что земля и работа на земле – не моя стихия. Но в любом случае, Николаю Борисовичу Виноградову большое спасибо. Раскопки – это одно из важнейших событий в моей студенческой жизни.

ЮРИЙ ШМЕЛЕВ

Судьба свела нас в 1990-х. Однажды к нам в лабораторский подвал заглянул новый общежитский электрик. Мужчина пенсионного возраста с ясными внимательными глазами оказался инженером-конструктором местного, «почившего» в смутное время радиозавода, Юрием Васильевичем Шмелевым, вышедшим на пенсию и нашедшим дополнительный приработок рядом с домом.

Он, как и я, был жаден до нового знания, и мы быстро ощутили родственность душ. Постепенно выяснилось, что инженер-конструктор еще и самодеятельный художник. После визита в его квартиру, увешанную живописными полотнами, у меня созрела идея – создать для детей и учителей истории серию картин, отражающих жизнь древних людей в наших местах. Причем, с одним важным условием: в образах конкретной картины должны найти отражение важнейшие черты периода древней истории, которому эта картина посвящена.

Реализации идеи способствовал тогдашний ректор университета Александр Филиппович Аменд. Именно он предложил мне создать концепцию оформления второго этажа главного корпуса. Я выбрал тему «Краеведение». Центральной частью этого проекта и стала серия живописных полотен, выполненных Ю.В. Шмелевым и равномерно распределенных по стенам коридора второго этажа. Студенты и преподаватели тех лет хорошо их помнят.

Потом у Ю.В. Шмелева были плодотворные отношения с областным краеведческим музеем, районным музеем Верхнеуральского района. Но это случилось позднее. А пока он остается единственным живописцем на Южном Урале, проявившим интерес к теме древней истории края.

Юрий Васильевич жадно поглощал содержание стопок книг из моей библиотеки. Это было частью фундаментальной подготовки автора к реализации проекта.

Так появилась картина жизни средневековых башкир в горах Южного Урала. На ней чудесным образом соединились тайны сборки башкирской юрты и способ доения кобылиц, ловли коней арканом, привычки езды верхом и многое прочее. Можно только гадать, сколько книг было пересмотрено в поисках нужных деталей сюжета!

Создание картины, посвященной образу жизни южноуральцев древнего каменного века способствовала удивительная статья известных ученых: археолога В.Т. Петрина и археозоолога Н.Г. Смирнова. В ней содержалась прямо-таки литературно сильная реконструкция загонной охоты на диких уральских лошадей, с которой, по мнению авторов, была связана скала рядом с Зотинским I гротом, где были найдены в изобилии кости животных этого времени.

Для того чтобы создать полотно с реконструкцией Иткульского I городища раннего железного века, художник предпринял целое путешествие на берег озера Иткуль, где набросал к картине эскиз вмещающего эпизод ландшафта, который мало изменился за 2500 лет.

Точно так же поступил он и начав работать над картиной «Образ жизни неолитических обитателей нашего края» на основе святилища с наскальными рисунками в урочище «Каменные палатки» на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки. Археология древних предков манси и этнография народа манси дала художнику яркие материалы.

Картины о жизни древних и средневековых южноуральцев Ю.В. Шмелева активно используются авторами разнообразных учебных пособий, энциклопедий, музейными работниками. Будут ли помнить его самого южноуральцы в будущем? Большой вопрос.

Н.Б. Виноградов

Картины художника

Ю. Шмелев. Загонная охота в палеолите на Южном Урале

Ю. Шмелев. Обобщенный образ каменного века на примере святилища на оз. Большие Аллаки

Ю. Шмелев. У Иткульского Большого городища раннего железного века

Ю. Шмелев. Башкирское кочевье в горах Южного Урала

ТВОРЧЕСТВО НЕИЗВЕСТНЫХ «ЛАБОРАТОРЦЕВ»

Стихотворение по случаю полувекового юбилея Владимира Петровича Костюкова

Однажды Петрович отметил полвека...
Гостей набежало – со счету б не сбиться.
Подарки, цветы, пожеланья успеха...
И с речью к гостям он решил обратиться.

Весь день я на кухне провел в размышленьи.
Душа моя билась о камни-препоны:
Духовка, шумовка, сациви и соус?
Зубровка, коньяк и грибы шампиньоны?

Я прожил полжизни, прошел полдороги.
Я видел закаты и видел рожденья.
И понял Державина мудрые строки,
Что все на Земле ожидает забвенье.

Но жизнь велика – мы уходим все дальше...
И не было в жизни моей повторенья.
И хочется просто, без лести и фальши
Поздравить всех вас с моим днем рожденья!

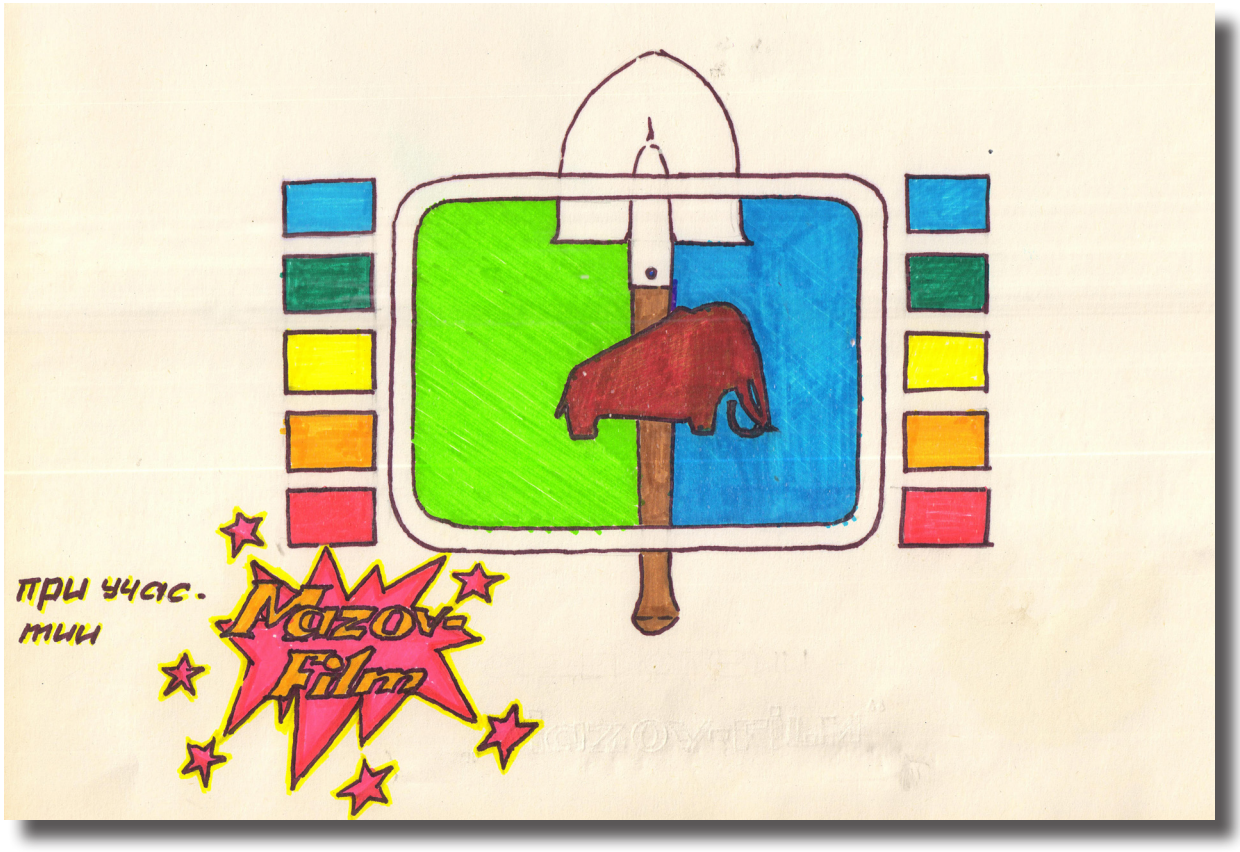
P.S.
Своим наблюденьем хочу поделиться,
Что мысли полет разгружает вагоны,
Чтоб в жизни всегда мы могли удивиться:
– Духовка и соус?!
– Коньяк, шампиньоны!!!

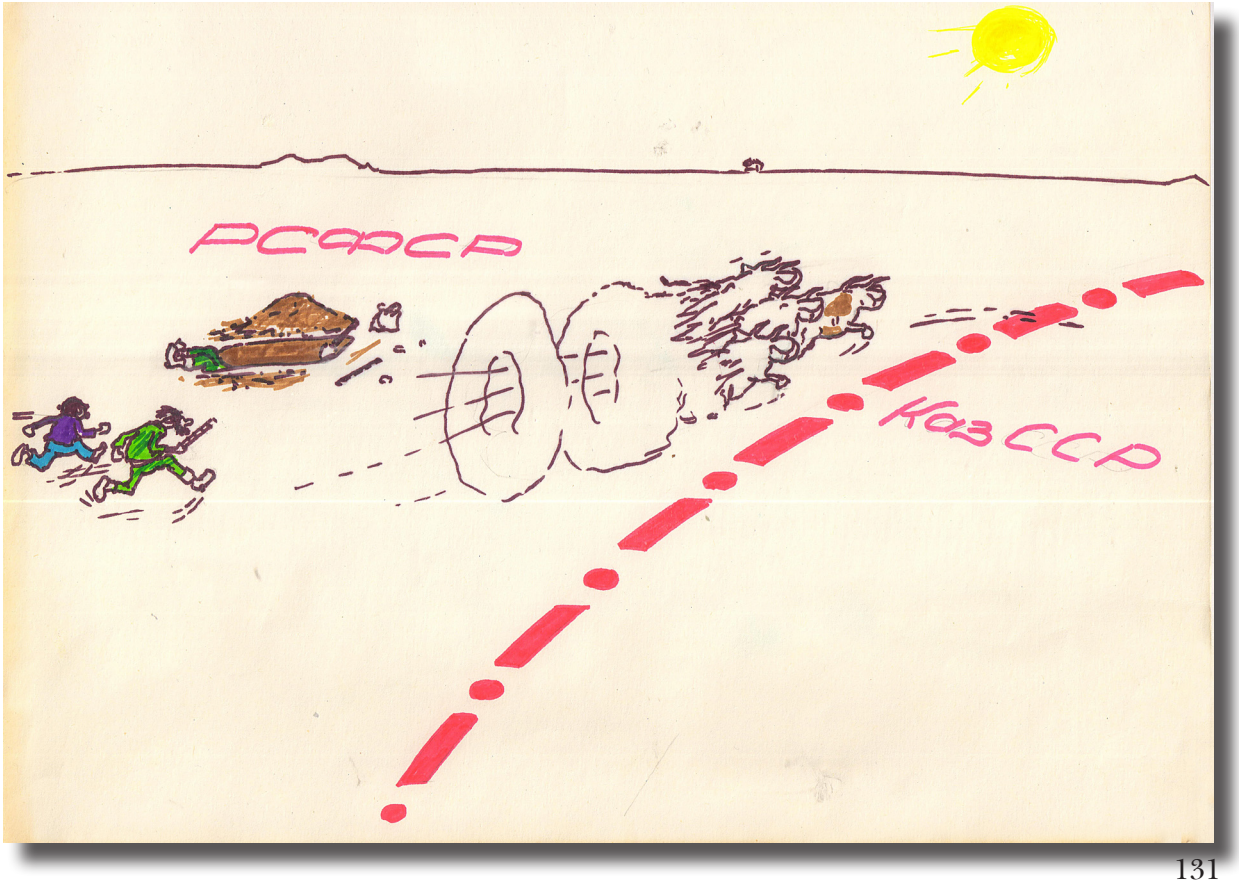
Рисунки неизвестных «лабораторцев»

Неизвестный автор – Вадику Булдашову

Неизвестный автор – Оле Шевченко

Великая кража. Фрагмент киноэпопеи
Сценарист неизвестен




РСФСР
Каз ССР

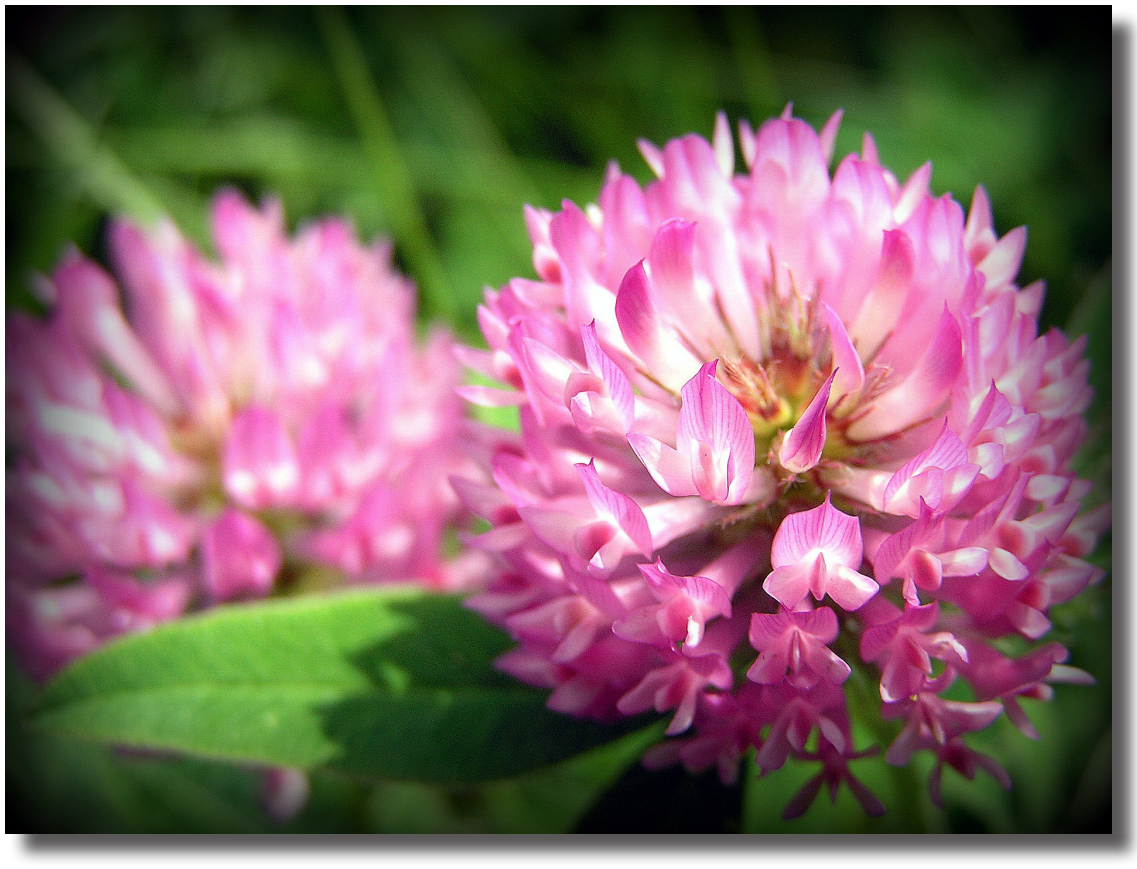
СИМВОЛИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ, СОЗДАННАЯ «ЛАБОРАТОРЦАМИ»

(из архива С.В. Маркова)

Семинар юных археологов «Бронзовый век».
Март 1989 года. Автор Ринат Гимадиев

Значок XXIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Челябинск. 1991 год

ФОТОТВОРЧЕСТВО Н.Б. ВИНОГРАДОВА и Н.Н. ПАШКОВОЙ

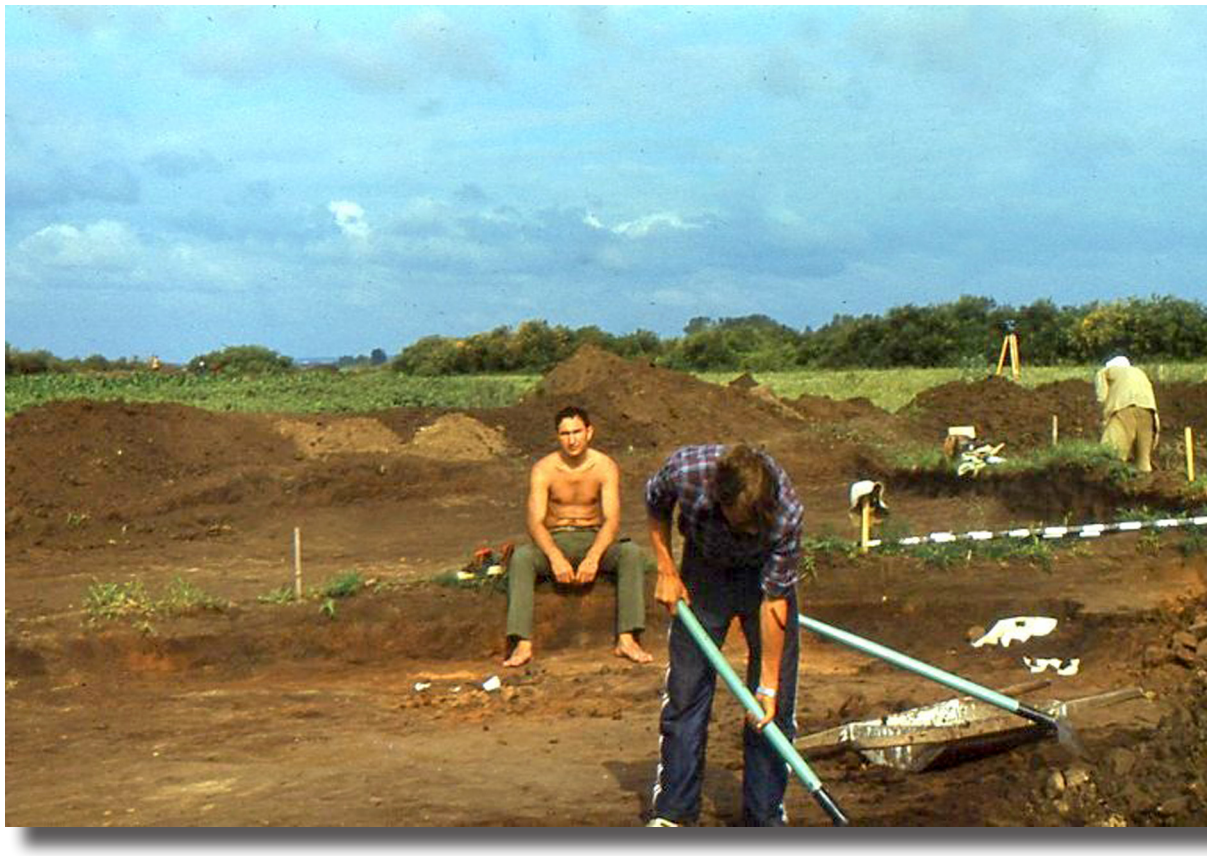


Лагерь археологов на Сергеевском водохранилище. 1977 год

День Нептуна на р. Караталы-Аят. 1978 год

Раскопки поселения Кулевчи III. 1978 год

Каменный Амбар. Детский праздник



Могильник Кривое Озеро. Сережа Мазов и вечные проблемы

Курган Бабий Бугор. РЖВ. Курганская область

В разведке по Шадринскому району Курганской области

Микрорайон Система. Сахемы

Наши на Системе

Каменный Амбар. Вода приехала

Кривое Озеро. И не скажем, и не признаемся!

Салават Баязитов и Юра Коляскин на раскопках Устья

Устье. 1985 год

Могильник Рассвет. 2005 год. Лабораторцы

Большая Березовая Гора. Летняя эколого-гуманитарная школа 2006 года

Могильник Александро-Невский. 2008 год

И.П. Алаева со студентами-археологами. 2012 год
Поселение Чебаркуль III

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со времени основания лаборатории, с лета далекого 1974 года, прошли долгие четыре с половиной десятилетия. Изменились не только мы – в количестве, да и в качестве. История нашей лаборатории как уникального студенческого сообщества осталась, пожалуй, только в нашей памяти, в памяти непосредственных участников этих событий. С нами она и канет навсегда в прошлое. Некоторых авторов, чье творчество представлено в этом издании, например, Ильи Банникова, уже нет в живых. А материалы, связанные с его творчеством, отложились, в частности, в областном архиве и были любезно предоставлены сотрудником архива и однокурсником Ильи – уважаемым Игорем Казанцевым.

Часть стихов, прозы и образов была извлечена из Музея истории народного образования Челябинской области, в фонды которого в свое время я передал солидное количество документов, связанных с историей лаборатории. Другие – из личных архивов и коллекций. Прежде всего, это архивы уважаемого Сергея Владимировича Маркова, не менее чтимого Салавата Булатовича Баязитова и также дорогого моему сердцу, так рано от нас ушедшего Владимира Петровича Костюкова. Авторам и хранителям архивов – отдельная признательность.

Бессчетное количество раз разглядывая фотографии обитателей лаборатории, я ощущал себя счастливым человеком рядом с такими талантливыми учениками и коллегами. Талантливыми не только в науке. На кого ни брось взгляд: этот – поэт, та – художница, скульптор, музыкант... Иногда все это сочеталось в одной личности.

Подобное самодеятельное творчество, как я считаю, было частным результатом комфортной остановки, в которой росли эти творцы в лаборатории, ставшей им вторым домом. За каждым стихом или рисунком явственно просматривается страничка из долгой и счастливой по своему жизни нашей лаборатории; страничка жизни, которую мы прошли вместе, ориентируясь на свет далекой звезды по имени «Археология».

В истории лаборатории нашли себе место и семиклассник, страстно желавший стать археологом, и учитель из Чикаго, четыре года исследовавший с нами Устье, студенты и выпускники не только историко-педагогического факультета – люди с невероятной порой судьбой. В Археологии всем нашлось достаточно комфортное место. И все они были творцами. В моей памяти все они сродни эпическим героям, благодаря трудам которых стало возможным появление в современных учебниках светлого здания удивительной древней и средневековой истории края.

С уважением, Н.Б. Виноградов

Содержание

Археология как космос 5

Творчество, посвященное науке

Таня Чурина 9

Сергей Боталов 12

Андрей Зайцев 22

Леня Туфленков 56

Люба Загвоздина 62

Сергей Марков (Старший)
и Сергей Марков (Младший) 65

Фёдор Петров, Денис Шилов 74

Галя Туфленкова (Болотова) 76

Владимир Петрович Костюков 78

Женя Давыдов 81

Илья Банников 84

Валерий Еремин 92

Олег Козлов 113

Юрий Шмелев 123

Творчество неизвестных «лабораторцев» 127

Символика археологического движения,
созданная «лабораторцами»
(из архива С.В. Маркова) 143

Фототворчество Н.Б. Виноградова и Н.Н. Пашковой 146

Заключение 163